

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



43 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Грегор Иоганн Мендель* (1822–1884) — выдающийся учёный, основоположник генетики, чьи открытия заложили фундамент современной биологии и изменили представление о механизмах наследственности.

Иоганн Мендель родился в небольшом сельском поселении Хейнцендорф в Моравии (ныне территория Чехии) в семье крестьян. С ранних лет мальчик проявлял необычайную тягу к природе: он с интересом наблюдал за растениями и животными, подмечая различия между особями одного вида. Семья жила скромно, и образование для сына было серьёзным финансовым бременем, однако родители всеми силами старались поддержать любознательность Иоганна. Уже в начальной школе учителя отмечали его выдающиеся способности к точным наукам и исключительную память.

В 1834 году Мендель поступил в гимназию в Троппау, где особенно преуспел в математике и физике. Учёба давалась ему нелегко из-за постоянной нехватки средств: юноше приходилось подрабатывать, чтобы оплачивать учебники и жильё. В 1840 году он окончил гимназию и поступил в философские классы в Ольмюце, где изучал физику, математику и естественные науки. Именно в этот период Мендель всерьёз увлёкся экспериментами и начал понимать, что закономерности природы можно описывать языком чисел и статистики.

Тяжёлое материальное положение вынудило Менделя искать стабильный путь в жизни. В 1843 году он принял решение поступить в августинский монастырь Святого Фомы в Брюнне (ныне Брно). При постриге он взял имя Грегор. Монашеский статус давал не только кров и пропитание, но и доступ к библиотеке, лекциям и научным дискуссиям. Монастырь был важным интеллектуальным центром региона, и здесь Мендель смог продолжить образование, а позже даже преподавать физику и естественную историю в местной гимназии. Правда, сдать экзамены на звание учителя ему так и не удалось — дважды он проваливался на устных испытаниях, хотя в письменных работах неизменно показывал высокий уровень знаний.

С 1854 года Мендель начал проводить свои знаменитые опыты с посевным горохом в монастырском саду. Выбор объекта был не случаен: горох легко выращивать, он быстро даёт потомство, а его признаки (цвет цветков, форма и окраска семян) чётко различаются и наследуются предсказуемо. В течение восьми лет Мендель скрупулёзно скрещивал растения, подсчитывал тысячи потомков и фиксировал результаты. Он ввёл строгие правила эксперимента: использовал чистые линии, контролировал опыление вручную, вёл подробную статистику. Именно сочетание биологического эксперимента с математическим анализом позволило ему сформулировать законы наследственности — закон единообразия гибридов первого поколения, закон расщепления и закон независимого комбинирования признаков.

Результаты своей работы Мендель изложил в труде «Опыты над растительными гибридами», который представил в 1865 году на двух заседаниях Общества естествоиспытателей в Брюнне. В 1866 году статья была опубликована в ежегоднике общества. Однако современники не оценили масштаб открытия: работа осталась практически незамеченной. Лишь немногие учёные обратили внимание на строгую математическую логику выводов, но широкого признания не последовало. Сам Мендель пытался повторить свои опыты на других растениях и даже на пчёлах, но результаты оказались неоднозначными — впоследствии выяснилось, что механизмы наследования у этих организмов сложнее, чем у гороха, и не укладываются в простые схемы.

Интересный факт: Мендель не только занимался наукой, но и активно управлял монастырём. В 1868 году он был избран настоятелем монастыря Святого Фомы. С этого момента научная деятельность отошла на второй план: административные обязанности, финансовые вопросы и забота о братии отнимали почти всё время. Тем не менее даже в роли аббата Мендель оставался верен своему аналитическому подходу: он тщательно вёл учёт расходов, внедрял рациональные методы управления и даже интересовался метеорологией, регулярно записывая данные о погоде. Эти наблюдения он публиковал в научных изданиях, демонстрируя широту своих интересов.

Ещё один любопытный эпизод связан с отношением Менделя к религии и науке. Будучи глубоко верующим человеком, он не видел противоречия между своими религиозными убеждениями и научными поисками. Для него изучение природы было способом познания замысла Творца, а строгие законы наследственности — проявлением гармонии мироздания. Эта внутренняя цельность помогала ему сохранять терпение и настойчивость даже в периоды неудач и непонимания со стороны коллег.

Признание пришло к Менделю посмертно. В начале XX века, когда учёные заново открыли законы наследственности, работы Менделя были переосмыслены и признаны фундаментальными. Три исследователя — Хуго де Фриз, Карл Корренс и Эрих Чермак — независимо друг от друга подтвердили его выводы и указали на приоритет Менделя. С этого момента его имя прочно вошло в историю науки, а сформулированные им принципы стали основой генетики.

Умер учёный 6 января 1884 года в возрасте 61 года от хронического нефрита.

Сегодня имя Грегора Менделя известно каждому биологу, а его законы изучают в школе. В его честь названы научные премии, институты и даже кратер на Луне. Монастырский сад в Брно, где он ставил свои опыты, стал местом паломничества учёных и любителей науки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Капустина А. С.

Критерии допустимости переписок в мессенджерах как вещественных доказательств в уголовном процессе 145

Капустина А. С.

Процессуальный статус данных из облачных хранилищ при производстве выемки и обыска: проблема разграничения физического носителя и цифрового содержимого 147

Карлова Е. М.

Классификация следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора... 149

Карнаев М. Г.

Проблемы уголовной ответственности за финансирование террористической деятельности 153

Клочкова Т. К.

Жилое помещение как «вещь в себе»: почему правовой режим жилья до сих пор не сложился 155

Клочкова Т. К.

Объекты жилищных правоотношений: понятие, признаки и проблемные аспекты правовой квалификации 157

Колесникова К. А.

Пределы ответственности наследника по долгам наследодателя: актуальные проблемы..... 158

Коломиец А. И.

Злоупотребление исключительным правом на товарный знак как основание для отказа в удовлетворении требования о взыскании компенсации за нарушение такого права 161

Котиев И. Д.

Проблемы защиты авторских прав на объекты, размещенные в сети Интернет, в Российской Федерации..... 164

Кочорова С. Т.

Нарушение порядка собирания доказательств как основание признания их недопустимыми в уголовном судопроизводстве 166

Кравцов И. И.

Проблемы применения последствий недействительности ничтожных сделок: соотношение реституции и виндикации в современной судебной практике 170

Креков И. В.

Режим государственной границы как постоянно действующий административный режим, используемый в интересах пограничной безопасности Российской Федерации 172

Криворучко И. А.

Отдельные вопросы преимущественного права покупки доли в обществе с ограниченной ответственностью..... 175

Куликова С. А.

Тактические приемы подготовки и проведения допроса несовершеннолетних с участием психолога или педагога..... 177

Куликова С. А.

Особенности восприятия информации и формирования показаний у несовершеннолетних и малолетних 179

Кучеренко С. В.

О некоторых проблемах назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела 181

Максимов Д. Ю.

Трансформация института интересов ребенка в цифровую эпоху 185

Маркова А. К.

Разграничение ответственности заказчика и подрядчика при осуществлении государственного строительного надзора..... 186

Мартынова Т. В.

Защита чести и достоинства в цифровой среде: анализ правовых механизмов против онлайн-диффамации 189

Мартынова Т. В.

Разграничение оценочных суждений
и утверждений о фактах в делах о защите
чести, достоинства и деловой репутации 192

Мирный А. В.

Антикоррупционная деятельность в системе
государственного управления: современные
научные и цифровые подходы 197

Мокин Д. Я.

Правовые аспекты и процедурные
особенности представительства
в арбитражном судопроизводстве 199

Моногарова Д. А.

Роль международных соглашений
в охране авторских прав на литературные
и художественные произведения:
от Бернской конвенции до Соглашения
ТРИПС..... 202

Морозова Н. В.

Правовое регулирование деятельности
органов опеки и попечительства: проблемы
и их решение..... 205

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Критерии допустимости переписок в мессенджерах как вещественных доказательств в уголовном процессе

Капустина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В статье исследуется проблема допустимости переписок в мессенджерах Telegram и WhatsApp¹, представленных в виде скриншотов, в качестве вещественных доказательств по уголовным делам. Целью работы является выявление критериев, при соблюдении которых электронная переписка может признаваться допустимым доказательством. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Автором проанализированы требования уголовно-процессуального закона к электронным доказательствам и практика их применения. В результате предложена система критериев допустимости скриншотов мессенджеров и обоснована необходимость обязательной проверки их подлинности.

Ключевые слова: вещественные доказательства, электронные доказательства, мессенджеры, скриншот, допустимость доказательств, фальсификация доказательств, уголовный процесс.

Criteria for admissibility of messenger correspondence as physical evidence in criminal proceedings

The article examines the problem of admissibility of correspondence in Telegram and WhatsApp messengers, presented in the form of screenshots, as physical evidence in criminal cases. The aim of the work is to identify the criteria under which electronic correspondence can be recognized as admissible evidence. The methodological basis consists of formal legal, comparative legal and systemic methods. The author analyzes the requirements of criminal procedure law to electronic evidence and the practice of their application. As a result, a system of criteria for the admissibility of messenger screenshots is proposed and the need for mandatory verification of their authenticity is substantiated.*

Keywords: physical evidence, electronic evidence, messengers, screenshot, admissibility of evidence, falsification of evidence, criminal procedure.

Стремительная цифровизация общественных отношений привела к тому, что значительная часть коммуникации между гражданами осуществляется посредством мессенджеров, наиболее распространёнными из которых в России являются Telegram и WhatsApp*. В связи с этим в уголовном судопроизводстве всё чаще возникает необходимость использования содержания таких переписок в качестве доказательств. Однако практика их процессуального закрепления остаётся крайне неоднородной, а законодательство не содержит специальных норм, детально регламентирующих порядок собирания и проверки электронных сообщений. Как справедливо отмечается в научной литературе, «отсутствие чётких процессуальных стандартов работы с цифровыми доказательствами по-

рождает риск как необоснованного их отклонения, так и принятия сфальсифицированных материалов» [1, С. 78].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации относит к доказательствам любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024)). При этом статья 74 УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня видов доказательств, а статья 81 УПК РФ позволяет признавать вещественными доказательствами предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления либо сохранили на себе следы преступления.

¹ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией, деятельность на территории России запрещена).

Электронные сообщения, как носители информации, формально могут быть отнесены к вещественным доказательствам, однако их материальная природа существенно отличается от традиционных предметов.

Ключевая проблема заключается в том, что на практике переписка в мессенджерах чаще всего представляется стороной обвинения или защиты в виде скриншотов — статических изображений экрана мобильного устройства или компьютера. Суды нередко принимают такие материалы без надлежащей проверки, ограничиваясь их осмотром и приобщением к делу. Между тем скриншот не является оригиналом сообщения: он легко редактируется, а содержимое диалога может быть изменено через Web-версии мессенджеров, которые позволяют подменять отображаемые данные без изменения исходного кода приложения. В результате защита получает основание заявить о фальсификации доказательства, а суд оказывается перед необходимостью разрешать спор о подлинности материала, не располагая для этого эффективными процессуальными инструментами.

Представляется, что допустимость переписки в мессенджере как вещественного доказательства должна определяться совокупностью критериев, вытекающих из общих требований статей 74 и 75 УПК РФ, а также из специфики электронной информации. Первым критерием выступает ****надлежащий способ получения****. Скриншот, сделанный заинтересованным лицом самостоятельно, не может рассматриваться как полноценное доказательство, поскольку не позволяет установить источник происхождения информации. Надлежащим способом является осмотр мобильного устройства или компьютера с участием понятых и специалиста, фиксация содержания переписки в протоколе осмотра, а при необходимости — изъятие устройства или создание его образа (копии) с использованием специализированного программного обеспечения. Такой подход согласуется с требованиями статьи 177 УПК РФ, регламентирующей порядок производства осмотра (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024)).

Вторым критерием является возможность идентификации участников переписки. Скриншот должен содержать сведения, позволяющие достоверно установить, кому принадлежат аккаунты, между которыми велась коммуникация. К таким сведениям относятся номера телефонов, привязанные к аккаунтам, имена пользователей, фотографии профиля, а также данные о времени и дате сообщений. При этом необходимо учитывать, что аккаунт в мессенджере может быть создан с использованием чужого номера телефона или поддельного профиля, что требует дополнительной проверки.

Третьим критерием выступает сохранность метаданных. Скриншот, лишённый служебной информации (идентификаторов сообщений, временных меток, сведений об устройстве), не позволяет проверить его подлинность. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос об использовании специальных программных средств, способных

извлекать и фиксировать метаданные мессенджеров. Как отмечают исследователи, «для целей уголовного судопроизводства наибольшую ценность представляет не сам текст сообщения, а совокупность данных, подтверждающих его происхождение и неизменность» [2, С. 134].

Четвёртым критерием следует признать проверяемость источника. Если переписка получена в результате оперативно-розыскных мероприятий, она должна быть легализована в порядке, предусмотренном статьёй 89 УПК РФ, с соблюдением требований Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об оперативно-розыскной деятельности»). Если же переписка представлена стороной защиты или потерпевшим, суд обязан проверить, каким образом она была получена и не нарушает ли её использование конституционные права граждан, в частности право на тайну переписки, закреплённое статьёй 23 Конституции Российской Федерации (Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)).

Пятым критерием является возможность проверки через экспертизу. При возникновении сомнений в подлинности скриншота суд вправе назначить компьютерно-техническую экспертизу, перед которой могут быть поставлены вопросы о наличии признаков редактирования изображения, о соответствии метаданных заявленным обстоятельствам, о возможности изменения содержимого переписки через Web-версию мессенджера. Однако на практике назначение такой экспертизы по инициативе защиты встречает сопротивление, а суды не всегда осознают необходимость её проведения.

Анализ судебной практики показывает, что скриншоты мессенджеров нередко принимаются судами без проверки перечисленных критериев. В одних случаях суды ограничиваются ссылкой на то, что скриншот «обозревался в судебном заседании», в других — отклоняют ходатайства защиты о назначении экспертизы, ссылаясь на отсутствие сомнений в достоверности. Подобный подход противоречит принципу состязательности и создаёт условия для использования сфальсифицированных доказательств. Как подчёркивается в литературе, «суд не вправе принимать на веру электронный документ, происхождение которого не подтверждено, поскольку это подрывает саму идею правосудия» [3, С. 56].

Отдельного внимания заслуживает проблема Web-версий мессенджеров. Telegram Web и WhatsApp* Web позволяют пользователю просматривать переписку с любого устройства, при этом отображаемое содержимое может быть изменено путём манипуляций с кэшем браузера или использования специальных расширений. В результате скриншот, сделанный в Web-версии, может демонстрировать сообщения, которых в действительности не было. Это обстоятельство требует особой осторожности при оценке таких доказательств и обуславливает

необходимость проверки устройства, с которого производилась съёмка экрана.

Таким образом, допустимость переписки в мессенджере как вещественного доказательства не может быть сведена к формальному приобщению скриншота к материалам дела. Необходимо выработать единые критерии, включающие надлежащий способ получения, идентификацию участников, сохранность метаданных, проверяемость источника и возможность экспертной про-

верки. Представляется целесообразным дополнить УПК РФ нормой, устанавливающей специальные требования к электронным доказательствам, а также включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснения о порядке оценки скриншотов мессенджеров. Только при соблюдении указанных условий электронная переписка сможет стать полноценным и надёжным средством установления истины по уголовному делу, а не источником сомнений и процессуальных споров.

Литература:

1. Оконенко Р. И. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (93). — С. 120–128.
2. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — 22 с.
3. Волеводз А. Г. О допустимости электронных доказательств в уголовном процессе // Уголовное право. — 2023. — № 6. — С. 45–52.
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 2.

Процессуальный статус данных из облачных хранилищ при производстве выемки и обыска: проблема разграничения физического носителя и цифрового содержимого

Капустина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В статье исследуется процессуальный статус данных, размещённых в облачных хранилищах (iCloud, Google Drive), при производстве таких следственных действий, как выемка и обыск. Целью работы является выявление теоретических и практических оснований для разграничения изъятия физического устройства и копирования удалённых данных. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Автором проанализированы нормы статей 182 и 183 УПК РФ и практика их применения к облачным сервисам. В результате обоснован вывод о необходимости получения отдельного судебного решения для доступа к содержимому облачного хранилища, поскольку изъятие телефона не тождественно изъятию данных, хранящихся на удалённом сервере.

Ключевые слова: облачные хранилища, выемка, обыск, электронные носители информации, тайна переписки, судебное решение, допустимость доказательств.

Procedural status of cloud storage data during search and seizure: the problem of distinguishing physical media from digital content

The article examines the procedural status of data stored in cloud services (iCloud, Google Drive) during such investigative actions as seizure and search. The aim of the work is to identify theoretical and practical grounds for distinguishing the seizure of a physical device from the copying of remote data. The methodological basis consists of formal legal, systemic and comparative legal methods. The author analyzes the provisions of Articles 182 and 183 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the practice of their application to cloud services. As a result, the conclusion is substantiated that obtaining a separate judicial decision is necessary to access the contents of cloud storage, since the seizure of a phone is not identical to the seizure of data stored on a remote server.

Keywords: cloud storage, seizure, search, electronic media, confidentiality of correspondence, judicial decision, admissibility of evidence.

Современные технологии хранения информации претерпели фундаментальный сдвиг: значительная часть

пользовательских данных — переписка, фотографии, документы, резервные копии — размещается не на ло-

кальных устройствах, а на удалённых серверах, управляемых облачными провайдерами. Для российского уголовного процесса это обстоятельство создаёт проблему, которая до настоящего времени не получила удовлетворительного законодательного разрешения. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации оперирует категорией «электронные носители информации», под которыми традиционно понимаются материальные объекты, используемые для записи и хранения данных (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024)). Однако облачное хранилище не является носителем в физическом смысле: оно представляет собой распределённую инфраструктуру, доступ к которой осуществляется через сеть Интернет. Как справедливо отмечается в процессуальной литературе, «законодатель, формулируя правила изъятия электронных носителей, исходил из модели локального хранения информации, которая к настоящему моменту перестала быть доминирующей» [1, С. 64].

Часть 9.1 статьи 182 и часть 3.1 статьи 183 УПК РФ устанавливают, что изъятие электронных носителей информации при обыске и выемке производится с участием специалиста, а по ходатайству законного владельца с изымаемых носителей может быть осуществлено копирование информации на другие носители (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024)). Указанные нормы, однако, не содержат ответа на вопрос о том, распространяются ли их требования на данные, которые физически не находятся на изымаемом устройстве. На практике это порождает ситуацию, при которой изъятие смартфона рассматривается как достаточное основание для последующего доступа ко всей информации, синхронизированной с облачным аккаунтом, без получения отдельного судебного решения. Подобный подход представляется необоснованным с точки зрения конституционных гарантий.

Конституция Российской Федерации закрепляет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статья 23). Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения (Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)). Данное конституционное положение в полной мере применимо к сообщениям, хранящимся в облачных сервисах: переписка в мессенджерах, синхронизированная с iCloud или Google Drive, не утрачивает характера «сообщения» только потому, что она размещена на удалённом сервере, а не в памяти телефона. Следовательно, доступ к ней со стороны органов предварительного расследования должен опосредоваться теми же гарантиями, что и доступ к локальным сообщениям.

Ключевое разграничение, которое необходимо провести, состоит в следующем: изъятие физического устройства (смартфона, планшета, ноутбука) и копирование данных из облачного хранилища, доступного через это

устройство, представляют собой два различных по своей правовой природе действия. Первое является изъятием материального объекта, которое подчиняется общим правилам статей 182 и 183 УПК РФ. Второе представляет собой доступ к информации, хранящейся на сервере, принадлежащем третьему лицу (провайдеру облачных услуг), и требует либо согласия владельца информации, либо судебного решения. Как подчёркивается в научных исследованиях, «правовой режим облачных данных определяется не местом их физического нахождения, а характером охраняемых законом интересов, которым они принадлежат» [2, С. 118].

Судебная практика по данному вопросу остаётся противоречивой. В одних случаях суды признают допустимыми доказательствами протоколы осмотра изъятых телефонов, содержащие скриншоты переписки из облачных приложений, не требуя при этом отдельного судебного решения на доступ к серверу. В других — защита заявляет о нарушении конституционной тайны переписки, указывая на то, что следователь вышел за пределы разрешения, выданного на обыск в жилище или на изъятие устройства. Представляется, что вторая позиция в большей степени соответствует конституционным требованиям. Изъятие телефона в ходе обыска в помещении означает лишь то, что устройство становится объектом, доступным для процессуального исследования; оно не создаёт автоматического права на доступ ко всем сервисам и аккаунтам, с которыми это устройство связано.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о процессуальном статусе облачных провайдеров. В отличие от владельца устройства, провайдер не является участником уголовного судопроизводства, и его обязанность предоставить информацию может возникнуть только на основании судебного решения или в порядке, предусмотренном статьёй 183 УПК РФ применительно к документам, содержащим охраняемую законом тайну. При этом необходимо учитывать, что серверы многих облачных сервисов расположены за пределами Российской Федерации, что делает прямое применение мер процессуального принуждения затруднительным и требует использования механизмов международной правовой помощи. Как отмечается в литературе, «трансграничный характер облачного хранения создаёт дополнительные сложности, связанные с определением применимого права и допустимости доказательств, полученных за рубежом» [3, С. 92].

С практической точки зрения рассматриваемая проблема проявляется в нескольких типичных сценариях. Первый: следователь изымает смартфон в ходе обыска, затем в ходе осмотра устройства обнаруживает, что приложение мессенджера синхронизировано с облаком, и получает доступ к переписке, которая не была загружена на устройство до момента изъятия. Второй: следователь направляет запрос провайдеру облачных услуг о предоставлении резервной копии данных, ссылаясь на постановление об обыске, вынесенное в отношении владельца устройства. Третий: защита заявляет ходатайство об исключении про-

токола осмотра облачных данных как полученного с нарушением статьи 23 Конституции. Во всех этих случаях суд оказывается перед необходимостью разрешить вопрос, на который УПК РФ не даёт прямого ответа.

Представляется обоснованным следующий подход. Доступ к данным, хранящимся в облачном сервисе, независимо от того, осуществляется ли он через изъятое устройство или путём направления запроса провайдеру, должен рассматриваться как самостоятельное процессуальное действие, требующее либо добровольного согласия лица, которому принадлежит аккаунт, либо судебного решения, вынесенного в порядке, предусмотренном статьёй 165 УПК РФ. Изъятие устройства само по себе не может служить основанием для преодоления конституционной гарантии тайны переписки. В противном случае создаётся ситуация, при которой правоохранительные органы получают доступ к неограниченному объёму информации, включая сведения, не относящиеся к расследуемому преступлению, без какого-либо внешнего контроля.

Кроме того, необходимо учитывать, что облачные сервисы часто используются несколькими пользователями (например, семейный доступ к iCloud или общий Google

Drive), что создаёт риск нарушения прав третьих лиц, не причастных к уголовному делу. Это обстоятельство дополнительно подтверждает необходимость судебного контроля при доступе к облачным данным.

Таким образом, процессуальный статус данных из облачных хранилищ при производстве выемки и обыска требует законодательного уточнения. Представляется целесообразным дополнить статью 182 УПК РФ нормой, прямо указывающей, что доступ к информации, размещённой на удалённых серверах (включая облачные хранилища), осуществляется на основании отдельного судебного решения, за исключением случаев добровольного согласия владельца информации. Аналогичное разъяснение следовало бы включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ, посвящённое производству следственных действий в сфере компьютерной информации. До внесения таких изменений судам при оценке допустимости доказательств, полученных из облачных сервисов, следует исходить из приоритета конституционной гарантии тайны переписки над формальным фактом изъятия устройства. Только при таком подходе баланс между интересами расследования и правами личности будет соблюден.

Литература:

1. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — 22 с.
2. Оконенко Р. И. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (93). — С. 120–128.
3. Волеводз А. Г. О допустимости электронных доказательств в уголовном процессе // Уголовное право. — 2023. — № 6. — С. 45–52.
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 2.

Классификация следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора

Карлова Екатерина Максимовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Следы губ, лба, носа и ушных раковин закреплены в стандартах как объекты судебно-трасологической экспертизы. Единого основания для их деления криминалистика при этом не выработала. Поэтому следователь и эксперт выбирают способ изъятия, вид образцов и методику исследования по аналогии с дактилоскопией. Цель — обосновать многоуровневую классификацию следов кожного покрова без папиллярного узора и определить ее значение для собирания следов и экспертного исследования. Для этого применены формально-юридический и сравнительный методы, системный анализ и балльная экспертная оценка. Установлено, что группа неоднородна: индивидуальность следа создается микро-рельефом кожи, анатомической формой органа или приобретенными особенностями. Предложено делить следы по локализации, источнику индивидуальности, механизму образования и веществу следа. По оценке автора, наибольший идентификационный потенциал имеют следы губ и ушных раковин. Классификацию можно использовать в методических рекомендациях по осмотру места происшествия, при получении образцов по статье 202 УПК РФ и при выборе вида экспертизы.

Ключевые слова: трасология, гомоскопия, следы губ, следы ушной раковины, кожный покров, классификация следов, образцы для сравнительного исследования.

При осмотре места происшествия следы губ, лба, носа и ушных раковин находят гораздо реже следов рук. Тем не менее в отдельных делах они остаются единственным отображением внешности человека, побывавшего на месте события. ГОСТ 34791–2021 относит к объектам судебно-трасологической экспертизы следы участков кожи человека без папиллярных узоров — губ, лба, ушной раковины и т. д. [1]. Перечень открыт: оборот «и т. д.» допускает любые участки тела, но не называет признака, по которому их группировать.

Индивидуальность таких следов разные авторы обосновывали на разном материале. А. В. Яннарелли проводил также обследование близнецов и доказал, что ушная раковина каждого человека по своему строению также индивидуальна, как и рисунок папиллярных линий пальцев рук [7]. Я. Цутихаси в 1974 г. предложил типологию бороздок красной каймы губ [8]. В учебнике под редакцией И. Ф. Герасимова и Л. Я. Драпкина следы губ и лба стоят в одном ряду со следами рук, ног и зубов [4]. В журнале «Судебно-медицинская экспертиза» подчеркивается, что использование отпечатков ушных раковин — ситуации очень редкие [3].

Нерешенным остается основание деления. Перечень участков тела показывает, где может оказаться след. Однако из него не видно, почему следы губ и ушной раковины требуют разных образцов, разной упаковки и разных методик; пока ответа нет, классификация остается описательной.

Цель статьи — обосновать многоуровневую классификацию следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, и определить, как ее основания влияют на собирание следов, получение образцов и выбор вида экспертизы.

ГОСТ Р 57428–2017 строил систему по виду идентифицируемого объекта. В зависимости от вида трасологической экспертизы он выделял четыре основных вида идентифицируемых объектов: человек (гомоскопические экспертизы), орудия, механизмы, иные объекты (механоскопические экспертизы), транспортные средства и животных [2]. Следы кожи без папиллярного узора здесь относятся к гомоскопии. В межгосударственном ГОСТ 34791–2021 примечание об объектах экспертизы осталось дословно тем же [1]; изменился статус документа, но не состав группы. В итоге методика исследования таких следов выводится из общих положений гомоскопии: специальных правил стандарт не содержит.

Более узкое понятие закреплено в п. 88 ГОСТ 34791–2021: следы кожного покрова головы человека — это «отображения наружного рельефа кожи лба, носа, губ, подбородка, щек...» [1]. Определение строится на понятии рельефа. Для губ и лба оно точно: в следе отображаются бороздки, морщины и поры. Для ушной раковины оно точно

лишь отчасти (след передает прежде всего контур покрытого кожей хрящевого каркаса); колено, локоть и тыльная поверхность кисти в определение не входят вовсе.

Учебная литература делит следы иначе. В учебнике под редакцией И. Ф. Герасимова и Л. Я. Драпкина следы по следообразующему объекту разделены на следы человека (рук, ног, губ, лба, зубов и др.); б) орудий (оружия), инструментов, производственных механизмов и машин; в) транспортных средств; г) животных [4]. Губы и лоб стоят здесь на одном уровне с руками и зубами, а стандарт объединяет их в особую группу по отсутствию папиллярного узора. У различия есть практическое следствие: по логике учебника каждый участок тела получает собственную методику; по логике стандарта группе нужна общая методика, которой пока нет.

Отрицательный признак — отсутствие папиллярных линий — объединяет следы, у которых больше нет общих свойств, и сам по себе не может служить основанием для выбора методики.

Индивидуальность отдельных видов следов в работах, которые ее обосновали, имеет разную природу. У А. В. Яннарелли она выводится из анатомического строения ушной раковины [7]. Я. Цутихаси систематизировал рисунок бороздок красной каймы губ и выделил типы I и I' (полные и неполные вертикальные), II (ветвящиеся), III (пересекающиеся), IV (сетчатые) и V (неопределенные) [8]. В первом случае признаки принадлежат форме органа. Во втором — микрорельефу кожи.

Различия трех подходов сведены в таблицу 1.

Ни один подход не связывает класс следа с методикой его исследования. Стандарт дает перечень, учебник — уровень классификации, п. 88 — признак рельефа; источник индивидуальности и вещество следа не учитывает никто. Именно от этих двух оснований зависят состав образцов и вид назначаемой экспертизы.

Под следами кожного покрова, не имеющего папиллярного узора, мы понимаем отображения участков кожи головы, туловища и конечностей, индивидуализирующие признаки которых создаются микрорельефом кожи, формой подлежащих тканей или приобретенными особенностями. Рабочее определение шире п. 88 ГОСТ 34791–2021 и охватывает колено, локоть, тыльную поверхность кисти. Оно же задает главное основание деления.

В авторской классификации следы делятся по четырем основаниям: — по локализации — на следы кожи головы (лоб, нос, губы, подбородок, щеки, ушные раковины) и следы кожи туловища и конечностей; — источник индивидуальности позволяет выделить рельефные, морфологические следы и следы приобретенных особенностей; — в зависимости от механизма образования следы бывают поверхностными и объемными, статическими и динами-

Таблица 1. Подходы к выделению следов кожи без папиллярного узора

Критерий	Примечание об объектах в ГОСТ Р 57428–2017 и ГОСТ 34791–2021	П. 88 ГОСТ 34791–2021	Учебник под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина
Основание выделения	отсутствие папиллярного узора	локализация на голове, наружный рельеф	следообразующая часть тела
Названные участки	губы, лоб, ушная раковина	лоб, нос, губы, подбородок, щеки	губы, лоб наряду с руками, ногами, зубами
Положение группы	самостоятельная группа объектов	понятие для участков головы	группа не выделяется
Участки вне головы	охватываются оборотом «и т. д».	не охватываются	охватываются оборотом «и др».

Источник: составлено по [1; 2; 4].

ческими; — вещество следа отличает потожировые следы от следов с наслоением губной помады, слюны или крови.

От источника индивидуальности зависит, как ведет себя след при образовании. При сильном давлении бороздки красной каймы в следе губ сглаживаются, и различимых признаков становится меньше; в следе ушной раковины хрящ уплощается, контур завитка, противозавитка и мочки увеличивается, но взаимное расположение элементов сохраняется. Рельефный след при сильном нажиме теряет информацию. Морфологический ее искажает, но не утрачивает. Поэтому сравнительные образцы для них получают по разным схемам.

Особо стоят следы приобретенных особенностей: рубцов, ожоговых изменений, проколов мочки, деформаций ушной раковины у борцов. Их значение двойственно. Такие признаки резко индивидуализируют след, однако могли появиться уже после события, и сравнивать с ними след можно только тогда, когда известно время их возникновения.

Вещество следа делает часть следов объектами сразу нескольких экспертиз. На кромке стакана или фильтре сигареты след губ несет рельеф красной каймы, слюну и не-

редко губную помаду: рельеф исследуется трасологически, слюна — в молекулярно-генетической экспертизе, помада — в экспертизе материалов и веществ. Потожировой след лба на оконном стекле, напротив, ценен прежде всего рельефом. Если объект комплексный, трасологическое изучение должно предшествовать отбору вещества.

Идентификационный потенциал отдельных видов следов мы оценили по четырем критериям по шкале от 1 до 3 баллов (таблица 2).

Лидеры опережают остальные виды на 2–6 баллов из 12 возможных. Высокая сумма еще не означает, что по следу можно дать категорический вывод: шкала измеряет потенциал, а не наличие апробированной методики. Губы и ушная раковина лидируют по разным причинам (губы — за счет частоты обнаружения и вещества, ушная раковина — за счет устойчивости формы хряща у взрослого человека). Следы с суммой 5 баллов, по нашей оценке, пригодны главным образом для установления групповой принадлежности и решения диагностических задач.

Следы лба и носа на стекле обычно образуются парой, когда человек прислоняется к окну или витрине. Пара повышает ценность каждого следа: взаимное расположение

Таблица 2. Идентификационный потенциал следов кожного покрова без папиллярного узора, баллы

Вид следа	Источник индивидуальности	Устойчивость признаков	Вариативность признаков	Частота обнаружения	Пригодность вещества для биологического исследования	Сумма
Губы	рельеф	2	3	3	3	11
Ушная раковина	морфология	3	3	2	2	10
Лоб	рельеф	2	2	2	2	8
Нос	морфология, рельеф	2	1	2	2	7
Подбородок, щеки	рельеф	1	1	1	2	5
Колено, локоть, тыл кисти	рельеф, приобретенные особенности	1	2	1	1	5

Источник: авторская оценка.

отображений лба и кончика носа дает дополнительный признак и позволяет судить о росте и позе.

Часть 1 ст. 202 УПК РФ позволяет следователю получать образцы для сравнительного исследования, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах [5]. Часть 2 той же статьи требует, чтобы не применялись методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство [5]. Какие именно образцы получать, норма не говорит. Для следов губ и ушных раковин их состав определяется классом следа, а запрет ч. 2 требует получать оттиски лица без посторонних.

Зарубежная практика знает дела, в которых след ушной раковины стал доказательством. Сотрудники криминалистической лаборатории столичной полиции Варшавы в 1995 г. описали опыт Интерпола по исследованию отпечатков ушных раковин в деле о групповом преступлении в бельгийском Шарлеруа, где была совершена кража из магазина химических товаров [3]. Однако морфологический след ценен лишь при наличии образцов от проверяемых лиц: сам он на круг подозреваемых не указывает, в отличие от следа со слюной, который проверяется по федеральной базе данных геномной информации.

Из класса следа вытекают разные требования к образцам: — для рельефного следа губ — серия оттисков на бумаге и прозрачной пленке при слабом, среднем и сильном нажиме, с помадой и без нее; — ушную раковину отображают серией оттисков с разным давлением и масштабными снимками в профиль; — приобретенные особенности требуют документов, подтверждающих время их появления (медицинские записи, ранние фотографии); — если на следе есть вещество, его отбирают после трасологического исследования, а образцы буккального эпителия получают у проверяемого лица отдельно.

Статья 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ требует, чтобы заключение эксперта позволяло проверить обоснованность и достоверность выводов «на базе общепринятых научных и практических данных» [6]. Для губ и ушной раковины такая база сложилась: типология Я. Цутихаси [8] и морфологическая система А. В. Яннарелли [7] воспроизводимы и проверяемы. Для щек, подбородка и колена сопоставимых систем признаков нет. Пока не появятся апробированные методики, вывод эксперта по этим следам, полагаем, должен ограничиваться групповой принадлежностью.

Литература:

1. ГОСТ 34791–2021. Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=466199&moduleId=9> (дата обращения: 21.10.2026).
2. ГОСТ Р 57428–2017. Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200144959> (дата обращения: 21.10.2026).
3. Значение ушной раковины человека для его идентификации // Судебно-медицинская экспертиза. 2022. № 3. URL: <https://www.mediasphera.ru/issues/sudebno-meditsinskaya-ekspertiza/2022/3/1003945212022031030> (дата обращения: 21.10.2026).

Предлагаем закрепить в методических рекомендациях по осмотру места происшествия обязанность указывать класс следа в протоколе осмотра. Формулировка вроде «рельефный след губ на кромке стакана» или «морфологический след ушной раковины на двери на высоте 158 см от пола» (значение условное) сразу определяет упаковку, вид экспертизы и перечень образцов; специалисту не приходится подбирать их по аналогии с дактилоскопией. Высота следа ушной раковины используется и для оценки роста. Если следы губ изымать вместе с предметом-носителем, слюна не утрачивается при копировании на пленку.

Если при пересмотре ГОСТ 34791–2021 п. 88 дополняют участками туловища и конечностей, а основания деления получают терминологическое закрепление, классификация перейдет из учебной литературы в экспертную практику. При нынешней редакции рост числа исследований можно ожидать лишь по следам губ и ушных раковин, признаки которых уже систематизированы.

ГОСТ Р 57428–2017 и ГОСТ 34791–2021 выделяют следы кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, по отрицательному признаку, а п. 88 ГОСТ 34791–2021 ограничивает понятие участками головы. Ни нормативный, ни учебный подход не связывает класс следа с методикой его исследования.

Мы обосновали деление таких следов по локализации, источнику индивидуальности, механизму образования и веществу следа. Ведущее основание — источник индивидуальности. Рельефные следы при сильном нажиме теряют признаки, морфологические их искажают, а для следов приобретенных особенностей нужно устанавливать время появления признака. По авторской оценке, наибольший потенциал имеют следы губ и ушных раковин; следы щек, подбородка и колена пригодны прежде всего для групповых и диагностических выводов.

Классификацию можно применять при подготовке методических рекомендаций по осмотру места происшествия, при определении вида и числа образцов по ст. 202 УПК РФ и при выборе последовательности исследований комплексного объекта, несущего рельеф и вещество одновременно.

Выводы о сравнительном потенциале отдельных видов следов основаны на экспертной оценке и требуют проверки на экспериментальных выборках. Дальнейшие исследования целесообразно направить на систематизацию признаков следов лба и носа, на изучение влияния давления на морфологические следы и на разработку автоматизированного сравнения отпечатков ушных раковин.

4. Криминалистика: учебник / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2000. URL: https://www.pravo.vuzlib.su/book_z1232_page_11.html (дата обращения: 21.10.2026).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.). Статья 202. URL: <https://base.garant.ru/12125178/f2464a1909f97d808a7fd545b1587b0c/> (дата обращения: 21.10.2026).
6. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 21.10.2026).
7. Iannarelli A. V. Ear Identification. Fremont: Paramount Publishing Company, 1989.
8. Tsuchihashi Y. Studies on personal identification by means of lip prints // Forensic Science. 1974. Vol. 3. P. 233–248.

Проблемы уголовной ответственности за финансирование террористической деятельности

Карнаев Михаил Геннадьевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Террористические акты приводят к массовым человеческим жертвам, оказывают сильное психологическое давление на множество людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения. Однако терроризм не сможет существовать в полной мере без соответствующей финансовой поддержки. Многие изъявляют желание поддерживать жестокую и опасную деятельность и находят все больше способов скрытно ее финансировать. Любая террористическая деятельность осуществляется с использованием денежных средств: приобретается оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, информация, прикрытие и иное. Соответственно, важной мерой противодействия терроризму является борьба с его финансированием. В статье подробно рассмотрены проблемы уголовно-правовой ответственности за финансирование террористической деятельности, а также предложены возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: материально-техническое обеспечение террористической деятельности, защита суверенитета страны, борьба с экстремизмом и террором.

Уголовная ответственность за финансирование терроризма предусмотрена в ч. 1.1 ст. 205.1 Уголовного кодекса РФ. Санкция данной уголовно-правовой нормы предусматривает «лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без такового или пожизненное лишение свободы».

Согласно нормативному толкованию, изложенному в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1, и примечанию 1 к ст. 205.1 УК РФ, под финансированием терроризма понимается умышленное предоставление или сбор денежных средств либо иных материальных активов. Обязательным признаком данного деяния выступает осознание субъектом того, что указанные ресурсы предназначены для организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений террористического характера (в частности, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 УК РФ). Кроме того, криминализируемое содействие охватывает материальное обеспечение конкретного лица

для совершения им указанных посягательств, а также ресурсную поддержку организованных групп, незаконных вооруженных формирований или преступных сообществ, созданных (или находящихся в процессе создания) для реализации террористических целей.

В качестве ключевой проблемы исследования выступает обоснованность и правомерность привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение данного деяния. Финансированием терроризма зачастую занимаются лица, получающие финансовые средства в результате совершения хищений денежных средств путем мошенничества. А как известно, раскрываемость таких преступлений является низкой, что приводит к безнаказанности таких лиц. С февраля 2023 г. в России активизировались злоумышленники, которые по мобильным телефонам звонят гражданам РФ и представляются сотрудниками полиции. Впервые обращаясь к гражданину, они точно называют его фамилию, имя и отчество. Затем сообщают, что ими пресечена попытка банковского перевода с его счета. Некоторые граждане из регионов РФ, приняв звонок от «сотрудника полиции из города Москвы», следуют всем требованиям злоумышленников, которые с целью сбора

персональных данных и мошенничества проводят допрос по телефону якобы с составлением протокола допроса. Затем с целью подписания протокола онлайн предлагают (а зачастую и вынуждают) граждан продиктовать данные банковской карты (номер и ПИН-код, секретный код на обороте карты), ИНН, СНИЛС и другие данные. При отказе граждан подписать протокол онлайн (с подтверждением через СМС-код) мошенники сообщают о привлечении к уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления и заведомо ложные показания по ст. 306 и 307 УК РФ. Таким путем совершаются незаконные финансовые операции в РФ. Мы указали один из методов работы преступников в сети Интернет.

Через Сеть происходит утечка персональных данных. Стало понятно, что могут использоваться сайты известных коммерческих банков и микрофинансовых организаций, которые принимают онлайн-заявки на различные кредиты. Возможен перехват информации через известные интернет-программы, которыми пользуются граждане и юридические лица. Заявки на кредитование могут идти через сайты, которые находятся на иностранных хостингах и доменах. Кроме того, возможно, используется информация из российских бюро кредитных историй, которые работают в Сети на иностранных источниках, движках, хостингах и доменах. Таким образом, банковская информация в оперативном режиме попадает к злоумышленникам буквально в день обращения гражданина в банк за кредитом или микрокредитом либо на следующий день. Злоумышленники, возможно, пользуются услугами киберпреступников или покупают данные у лиц, которые имеют доступ к этим сведениям либо взламывают сайты этих организаций и банков. Сложно обвинить банки и иные коммерческие и кредитные организации в какой-либо незаконной деятельности. Поэтому важно информировать граждан России о случаях мошенничества, связанных с телефонными звонками от якобы сотрудников полиции или иных правоохранительных органов. Часто потенциальной жертве звонит «сотрудник полиции или ФСБ» и заявляет о том, что некий сотрудник банка украл персональные данные и переводит со счета деньги в пользу армии Украины. Жертве угрожают уголовным делом и лишением свободы на 20 лет. После подключается «служба безопасности банка», вынуждая клиента переводить свои средства на счета мошенников и брать кредиты, чтобы «вычислить виновного во всем сотруднику банка».

В некоторых случаях на карты граждан приходят деньги, а затем звонят неизвестные и просят вернуть указанные средства. Как только человек переводит всю сумму обратно или на иные указанные мошенниками счета, ему начинают звонить «сотрудники правоохранительных органов», пытаясь осуществить описанную ранее схему.

В современных условиях глобализации и цифровизации финансовых рынков наблюдается активная эволюция неофициальных средств платежа, среди которых ключевое место занимает криптовалюта. Как справедливо

отмечают И. В. Андропова, Н. П. Гусаков и Е. Б. Завьялова, цифровые активы стали одним из ведущих инструментов финансирования террористической деятельности [2, с. 123]. Из-за специфики архитектуры блокчейн-платформ и механизмов функционирования криптовалютных бирж идентификация конечного бенефициара и отправителя средств, направляемых на нужды террористических организаций, сопряжена со значительными трудностями.

Основная уязвимость существующих систем финансового мониторинга кроется в специфике P2P-операций (peer-to-peer), обеспечивающих прямую куплю-продажу активов между физическими лицами. В то время как фиатный этап транзакции (вход и выход денежных средств через банковские системы) поддается государственному контролю и позволяет правоохранительным органам установить первоначального покупателя или конечного продавца, движение активов внутри самой биржи остается латентным. Использование злоумышленниками внутренних биржевых переводов (внутренние субсчета и оффчейн-транзакции) разрывает цепочку прослеживаемости. В результате добросовестные участники оборота вовлекаются в схемы легализации, а фактические организаторы финансирования терроризма избегают уголовной ответственности из-за невозможности процессуального доказывания их связи с конкретным кошельком.

Аналогичная деструктивная схема реализуется посредством индустрии нелегального игорного бизнеса в сети Интернет (онлайн-казино), деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации. Механизм вовлечения данных платформ в преступный оборот схож с криптовалютным: субъект пополняет баланс игрового аккаунта, после чего осуществляет транзит и вывод накопленных средств на счета, подконтрольные террористическим структурам. Ситуация осложняется тем, что абсолютное большинство онлайн-казино зарегистрировано в иностранных юрисдикциях (преимущественно в офшорных зонах и государствах, признанных недружественными). Отсутствие механизмов международного правового сотрудничества и трансграничного обмена информацией между профильными ведомствами исключает возможность оперативного получения сведений о движении капитала. Это ставит перед отечественными спецслужбами и органами предварительного расследования сложную задачу по разработке новых методических подходов к выявлению, пресечению террористической деятельности и привлечению к уголовной ответственности ее реальных спонсоров.

Дополнительной значимой проблемой выступает то, что действующая система ответственности за финансирование терроризма не учитывает размера предоставленного обеспечения.

Диспозиция ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, регламентирующая ответственность за финансирование терроризма, в настоящей редакции не содержит стоимостных критериев передаваемых материальных ценностей или денежных средств. Исходя из буквального толкования нормы, зако-

нодатель не дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от размера оказываемой финансовой поддержки. Следовательно, действия лица, совершившего перевод в размере 100 руб., и лица, направившего на нужды террористических организаций 100 млн руб., квалифицируются по одной и той же части указанной статьи.

Представляется, что отсутствие стоимостного выражения предмета данного преступления вступает в противоречие с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку степень общественной опасности деяния во многом детерминирована объемом его материального обеспечения. В целях совершенствования уголовного законодательства и обеспечения соразмерности наказания предлагается провести отраслевую дифференциацию ответственности путем дополнения ст. 205.1 УК РФ новыми квалифицирующими составами.

Во-первых, видится целесообразным введение ч. 1.2 ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование терроризма в крупном размере. В качестве порогового значения крупного размера предлагается зафиксировать сумму, превышающую 100 тыс. руб. Санкцию за данное деяние надлежит установить в виде

лишения свободы на срок от 10 до 20 лет с назначением дополнительных видов наказаний.

Во-вторых, обоснованным представляется выделение особо опасных форм финансового содействия терроризму посредством включения ч. 1.3 ст. 205.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за аналогичные деяния, совершенные в особо крупном размере (свыше 1 млн руб.). С учетом колоссального деструктивного потенциала сверхкрупных финансовых вливаний в террористическую инфраструктуру санкция данной нормы должна предусматривать лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо альтернативное наказание в виде пожизненного лишения свободы (наряду с дополнительными видами наказаний).

Данные поправки направлены на пресечение каналов финансирования терроризма и призваны повысить предупредительное значение уголовно-правовых институтов. Введение специального состава преступления видится своевременным и оправданным шагом законодателя. При этом практическая реализация разработанных автором мер позволит значительно повысить эффективность уголовно-правового противодействия рассматриваемой категории особо тяжких преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Андропова, И. В. Финансирование терроризма: новые вызовы для международной безопасности / И. В. Андропова, Н. П. Гусаков, Е. Б. Завьялова // Вестник международных организаций. — 2020. — № 1 (15). — С. 120–134.
3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // СПС Консультант-Плюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/?ysclid=mvglr1tmz23461926 (дата обращения: 20.10.2026).

Жилое помещение как «вещь в себе»: почему правовой режим жилья до сих пор не сложился

Клочкова Тамара Константиновна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

Статья посвящена парадоксу, лежащему в основе жилищного права: жилое помещение одновременно является объектом гражданского оборота и объектом публично-правового регулирования, однако единый правовой режим, который бы соединял эти начала, до сих пор не выработан. Автор полемизирует с попытками свести жилищные правоотношения либо к гражданско-правовым, либо к административно-правовым и обосновывает тезис о том, что «неудобство» жилого помещения как объекта права является не недостатком законодательства, а отражением его социальной природы.

Ключевые слова: жилищные правоотношения, объект права, правовой режим, жилое помещение, дуализм частного и публичного.

Есть в цивилистике объекты «удобные» — ценные бумаги, доли в уставном капитале, безналичные деньги. Их режим можно описать через привычные конструкции сделок и вещных прав. Жилое помещение к таким объ-

ектам не относится. Оно упорно сопротивляется любой попытке загнать его в прокрустово ложе одной отрасли. Гражданский кодекс видит в нём недвижимость и объект собственности. Жилищный кодекс — место постоянного

проживания и предмет социальных гарантий. Конституционный Суд — «жилище», неприкосновенность которого гарантирована ст. 25 Конституции РФ [1], что порождает совершенно особый конституционно-правовой слой, не сводимый ни к ГК, ни к ЖК.

Именно эта многослойность и порождает главную теоретическую трудность. Как заметил один из исследователей, понятие жилого помещения характеризуется «плюрализмом дефиниций»: оно определяется и в Жилищном кодексе (ст. 15), и в Гражданском кодексе (ст. 130, 141.4), и в градостроительном законодательстве, причём определения не совпадают. В результате правоприменитель оказывается перед выбором: какой режим применять в конкретной ситуации — вещно-правовой, обязательственный или публично-правовой?

В доктрине давно существует спор об отраслевой принадлежности жилищных правоотношений [6]. Сторонники «цивилистической» концепции полагают, что жилищные отношения — лишь разновидность гражданско-правовых, а жилищное право — не более чем институт гражданского права. Сторонники «комплексной» концепции настаивают на том, что жилищное право представляет собой комплексную отрасль, сочетающую разноотраслевые начала. Наконец, третья позиция исходит из признания жилищного права самостоятельной отраслью [7].

Спор этот не схоластичен. От его решения зависит, например, ответ на вопрос: может ли собственник комнаты в коммунальной квартире сдать её внаём без согласия соседей? С гражданско-правовой точки зрения — да, это его вещь. С жилищно-правовой — нет, поскольку реализация права пользования комнатой неизбежно затрагивает общее имущество коммунальной квартиры, находящееся в общей долевой собственности. Судебная практика колеблется, а законодатель молчит.

Наиболее убедительной представляется позиция Ю. Ф. Беспалова, который предлагает различать правовой режим жилого помещения как объекта гражданских прав и как объекта жилищных прав [4]. Первый режим описывает жильё через категории собственности, сделок, вещных обременений. Второй — через категории пользования, сохранности жилищного фонда, управления многоквартирным домом, предоставления коммунальных услуг. Это не два разных объекта, а два «среза»

одного и того же объекта, и их смешение порождает большинство практических проблем.

Наиболее ярко нестыковка гражданско-правового и жилищно-правового подходов проявляется в конструкции «части» жилого помещения. Статья 16 ЖК РФ называет часть жилого дома и часть квартиры самостоятельными объектами жилищных прав [2]. Но что это такое с точки зрения гражданского права? Вещь? Совокупность вещей? Юридическая фикция?

Судебная практика выработала компромиссный критерий: часть жилого дома может быть самостоятельным объектом, если она изолирована и может эксплуатироваться отдельно от других частей дома. Аналогично для части квартиры: это несколько комнат с общим имуществом, которые можно признать отдельной квартирой при возможности организации отдельного входа. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «часть» — это не столько объект права, сколько способ описать долю в праве, облечённую в квази-вещную форму.

Показательна в этом отношении позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 13 марта 2008 г. № 5-П: часть комнаты не рассматривается в качестве самостоятельного объекта жилищных отношений [3]. Логика очевидна: если объект не обладает признаком изолированности, он не может быть местом проживания, а значит, и объектом жилищного права. Но тогда возникает вопрос: чем часть квартиры (несколько комнат) принципиально отличается от части комнаты? Только размером? Законодатель не даёт ответа.

Парадокс заключается в том, что жилое помещение — один из самых востребованных объектов оборота — не имеет единого, непротиворечивого правового режима. Гражданско-правовой и жилищно-правовой «срезы» существуют параллельно, пересекаясь лишь в судебных спорах. Представляется, что выход не в унификации (свести жилищное право к гражданскому невозможно в силу социальной природы жилья), а в осознанном признании дуализма. Законодателю следовало бы прямо закрепить, что в отношении жилого помещения одновременно действуют два режима, и установить правила разрешения коллизий между ними. Пока этого не сделано, «вещь в себе» останется вещью в себе — удобной для риторики, но неудобной для правоприменения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2004 № 188ФЗ: (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1. — Ст. 14.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 5 П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 12. — Ст. 1183.
4. Беспалов, Ю. Ф. К вопросу о правовом режиме жилого помещения как объекта гражданских и жилищных прав / Ю. Ф. Беспалов // Российский судья. — 2020. — № 6. — С. 18–22.

5. Клинова, А. Ю. К вопросу о плюрализме дефиниции «жилое помещение» / А. Ю. Клинова // Закон и право. — 2025. — № 4. — С. 120–123.
6. Мухаметова, С. И. Об отраслевой принадлежности жилищных правоотношений / С. И. Мухаметова // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — № 1. — С. 72–79.
7. Чангли, В. С. Понятие и проблемы правового регулирования объектов жилищных правоотношений / В. С. Чангли // Legal Concept. — 2024. — Т. 23, № 3. — С. 396–402.

Объекты жилищных правоотношений: понятие, признаки и проблемные аспекты правовой квалификации

Клочкова Тамара Константиновна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В статье рассматривается понятие объекта жилищных правоотношений и его соотношение с категориями «жилое помещение» и «жилище». Анализируются легальные признаки жилого помещения (ст. 15–16 ЖК РФ), дискуссионные вопросы о «частях» жилого дома и квартиры, а также роль судебной практики в уточнении круга объектов жилищных прав. Обосновывается вывод о необходимости разграничения гражданско-правового и жилищно-правового режимов жилого помещения и уточнения легальной терминологии.

Ключевые слова: объекты жилищных правоотношений, жилое помещение, жилище, правовой режим, часть жилого дома, часть квартиры, судебная практика.

Категория «объект жилищных правоотношений» относится к базовым, но недостаточно определённым в доктрине. Часть 1 ст. 15 ЖК РФ указывает, что объектами жилищных прав являются жилые помещения [2]. Однако это не снимает вопросов: совпадают ли понятия «объект жилищных прав» и «объект жилищных правоотношений»; исчерпывается ли их круг только жилыми помещениями; как соотносятся «жилое помещение» и «жилище». Ответы на эти вопросы имеют практическое значение, поскольку от определения объекта зависят применимый правовой режим и способы защиты прав.

В теории права объект правоотношения — это то, по поводу чего возникает правовая связь между субъектами. Применительно к жилищным отношениям таким объектом выступает жилое помещение — недвижимость, предназначенная для постоянного проживания и обладающая социальной значимостью.

Вместе с тем круг объектов жилищных правоотношений не сводится исключительно к жилым помещениям: жилищные отношения могут возникать и по поводу общего имущества многоквартирного дома, земельного участка под ним, объектов коммунальной инфраструктуры. Однако системообразующим остаётся именно жилое помещение. Как подчёркивает В. С. Чангли, специфика объектов жилищных правоотношений предопределяет особенности жилищного права, не сводимого ни к гражданскому, ни к административному [5].

Представляется, что объект жилищных правоотношений следует определять через два критерия: материальный (благо, по поводу которого возникает отношение) и юридический (наличие специального правового режима). Жилое помещение отвечает обоим критериям.

Согласно ч. 2 ст. 15 ЖК РФ, жилым помещением признаётся изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан [2]. Из этого определения вытекают три конститутивных признака: изолированность, принадлежность к недвижимости, пригодность для постоянного проживания.

Каждый из них нуждается в уточнении. Изолированность означает пространственную обособленность и возможность самостоятельного использования. Пригодность определяется соответствием санитарным и техническим требованиям. Принадлежность к недвижимости — прочной связью с землёй. Однако, как отмечает А. Ю. Клинова, понятие «жилое помещение» характеризуется плюрализмом дефиниций: оно определяется не только в ЖК РФ, но и в ГК РФ (ст. 130, 141.4) и в градостроительном законодательстве, причём определения не совпадают [4]. Это порождает терминологическую неопределённость.

Статья 16 ЖК РФ называет самостоятельными объектами жилищных прав жилой дом (часть жилого дома), квартиру (часть квартиры) и комнату [2]. Включение «частей» порождает вопрос: что представляет собой «часть» жилого помещения — вещь, совокупность вещей или юридическую фикцию?

Судебная практика выработала компромиссный подход: часть жилого дома может признаваться самостоятельным объектом, если она изолирована и может эксплуатироваться отдельно; часть квартиры — если это несколько комнат с общим имуществом, которые можно признать отдельной квартирой при возможности организации отдельного входа. Однако «часть» — это скорее

способ описать долю в праве, обременённую в квази-вещную форму, чем самостоятельный объект.

Показательна позиция Конституционного Суда РФ: часть комнаты не рассматривается в качестве самостоятельного объекта жилищных отношений [3]. Логика очевидна: без изолированности объект не может быть местом проживания. Но тогда чем часть квартиры (несколько комнат) принципиально отличается от части комнаты? Только размером? Законодатель ответа не даёт. Представляется, что конструкция «части» в ст. 16 ЖК РФ нуждается либо в исключении, либо в чётком легальном определении.

Конституция РФ (ст. 25) гарантирует неприкосновенность жилища, но не раскрывает его содержания [1]. В доктрине жилище понимается шире жилого помещения: оно охватывает и иные места постоянного или преимущественного проживания лица. Такое расширительное понимание имеет конституционно-правовое обоснование: гарантия неприкосновенности жилища не должна зависеть от формального статуса объекта.

Вместе с тем для целей жилищного права категория «жилище» не может подменять категорию «жилое помещение», поскольку жилищные права и обязанности возникают именно по поводу жилых помещений, отвечающих легальным признакам. Разграничение этих категорий должно быть последовательным: «жилище» — конституционно-правовая категория, «жилое помещение» — жилищно-правовая.

Объект жилищных правоотношений — это материальное благо, по поводу которого возникает жилищное отношение и которое обладает специальным правовым режимом. Основным объектом выступает жилое помещение, признаки которого закреплены в ст. 15 ЖК РФ. Вместе с тем конструкция «частей» жилого помещения (ст. 16 ЖК РФ) остаётся теоретически неопределённой и практически избыточной, а соотношение категорий «жилище» и «жилое помещение» нуждается в последовательном разграничении [2]. Представляется целесообразным уточнить легальное определение жилого помещения и его видов, а также унифицировать терминологию жилищного, гражданского и градостроительного законодательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2004 № 188ФЗ: (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1. — Ст. 14.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 5 П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 12. — Ст. 1183.
4. Клинова, А. Ю. К вопросу о плюрализме дефиниции «жилое помещение» / А. Ю. Клинова // Закон и право. — 2025. — № 4. — С. 120–123.
5. Чангли, В. С. Понятие и проблемы правового регулирования объектов жилищных правоотношений / В. С. Чангли // Legal Concept. — 2024. — Т. 23, № 3. — С. 396–402.

Пределы ответственности наследника по долгам наследодателя: актуальные проблемы

Колесникова Карина Андреевна, студент

Научный руководитель: Пурге Анна Роландовна, доктор юридических наук, доцент

Владивостокский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы правопреемства, осложненные отсутствием информации об имущественных обязанностях наследодателя при его в жизни до принятия наследниками наследства. Выявлен риск привлечения наследников к субсидиарной ответственности и нарушения их имущественных прав в суде, даже и в случае отказа наследников от принятия наследства. В статье проанализирована судебная практика и даны рекомендации, как минимизировать подобные риски, уделяя большое внимание изучению задолженности наследодателя.

Ключевые слова: принятие наследства, отказ от наследства, солидарная ответственность, субсидиарная ответственность.

В римской правовой доктрине к разряду универсальной защиты имущественных интересов кредитора относилось эффективное применение субсидиарного иска

(*actio subsidiaria*), это говорит о том, что защита имущественных интересов кредитора и во времена Римской империи имело важное значение.

Согласно ст. 1175 ГК РФ, наследники несут солидарную ответственность по долгам наследодателя пропорционально своей доле в наследственной массе, именно поэтому наследование является одной из разновидностей универсального правопреемства [1, с. 31]. В связи с этим возникает вопрос, может ли наследник принять на себя обязательства по долгам наследодателя, не вступая в наследство?

Как известно, в большинстве случаев, наследники не имеют возможности узнать о долгах наследника до момента вступления в наследство, а кредитор, в свою очередь, может продолжать начислять штрафы за неисполнение того или иного обязательства, о чем наследники и узнают только после принятия наследства. Согласно ст. 1157, 1158 ГК РФ, наследник имеет право отказаться от наследства с указанием на то, что он отказывается в пользу другого наследника, либо без такого указания. На практике, часто бывают случаи, что отказ от наследства осуществляется за определенную плату, отступное, по договоренности между наследниками. Однако, в таком случае, наследник, совершивший такой отказ, продолжает нести ответственность по долгам наследодателя [2, с. 49].

Такая судебная практика сложилась в связи с тем, что отказ от наследства за определенную плату может привести к неосновательному обогащению и злоупотреблением правом наследника. Такая правовая конструкция отказа свойственна для зарубежных правовых режимов [3, с. 204] и не позволяет такому наследнику освободиться от солидарной ответственности. Принимая наследство, наследник берет на себя обязательство нести ответственность, которую нес на своем имуществе наследодатель. При наличии нескольких наследников, принявших наследство, кредитор имеет право взыскать долги с таких наследников солидарно до полного исполнения обязательства в пределах стоимости полученного ими наследства, о чем говорит ст. 323 ГК РФ. Однако в законе не предусмотрена обязанность кредитора предъявлять иск сразу ко всем солидарным должникам (наследникам) [4]. При множественности наследников для взыскания долга правила о солидарной ответственности будут применимы только при получении каждым из наследников имущества в объеме, превышающем размер требований кредитора [5, с. 117]. При неравенстве стоимости имущества, полученного по наследству, взыскание обращается на ответчика, у которого полученное имущество будет соответствовать наименьшей части обязательства. В таком случае, взыскание, выходящее за пределы полученного имущества по наследству и его стоимости, будет считаться незаконным. Именно поэтому, согласно п. 2 ст. 323 ГК РФ, правило солидарной ответственности при исчерпании наследственной массы, не применяется.

Попытки ограничить ответственность наследника по долгам наследодателя применялись еще во времена византийского императора Юстиниана (*intra vires*), также советское наследственное право безусловно ограничивало ответственность наследника размером стоимости уна-

следованного им имущество, однако современное российское законодательство, превознося роль кредита, перешло к презумпциям. Так, в 2012 году Постановлением Пленума ВС РФ № 9 бремя доказывания сохранения обязательства при невозможности его исполнения возлагалось на кредитора [6], однако Постановление Пленума ВС РФ № 45 перенесло такое бремя на наследников поручителя [7]. В связи с этим происходит смешивание наследственных масс в юридическом смысле, но законодатель не должен допускать такого незаконного смешивания в гражданском обороте, в первую очередь, по причине удобства их дальнейшей сепарации [8, с. 32].

Долг наследодателя является неотъемлемой частью наследственной массы [9]. Однако, анализируя судебную практику, даже отказ наследника от причитающегося ему наследства не гарантирует ему защиту от риска быть привлеченным к субсидиарной ответственности по долгам наследодателя. Наследник не имеет какого-либо иммунитета к принимаемой имущественной массе, так как принять только часть наследства, по закону невозможно [10].

Проанализируем следующие примеры из судебной практики. Наследодатель — гражданин Панков В. Г. имел обязательство перед кредитором Рогожниковым В. А. на сумму около 1,5 млн рублей. Рогожников В. А. обратился в суд для замены умершего должника на его наследника, которым являлась несовершеннолетняя дочь наследодателя, интересы которой представляла её законный представитель — Ахметшина Г. М. Суд первой инстанции поддержал позицию Рогожникова В. А. и возложил обязательство на Ахметшину Г. М. Суд апелляционной инстанции поддержал позицию суда первой инстанции. Суды руководствовались отсутствием в материалах дела факта отказа наследника от принятия наследства. Рассмотрение указанного дела дошло до Верховного суда Российской Федерации, который выяснил, что суды нижестоящих инстанций ошибочно применяли нормы материального права и не выявили факта принятия наследства дочерью наследодателя. Также ВС РФ отметил, что судами нижестоящих инстанций не были определены пределы ответственности наследника относительно унаследованного несовершеннолетней дочерью умершего имущества. Таким образом, решения судов нижестоящих инстанций были отменены [11].

В следующем примере из судебной практики после смерти должника Вершинина О. В., его кредиторы через суд заменили ответчика его правопреемником — несовершеннолетним сыном Вершининым Д. О. в лице его законного представителя Вершининой В. П. В указанном примере суды первой и апелляционной инстанции также поддерживали доводы кредиторов. Однако, когда материалы дела поступили на рассмотрение в Верховный Суд РФ, было установлено, что Вершинин Д. О. через своего законного представителя обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства. Таким образом, Верховным Судом РФ было установлено, что нижестоящие суды не установили круг наследников наследодателя Вершинина О. В., не

определили размер наследственной массы. В результате чего, дело было передано на новое рассмотрение [12].

В похожем примере из судебной практики кредитор обратился в суд с заявлением о процессуальной замене ответчицы на её правопреемников — двух несовершеннолетних детей, в связи со смертью ответчицы. Суд первой инстанции поддержал доводы истца, также, как и суд апелляционной инстанции. Однако Верховный Суд РФ обнаружил основания для пересмотра указанного дела. Было установлено, что суды нижестоящих инстанций принимали решения, исходя из позиции, что наследниками ответчицы были поданы нотариусу заявления о принятии наследства после ее смерти, в связи с чем они и стали солидарными ответчиками по иску кредитора. Однако не был учтен тот факт, что в результате розыска наследственного имущества, наследственная масса не была обнаружена ввиду ее отсутствия. Таким образом, принимая решения, суды первой и апелляционной инстанции опирались лишь на факт принятия наследниками наследства, не оценивая при этом размер наследственного имущества, в пределах которого наследники могли нести солидарную ответственность по долгам наследодателя. Судебная коллегия ВС РФ признала такие решения незаконными и подлежащими к отмене [13].

В деле по иску Власенко Ю. В. судом было установлено, что наследодателю — умершему супругу истицы принадлежало $\frac{1}{2}$ (одна вторая) доля в праве общей долевой собственности на объект недвижимости, для приобретения которого супругами был оформлен кредит в ПАО Сбербанк. Власенко Ю. В. после смерти супруга продолжала выплачивать платежи по кредитному договору. При этом Власенко Ю. В. подала нотариусу заявление об отказе в принятии наследства в виде $\frac{1}{2}$ (одной второй) доли в праве общей долевой собственности на вышеуказанный объект недвижимости. Также заявление об отказе от наследства было подано и от имени несовершеннолетней дочери наследодателя. Власенко Ю. В. в своем исковом заявлении просила признать долг по кредитному договору перед ПАО Сбербанк совместным с умершим, подав указанное исковое заявление к администрации г. Ростова-на-Дону на сумму равную 486 тыс. рублей в счет возмещения половины уплаченных супругами кредитных средств в пределах стоимости выморочного имущества. Суд первой инстанции согласился с указанной позицией и принял решение в пользу истицы. Однако суды апелляционной и кассационной инстанции с данным решением не согласились и отказали в требованиях истицы. Когда дело дошло до Верховного Суда РФ, суд не согласился с решениями судов апелляционной и кассационной инстанции и отменил их решения, аргументируя это сле-

дующим образом. Власенко Ю. В. действительно обладала солидарной ответственностью по обязательству наследодателя перед банком, однако правовая позиция судов апелляционной и кассационной инстанции в применении положений Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2017) относительно получения кредитором возмещения своих расходов за счет других должников, в данном случае не применима. Напротив, Власенко Ю. В. исполнив солидарную обязанность, стала иметь право регрессивного требования к другим должникам [14]. Основываясь на выводах Пленума ВС РФ № 54 [15], Власенкова Ю. В. имеет право такого требования к другим должникам, так как исходя из материалов дела, она исполнила обязательство по кредитному договору перед ПАО Сбербанк, которое превысило ее долю. Таким образом, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что Власенко Ю. В. имеет право на возмещение половины выплаченных денежных средств по кредитному договору к наследнику как солидарному должнику в лице администрации г. Ростова-на-Дону, в рамках универсального правопреемства [16].

Исходя из анализа приведенных выше примеров судебной практики, позиция Верховного Суда РФ в делах, связанных с принятием наследства и солидарной ответственностью наследников по долгам наследодателей, на наш взгляд, уступает место взвешенности и законности в вопросах правопреемства вместо позиции на стороне кредиторов.

Как показывает судебная практика, только благодаря внимательному изучению долгов наследодателя, наследственной массы до момента принятия наследства, возможно обеспечение надежной правовой и финансовой защищенности наследника от привлечения его к солидарной ответственности кредитором, несмотря на действующее ограничение ответственности наследниками пределами принятого ими наследства. Законодателю предлагается создать механизм оценки и учета обязательств наследодателя, чтобы наследники имели возможность оценить все риски принятия наследства [17, с. 13]. Наследники должны иметь реальную возможность оценить риски, чтобы решение о принятии наследства или об отказе от него было осознанным и взвешенным. По мнению авторов, это позволило бы маркировать переход права собственности как факт принятия наследства вместо существующего момента фактического принятия наследства, что освободило бы наследника от несоразмерных обязательств относительно принятого наследства. Анализ судебной практики подтверждает, что споры с привлечением наследников к ответственности по долгам наследодателя носят устойчивый характер и требуют конкретных механизмов защиты.

Литература:

1. Блинков О. Е. Ответственность наследников по долгам наследодателя (практические соображения) / О. Е. Блинков // Нотариус. 2004. № 1. С. 31.
2. Путинцева Е. П. Значение интересов наследника при оформлении наследственных прав / Е. П. Путинцева // Нотариальный вестник. 2023. № 10. С. 49.

3. Гонгало Ю. Б. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю. Б. Гонгало, К. А. Михалев, Е. Ю. Петров, Е. П. Путинцева; под общ. Ред. Е. Ю. Петрова. М.: Статут, 2015. С. 204.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 2016. 5 декабря.
5. Лапач В. А. Солидарная ответственность наследников по долгам наследодателя: вопросы материального права / В. А. Лапач // Закон. 2007. № 9. С. 117.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2012. 6 июня.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Российская газета. 2021. 15 января.
8. Михалев К. А. Персонификация наследственной массы / К. А. Михалев, Е. Ю. Петров // Закон. 2023. № 6. С. 32.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч.3) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Парламентская газета. 2001. 28 ноября.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 11-КГ16-19 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 января 2022 г. № 78-КГ21-61-К3 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 14-КГ13-12 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч.1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 2016. 5 декабря.
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 июля 2023 г. № 41-КГ23-27-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Глазов Д. В. Долг в наследство: алгоритм оценки ответственности наследников по обязательствам наследодателя. Современность и перспективы развития / Д. В. Глазов // Нотариальный вестник. 2023. № 12. С. 13.

Злоупотребление исключительным правом на товарный знак как основание для отказа в удовлетворении требования о взыскании компенсации за нарушение такого права

Коломиец Анастасия Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Донец Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных со злоупотреблением исключительным правом на товарный знак при предъявлении требования о взыскании компенсации за нарушение такого права. Проанализированы доктринальные подходы к пониманию злоупотребления правом, а также материалы судебной практики по делам о защите товарных знаков за последние четыре года. Отдельное внимание уделено изменениям законодательства, вступившим в 2026 г. (Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ, введший ст. 1252.1 ГК РФ). В работе сделан вывод о необходимости выработки единых критериев оценки поведения правообладателя на предмет добросовестности, а также предложены подходы к их закреплению в судебной практике.

Ключевые слова: злоупотребление правом, исключительное право, товарный знак, компенсация, добросовестность, недобросовестная конкуренция, судебная практика, правосудие.

Согласно статистическим данным за последние годы, число заявок на регистрацию товарных знаков неуклонно возрастает: в 2023 г. было подано 143 192 заявки,

что на 27,8 % превысило показатели предыдущего года; в 2025 г. в Роспатент поступило уже более 156 тысяч заявок [1]. Указанная динамика обусловлена несколькими

факторами: активным развитием предпринимательской деятельности и выходом на рынок новых участников, необходимостью индивидуализации товаров и услуг в условиях конкуренции, а также расширением практики регистрации обозначений для целей защиты от недобросовестных действий третьих лиц. Однако обратной стороной такой активности становится увеличение числа случаев недобросовестного приобретения и осуществления исключительных прав, в том числе используемых не для индивидуализации собственных товаров, а для предъявления требований к иным участникам оборота. На фоне роста регистрационной активности закономерно увеличивается и количество судебных споров, в структуре которых наибольшее распространение получило требование о взыскании компенсации: по данным за 2025 г., в 67 % споров о защите интеллектуальных прав способом защиты выступала именно компенсация. Именно эта востребованность компенсации и создает предпосылки для злоупотребления исключительным правом, поскольку процессуальная легкость её взыскания позволяет правообладателю использовать данный механизм в противоречии с его назначением [1].

Тема актуализируется и тем очевидным фактом, что 4 января 2026 г. Федеральным законом от 07.07.2025 № 214-ФЗ в ГК РФ введена ст. 1252.1 «Компенсация за нарушение исключительного права», установившая принципиально новые правила в данной сфере. В частности, верхний предел компенсации увеличен с 5 до 10 млн руб.; для патентных объектов минимальный порог повышен до 50 тыс. руб. Суд наделен правом изменять способ расчета компенсации, если выбранный правообладателем способ неприменим к обстоятельствам нарушения. Кроме того, закреплено правило о едином факте нарушения при наличии одной экономической цели, а для добросовестного предпринимателя, не знавшего и не долженствовавшего знать о нарушении, предусмотрены пониженные пределы компенсации — от 10 тысяч до 500 тыс. руб. [2]. Указанные новеллы, с одной стороны, расширяют возможности защиты добросовестных правообладателей, а с другой — создают дополнительные гарантии против необоснованного взыскания компенсации, что непосредственно связано с проблемой злоупотребления исключительным правом.

При этом вопрос о доктринальном осмыслении злоупотребления исключительным правом на товарный знак сохраняет самостоятельное значение. Как отмечает Н. А. Айрапетов, «злоупотребление правом — это особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [3, с. 96]. Законодатель не ограничивается исчерпывающим перечнем запретов, поскольку в ст. 10 ГК РФ предусмотрена формулировка «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» [3, с. 97]. Применительно к сфере интеллектуальной собственности, как указывает Н. А. Айра-

петов, «понятие «злоупотребления правом» толкуется достаточно широко» и «в сфере интеллектуальных прав имеются работы, которые описывают пределы осуществления права на защиту интеллектуальных прав» [3, с. 97].

При этом, как подчеркивает автор, «законом не установлен специальный порядок признания действий правообладателя, связанных с государственной регистрацией товарного знака, злоупотреблением правом» [3, с. 98]. Такое злоупотребление «может быть установлено судом при рассмотрении дела, например, по иску правообладателя о применении мер защиты принадлежащего ему права и на основании решения суда, которым установлено злоупотребление правом правообладателем при приобретении исключительного права» [3, с. 99]. Представляется верным широкое толкование злоупотребления правом в сфере интеллектуальной собственности; вместе с тем отсутствие специального порядка признания таких действий злоупотреблением не должно препятствовать судебной квалификации по ст. 10 ГК РФ.

Сходной позиции придерживается В. В. Голофаев, который рассматривает проблему злоупотребления правом через призму пределов осуществления права на защиту товарного знака. Автор отмечает, что «пределы осуществления права на защиту товарного знака» непосредственно связаны с недопустимостью использования исключительного права в противоречии с его социальным назначением [4, с. 40].

По мнению В. В. Голофаева, «злоупотребление правом на защиту товарного знака представляет собой самостоятельное правовое явление, требующее учета баланса интересов как правообладателя, так и иных участников гражданского оборота» [4, с. 41]. Приведенное суждение заслуживает поддержки, поскольку позволяет рассматривать злоупотребление правом не как частный случай недобросовестной конкуренции, а как самостоятельную правовую категорию.

А. С. Ворожечин и Н. В. Козлова, исследуя проблемы квалификации недобросовестных действий при регистрации товарного знака, обращают внимание на сложность разграничения недобросовестной конкуренции и злоупотребления правом. Авторы подчеркивают, что «недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака» требуют «проблем квалификации и способов защиты», поскольку действующее законодательство не всегда позволяет четко отграничить указанные составы [5, с. 70]. При этом, как отмечают исследователи, именно злоупотребление правом выступает более широкой категорией, охватывающей в том числе случаи, не подпадающие под признаки недобросовестной конкуренции. Нельзя не признать, что злоупотребление правом является более широкой категорией, однако разграничение указанных составов не должно приводить к отказу в защите добросовестному участнику оборота исключительно по формальным основаниям.

Вместе с тем в практике бывают ситуации, когда разграничение указанных составов вызывает затруднения.

Э. П. Гаврилов, анализируя правовую охрану товарных знаков, указывает, что «действия заявителя, направленные на регистрацию товарного знака, ни при каких условиях не могут являться недобросовестной конкуренцией, поскольку государственную регистрацию товарного знака осуществляет не заявитель, а Роспатент» [6]. С указанной позицией согласиться в полном объеме нельзя. Представляется, что действия заявителя по приобретению исключительного права могут быть квалифицированы как злоупотребление правом по смыслу ст. 10 ГК РФ независимо от того, что формально регистрацию осуществляет Роспатент. Буквальное толкование подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ показывает, что в норме речь идет о двух самостоятельных основаниях признания недействительной регистрации товарного знака — о злоупотреблении правом или недобросовестной конкуренции. Следовательно, вынесенное решение о злоупотреблении правом, прямо предусмотренное в подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, является основанием для признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку. В контексте указанной нормы акты недобросовестной конкуренции, в том числе связанные с приобретением и использованием исключительного права на средство индивидуализации, по смыслу норм статей 14.4 и 14.8 Закона о защите конкуренции также являются злоупотреблением правом. Таким образом, злоупотребление правом и недобросовестная конкуренция соотносятся как общее и частное, при этом первое не сводится ко второму и сохраняет самостоятельное значение в качестве основания для оспаривания исключительного права.

Существенное значение для рассматриваемой проблематики имеет и вопрос о распределении бремени доказывания в делах о защите исключительных прав. Б. А. Осипян обращает внимание на внутреннюю противоречивость механизма защиты интеллектуальных прав, отмечая, что в соответствии с частями 3, 4 и 5 ст. 1250 ГК РФ «при нарушении интеллектуальных прав устанавливается своеобразный и не совсем логически понятный принцип презумпции виновности правонарушителя, поскольку «отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим интеллектуальные права»» [7, с. 16]. Автор предлагает либо «существенно и содержательно уточнить и логически упорядочить, либо при невозможности такой поправки

просто исключить из содержания данной статьи» соответствующие положения [7, с. 16]. Нельзя не признать справедливость замечания автора, поскольку необоснованное смещение бремени доказывания в пользу истца может способствовать злоупотреблениям со стороны правообладателя. Вместе с тем следует учитывать, что законодательные изменения, вступившие в силу 4 января 2026 г., в определенной степени нивелируют обозначенную проблему: закрепив пониженные пределы компенсации для добросовестного предпринимателя (п. 7 ст. 1252.1 ГК РФ), законодатель создал правовой механизм, позволяющий нарушителю, действовавшему без вины, рассчитывать на соразмерное ограничение ответственности.

Изложенное позволяет перейти к обобщению результатов исследования. Проведенный анализ свидетельствует о том, что злоупотребление исключительным правом на товарный знак является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании компенсации. По смыслу действующего законодательства, недопустимость злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) распространяется на все гражданские права, включая исключительные права на средства индивидуализации. В судебной практике последних лет прослеживается закономерность, выражающаяся в индивидуализированном подходе при определении размера компенсации, учете поведения как нарушителя, так и самого правообладателя, а также в недопущении использования компенсации в качестве средства неосновательного обогащения или недобросовестной конкурентной борьбы. Принятие ст. 1252.1 ГК РФ нормативно закрепило ряд подходов, ранее выработанных судебной практикой, и создало дополнительные правовые механизмы, направленные на обеспечение баланса интересов правообладателей и добросовестных участников гражданского оборота. Представляется, что последовательное применение доктрины злоупотребления правом в делах о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки будет способствовать формированию правоприменительной практики, основанной на принципах добросовестности и соразмерности, обеспечивающей как эффективную защиту добросовестных правообладателей, так и недопущение использования исключительных прав в противоречии с их назначением.

Литература:

1. Пресс-конференция Роспатента: Сервисы для расчета лицензионных платежей и новые полномочия в борьбе с контрафактом, рост количества медицинских и инжиниринговых инноваций. — URL: <https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/03-02-2026-press-konferenciya-rp#1#1> (дата обращения 18.09.2026)
2. Каевич Е. В. В Гражданский кодекс Российской Федерации введена норма о компенсации за нарушение исключительного права. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/activity/legal-education/explain/e8410263/#1 (дата обращения 18.09.2026)
3. Айрапетов Н. А. Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака / Н. А. Айрапетов // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 1. — С. 93–99.
4. Голофаев В. В. Пределы осуществления права на защиту товарного знака. Злоупотребление правом на защиту товарного знака / В. В. Голофаев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2018. — № 20. — С. 40–53.

5. Ворожевич А. С. Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты / А. С. Ворожевич, Н. В. Козлова // Lex russica. — 2017. — № 5. — С. 70–82.
6. Гаврилов Э. П. Постановление 5/29 о правовой охране товарных знаков (часть II) / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. — 2009. — № 12.
7. Осипян Б. А. Правовая охрана и защита интеллектуальных прав в российском гражданском праве / Б. А. Осипян // ИС. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 3. — С. 16–25.

Проблемы защиты авторских прав на объекты, размещенные в сети Интернет, в Российской Федерации

Котиев Илез Даудович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные проблемы гражданско-правовой защиты авторских прав на произведения, размещенные в сети Интернет. Анализируются особенности подтверждения принадлежности исключительного права, фиксации факта нарушения, определения надлежащего ответчика и применения правил об ответственности информационных посредников. На основе законодательства Российской Федерации и обобщения судебной практики формулируются предложения по повышению эффективности защиты правообладателей при сохранении баланса их интересов и правомерного использования информации пользователями.

Ключевые слова: авторское право, Интернет, исключительное право, информационный посредник, электронные доказательства, компенсация, защита интеллектуальных прав.

Введение

Развитие цифровых технологий существенно упростило создание, копирование и распространение произведений. Текст, фотография, музыкальная композиция, видеозапись или программный код могут быть размещены в сети Интернет и практически мгновенно воспроизведены на множестве ресурсов. Такая доступность имеет очевидное общественное значение, однако одновременно повышает риск использования произведений без согласия автора или иного правообладателя. При этом цифровая форма распространения не отменяет правовую охрану произведения, и сама по себе не означает перехода исключительного права к пользователю.

Конституционная основа охраны результатов интеллектуальной деятельности закреплена в статье 44 Конституции Российской Федерации [1]. Детальное регулирование содержится в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в частности в положениях об исключительном праве, способах использования произведений и защите интеллектуальных прав [2]. Общие подходы к охране интеллектуальной собственности и авторского права рассматриваются также в учебной и научной литературе [6; 8]. Вместе с тем практическая реализация этих норм в Интернете сопровождается трудностями: содержание веб-страниц изменяется, сведения о владельцах ресурсов могут быть ограничены, а размещение произведения и его последующее копирование нередко осуществляются несколькими участниками.

1. Правовая охрана произведений в сети Интернет

По общему правилу авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства независимо от их достоинств, назначения и способа выражения. Охрана возникает в силу создания произведения в объективной форме; регистрация произведения или соблюдение иных формальностей для возникновения авторского права по общему правилу не требуются [2, ст. 1259]. Следовательно, размещение фотографии в социальной сети, публикация текста на сайте или загрузка видеоролика не лишают произведение правовой охраны. Такой подход соответствует общим положениям об авторском праве и особенностям его реализации в цифровой среде [6; 7].

Ключевое значение имеет исключительное право, позволяющее правообладателю использовать произведение и разрешать либо запрещать его использование другими лицами. Перечень способов использования включает, в частности, воспроизведение и доведение произведения до всеобщего сведения. Последнее особенно актуально для Интернета, поскольку предполагает предоставление доступа к произведению в интерактивном режиме, когда пользователь может получить к нему доступ из любого места и в любое время по собственному выбору [2, ст. 1270].

Распространенное представление о том, что доступность произведения в открытом доступе равнозначна разрешению на его свободное копирование, не соответствует законодательству. Отсутствие технического запрета или специального уведомления не означает согласия право-

обладателя на использование произведения. Разрешенное использование возможно при наличии соответствующего правового основания: согласия правообладателя, лицензии, предусмотренного законом случая свободного использования либо иного применимого исключения.

2. Доказывание нарушения авторских прав в цифровой среде

Одной из основных практических проблем является доказывание как принадлежности права истцу, так и факта использования произведения ответчиком. В Обзоре судебной практики от 29 мая 2024 года Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что в спорах о защите авторских и смежных прав истец должен доказать принадлежность ему соответствующих прав и использование охраняемого объекта ответчиком; ответчик, в свою очередь, должен обосновать соблюдение требований законодательства при использовании произведения [3].

В цифровой среде доказательственная ситуация осложняется изменчивостью веб-страниц. Материал может быть удален, заменен или перемещен после направления претензии, а доступ к странице — ограничен. Скриншот способен зафиксировать внешний вид страницы, однако сам по себе не всегда позволяет достоверно установить дату размещения, адрес ресурса, лицо, контролировавшее публикацию, и неизменность представленного изображения. В связи с этим важно сохранять не только изображение экрана, но и полный URL-адрес, дату и время фиксации, сведения о способе получения материала, а при необходимости — данные нотариального осмотра интернет-страницы.

Эффективность доказывания повышается, когда правообладатель заблаговременно сохраняет исходные файлы, черновики, исходники, метаданные, сведения о публикации и договоры, подтверждающие переход или предоставление прав. Если спор касается фотографии, могут иметь значение оригинальный файл и метаданные; если речь идет о тексте — история редакций и документы, подтверждающие авторство. Эти материалы не обладают заранее установленной силой и оцениваются судом в совокупности с другими доказательствами, но позволяют выстроить последовательную доказательственную позицию.

3. Определение надлежащего ответчика и ответственность информационных посредников

Установление лица, ответственного за нарушение, представляет самостоятельную сложность. В размещении произведения могут участвовать непосредственный пользователь, владелец сайта, администратор домена, хостинг-провайдер, оператор платформы и иные лица. Их функции различаются, поэтому само по себе техническое отношение к функционированию ресурса не означает автоматической ответственности каждого участника за любое размещенное на нем произведение.

Специальные правила об ответственности информационных посредников предусмотрены статьей 1253.1 ГК РФ. Разъяснения о применении части четвертой ГК РФ содержатся также в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 [4]. Закон различает, в частности, посредника, осуществляющего передачу материала, и лицо, предоставляющее возможность размещения материала. Для освобождения от ответственности должны быть соблюдены предусмотренные законом условия, связанные с характером деятельности посредника, его осведомленностью о неправомерности использования и, в соответствующих случаях, своевременным принятием необходимых и достаточных мер после получения заявления правообладателя [2, ст. 1253.1].

Следовательно, для разрешения спора необходимо установить не только факт нахождения произведения на сайте, но и реальную роль каждого участника. В частности, имеет значение, загружал ли материал сам владелец ресурса, предоставлял ли он лишь техническую возможность публикации третьим лицам, мог ли выявить нарушение и какие действия предпринял после получения надлежащего уведомления. Оценка должна быть индивидуальной и основываться на доказанных обстоятельствах, а не только на формальном наименовании участника как «владельца сайта» или «посредника».

4. Способы защиты и предложения по совершенствованию практики

ГК РФ предусматривает различные способы защиты интеллектуальных прав, включая признание права, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, возмещение убытков и взыскание компенсации в предусмотренных законом случаях [2, ст. 1250, 1252, 1301]. Выбор конкретного способа зависит от характера нарушения и требуемого результата. Например, удаление материала или ограничение доступа к нему может быть направлено на прекращение продолжающегося нарушения, тогда как компенсация связана с имущественными последствиями неправомерного использования.

Для цифровых споров особенно важно соотносить объем заявленных требований с характером нарушения. Если спорный материал размещен на одной странице, требование должно быть сформулировано с учетом конкретного объекта и способа его использования. Одновременно в случаях систематического повторного размещения может потребоваться оценка того, какие меры реально способны прекратить нарушение. Механическое применение одинаковых требований к различным участникам цифровой цепочки не учитывает различия в их функциях и возможностях контролировать контент.

Представляется возможным выделить несколько направлений повышения эффективности защиты авторских прав. Во-первых, правообладателям следует применять единый порядок документирования интернет-нарушений

и хранить исходные материалы, подтверждающие авторство и переход прав. Во-вторых, уведомления информационным посредникам должны быть конкретными и позволять без дополнительных затруднений идентифицировать произведение и спорную страницу. В-третьих, владельцам платформ целесообразно обеспечивать доступный механизм приема уведомлений, фиксировать дату их получения и документировать принятые меры. В-четвертых, при рассмотрении дел необходимо тщательно разграничивать ответственность непосредственного нарушителя и посредника с учетом положений статьи 1253.1 ГК РФ.

Заключение

Таким образом, защита авторских прав в сети Интернет требует учета как общих положений гражданского

законодательства, так и особенностей цифрового распространения произведений. К числу наиболее значимых проблем относятся фиксация факта нарушения, подтверждение принадлежности исключительного права, установление надлежащего ответчика и разграничение ответственности участников, обеспечивающих размещение и передачу контента.

Нормативная модель, закреплённая в части четвертой ГК РФ, предоставляет правообладателям инструменты защиты, включая пресечение нарушения и взыскание компенсации. Однако результативность их применения во многом зависит от качества доказательств и правильного определения роли каждого участника. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 года имеет существенное значение для единообразного разрешения таких споров [3].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 25.12.1993. № 237 (853).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
3. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/33621/> (дата обращения: 18.10.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://vsrf.ru/documents/> (дата обращения: 18.10.2026).
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 29.07.2006. № 165.
6. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 368 с.
7. Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.
8. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2004. 752 с.
9. Ворожечин А. С. Границы и пределы осуществления авторских и смежных прав. М.: Статут, 2020. 271 с.
10. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / под ред. М. А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с.

Нарушение порядка собирания доказательств как основание признания их недопустимыми в уголовном судопроизводстве

Кочорова Симона Тимуровна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуется правовое значение нарушений порядка собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. На основе уголовно-процессуального закона, научных подходов и судебной практики рассматривается разграничение нарушений процессуальных гарантий и технических ошибок при оформлении результатов следственных действий. Отдельное внимание уделяется последствиям фальсификации протоколов и возможности нового законного получения сведений из того же источника. Предлагается последовательность оценки выявленных недостатков. Обосновывается необходимость конкретной мотивировки решения о допустимости доказательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, собрание доказательств, предварительное расследование, допустимость доказательств, процессуальная форма, процессуальные гарантии, техническая ошибка, фальсификация доказательств.

Введение

Собрание доказательств на стадии предварительного расследования предполагает получение сведений, необходимых для установления обстоятельств уголовного дела, с соблюдением установленного законом порядка. При этом, значение имеет не только содержание полученной информации, но и то, каким способом, кем и при каких условиях она получена. Нарушения, допущенные при производстве следственных действий, могут поставить под сомнение возможность использования их результатов при обосновании обвинения.

В соответствии с частью 1 статьи 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми. Они лишены юридической силы и не могут использоваться для доказывания обстоятельств, предусмотренных статьёй 73 УПК РФ [1]. Вместе с тем, при рассмотрении конкретного дела, возникает вопрос о правовом значении обнаруженного недостатка: свидетельствует ли он о нарушении порядка получения доказательства, либо представляет собой техническую ошибку в документе.

Цель настоящего исследования состоит в определении критериев оценки нарушений порядка собирания доказательств на основе уголовно-процессуального закона, научных подходов и судебной практики. Особое внимание уделяется разграничению нарушений процессуальных гарантий и технических недостатков оформления, а также объяснению их правовых последствий.

Нарушение порядка собирания доказательств как основание их недопустимости

Согласно части 1 статьи 86 УПК РФ собрание доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом посредством производства предусмотренных Кодексом следственных и иных процессуальных действий [1]. Тем самым, закон связывает получение сведений с определённым порядком и субъектом, соблюдение которого обеспечивает возможность их использования в уголовном судопроизводстве. При предварительном расследовании это предполагает и наличие у лица полномочий на проведение следственного или иного процессуального действия, и соблюдение установленных требований к его производству. Нарушение этих требований ставит вопрос о недопустимости полученного доказательства в соответствии со статьёй 75 УПК РФ [1].

Связь допустимости с условиями получения доказательства прослеживается в различной научной литературе. В. В. Лодкина, обобщая научные подходы, относит к её содержанию законность источника и субъекта полу-

чения сведений, соблюдение процессуальной процедуры и надлежащую форму фиксации [5, с. 233–234]. Такой подход позволяет рассматривать оформление протокола в обязательной взаимосвязи с полномочиями лица и фактическим порядком проведения действия.

Процессуальная форма обеспечивает возможность участия заинтересованных лиц в следственном действии и последующей проверки его результатов. Например, разъяснение прав позволяет участнику понимать свой процессуальный статус и пользоваться предоставленными ему гарантиями. Ознакомление с протоколом даёт возможность проверить правильность записанного и внести свои замечания. Следовательно, оценка соблюдения порядка собирания доказательств должна учитывать назначение соответствующего требования закона.

В. В. Терехин в работе о стандартах допустимости доказательств рассматривает различия между подходом, основанным на строгом соблюдении формы досудебного доказывания, и подходом, предполагающим оценку справедливости всей процедуры формирования доказательства [3]. Такая постановка вопроса позволяет увидеть, что дискуссия о допустимости касается не только оформления отдельных документов, но и реального обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

М. В. Слифиш обращает внимание на то, что буквальное толкование части 1 статьи 75 УПК РФ не предусматривает исключений для доказательств, полученных с нарушением закона. Возможность иного толкования автор рассматривает как вопрос, требующий самостоятельного теоретического обоснования. В частности, в статье обсуждается критерий существенности нарушения и возражения против его применения, связанные с опасностью ослабления обязательности процессуальных требований [4, с. 20–21].

Вопрос о правовом значении недостатков оформления рассматривает и Е. В. Брянская. Автор обращает внимание на технические ошибки при собирании доказательств, а в главе о недопустимости связывает оценку нарушения с его существенностью [2, с. 4, 68]. Эта позиция продолжает обозначенную дискуссию: необходимо установить, свидетельствует ли обнаруженная ошибка о нарушении процедуры получения сведений или касается оформления её результатов.

Представляется, что при исследовании данной проблемы необходимо различать действующее правило и научное предложение о его толковании. Статья 75 УПК РФ не содержит общего условия, согласно которому доказательство исключается только при существенном нарушении. Поэтому ссылка на несущественность сама по себе не объясняет, почему доказательство, полученное с отступлением от закона, сохраняет юридическую силу.

Вместе с тем, например, ошибка в реквизите документа и нарушение процедуры получения сведений имеют разное правовое значение. Чтобы разграничить их, следует установить, затронута ли предусмотренная законом гарантия, возможно ли проверить фактический ход действия и не скрывает ли недостаток оформления более серьезного нарушения. Именно такая проверка позволяет избежать как необоснованного исключения доказательств, так и признания процессуальных требований необязательными.

Отдельно следует учитывать положения статьи 88 УПК РФ, которая предусматривает самостоятельную оценку допустимости и достоверности доказательства [1]. Подтверждение содержания сведений другими материалами дела само по себе не устраняет нарушения порядка их получения. Следовательно, вывод о допустимости должен опираться на проверку законности процедуры, даже если полученная информация представляется убедительной.

Рассмотренные научные подходы позволяют обозначить проблему, однако её решение требует анализа конкретных обстоятельств получения доказательств. Поэтому далее обратимся к судебным актам, в которых в качестве примеров рассматривались неразъяснение прав участнику следственного действия и техническая ошибка при оформлении его результатов.

Проблемы признания доказательств недопустимыми в судебной практике

Показателен приговор Краснооктябрьского районного суда города Волгограда по делу № 1–24/2025. Суд признал недопустимыми показания свидетеля, полученные при очной ставке, поскольку перед её проведением свидетелю не были разъяснены права, и он не был предупреждён об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний. Суд связал этот вывод с требованиями статьи 56 и части 5 статьи 164 УПК РФ [6].

В данном случае несоблюдение требований закона затронуло условия участия свидетеля в следственном действии. Разъяснение прав и предупреждение об ответственности должны предшествовать получению показаний, чтобы свидетель понимал своё процессуальное положение до проведения следственного действия. Нарушение этих требований нельзя свести к недостатку оформления протокола: оно касается установленного законом порядка получения сведений и обеспечения участия лица в очной ставке.

Иной пример содержится в апелляционном постановлении Красноярского краевого суда по делу № 22–5150/2025. В постановлениях о признании и приобщении вещественных доказательств был указан номер квартиры 2, вместо 3. Суд признал это технической опiskeй: действительное место обыска следовало из постановления о его проведении, протокола обыска, показаний осуждённого и свидетелей. Довод о недопустимости по данному основанию был отклонён [7].

Сопоставление этих решений показывает значение того, какое требование закона затронуто и какую гарантию оно обеспечивает. При очной ставке суд установил нарушение обязательных условий участия свидетеля: права не были разъяснены до получения показаний. В ситуации с обыском, неточность в постановлениях о приобщении вещественных доказательств не помешала установить действительное место действия по другим материалам дела. Следовательно, различие состоит в нарушении порядка получения сведений в первом случае и ошибке в отражении реквизита документа во втором. Вывод о техническом характере ошибки должен опираться на обстоятельства дела, позволяющие проверить законность самого действия.

При этом из апелляционного постановления не следует, что неверное указание адреса всегда является технической опiskeй. Представляется, что иной оценки потребовала бы ошибка, из-за которой невозможно определить место обыска или проверить его соответствие по иным материалам, содержащимся в деле. Поэтому характеристика технического недостатка требует обоснования применительно к обстоятельствам конкретного дела.

Наряду с нарушением гарантий участника и технической ошибкой необходимо рассмотреть случай, когда протокол составлен без проведения самого следственного действия. В приговоре Ливенского районного суда Орловской области по делу № 1–2–27/2024 установлено, что следователь изготовила протоколы допросов двух свидетелей без фактического проведения допросов, внесла подписи от их имени и удостоверила документы своей подписью. Протоколы были включены в перечень доказательств в обвинительном заключении. Действия следователя в итоге были квалифицированы по части 3 статьи 303 УК РФ [8].

Данный пример раскрывает уголовно-правовую сторону нарушения порядка собирания доказательств. Он не заменяет анализ решения об исключении конкретного доказательства, однако позволяет показать отличие фальсификации от недостатков оформления. При изготовлении протокола несуществующего допроса отсутствует само следственное действие, результат которого документ должен удостоверять. Последующая проверка сведений не может превратить поддельный протокол в надлежащий результат проведённого действия.

Обсуждая восполнение доказательств, Е. В. Брянская предлагает разграничивать восполнимые и невозполнимые нарушения. К числу последних автор относит нарушения, связанные с фальсификацией; в качестве примера возможного восполнения рассматривает допрос свидетеля в суде после признания первоначального протокола недопустимым [2, с. 85]. Такая позиция позволяет поставить вопрос о последствиях исключения доказательства, сохраняя различие между первоначальным документом и сведениями, полученными при новом процессуальном действии.

Термин «восполнение» в этом случае нуждается в уточнении. Если свидетель допрошен заново с соблюдением закона, предметом оценки становятся показания, полученные при новом допросе. Сам факт проведения такого допроса не означает, что ранее исключённый протокол автоматически приобретает юридическую силу. Следовательно, возможность законным способом получить сведения из того же источника необходимо отличать от устранения оснований недопустимости первоначального доказательства.

Критерии оценки нарушений порядка собирания доказательств

Рассмотренные примеры позволяют сформулировать последовательность оценки нарушений порядка собирания доказательств. Предполагается, что прежде всего необходимо установить, какое требование закона не соблюдено и какую процессуальную гарантию оно обеспечивает.

Затем следует сопоставить содержание документа с фактическим ходом следственного действия и материалами, позволяющими проверить его законность. Такая проверка необходима для вывода о техническом характере ошибки. Если же само действие не проводилось, как в случае изготовления фиктивного протокола, речь идёт об отсутствии надлежащего способа получения отражённых в нём сведений.

При этом нельзя считать нарушение устранённым только потому, что полученные сведения подтверждаются другими доказательствами. Такое подтверждение относится прежде всего к проверке их достоверности. Если установлен факт несоблюдения обязательной гарантии при получении первоначального доказательства, совпадение его содержания с другими материалами само по себе не отвечает на вопрос о законности процедуры.

Следовательно, решение о допустимости должно содержать объяснение связи между конкретным недостатком, нарушенным требованием закона и последствиями для использования доказательства. Общего обозначения ошибки как формальной или несущественной для такой мотивировки недостаточно.

Заключение

Соблюдение порядка собирания доказательств обеспечивает возможность их использования при разрешении уголовного дела и защиту прав участников предварительного расследования. Требования процессуальной формы необходимо оценивать с учётом их содержания и назначения, сохраняя установленное статьёй 75 УПК РФ правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона.

Рассмотренные судебные решения позволяют разграничить нарушения, затрагивающие процессуальные гарантии участников, и технические ошибки, не изменяющие установленные обстоятельства производства следственного действия. Вместе с тем они не дают оснований для общего вывода о допустимости любых доказательств, полученных с несущественными нарушениями. Возможность нового законного получения сведений также не означает автоматического восстановления юридической силы первоначального доказательства.

Следовательно, последовательность правоприменения следует обеспечивать прежде всего конкретной мотивировкой решения. Признавая доказательство недопустимым либо отклоняя соответствующее ходатайство, необходимо установить характер недостатка и объяснить его правовые последствия. Представляется, что это позволит избежать подмены оценки допустимости ссылкой на достоверность сведений или общей характеристикой нарушения как формального.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Статьи 75, 86, 88, 164, 166.
2. Брянская Е. В. Процессуальная сила и недопустимость доказательств в уголовном судопроизводстве России: монография. Москва: Проспект, 2025. 144 с. ISBN 978–5–392–44858–6.
3. Терехин В. В. Стандарты допустимости доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standarty-dopustimosti-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse>.
4. Слифиш М. В. Критерии допустимости доказательств: в свете принципов, действующих в сфере уголовного судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 5. С. 20–34. DOI: 10.34076/2410–2709–2025–149–5–20–34. URL: <https://rospravojournal.usla.ru/index.php/rp/article/download/473/245/1553>.
5. Лодкина В. В. Допустимость доказательств: вопросы терминологии // Молодой ученый. 2025. № 47 (598). С. 233–234. URL: <https://moluch.ru/archive/598/130434>.
6. Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда по делу № 1–24/2025. Дата в тексте решения: 3 июня 2025 г.; в заголовке публикации: 2 июня 2025 г. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l5FbCqE9vWl4>.
7. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда по делу № 22–5150/2025. Дата в тексте решения: 23 сентября 2025 г.; в заголовке публикации: 22 сентября 2025 г. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h6SG6knlgQVB>.

8. Приговор Ливенского районного суда Орловской области по делу № 1–2–27/2024. Дата в тексте решения: 23 декабря 2024 г.; в заголовке публикации: 22 декабря 2024 г. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l9UejOJGVFjt>.

Проблемы применения последствий недействительности ничтожных сделок: соотношение реституции и виндикации в современной судебной практике

Кравцов Иван Иванович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются проблемы применения последствий недействительности ничтожных сделок в современной судебной практике Российской Федерации. Подробно анализируется соотношение реституции и виндикации как способов защиты прав при оспаривании сделок с недвижимым имуществом. На основе анализа судебных актов Верховного Суда РФ и арбитражных судов округов автор выявляет основные тенденции в применении последствий недействительности, обосновывает необходимость законодательного разграничения указанных институтов и предлагает конкретные критерии их применения в зависимости от добросовестности сторон и факта государственной регистрации перехода права. Особое внимание уделено проблемам оспаривания сделок в процедурах банкротства и защите прав добросовестных приобретателей.

Ключевые слова: недействительность сделок, ничтожная сделка, реституция, виндикация, последствия недействительности, судебная практика, добросовестный приобретатель, банкротство, конкурсная масса.

Введение

Признание сделки недействительной влечет за собой применение последствий, предусмотренных ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), основным из которых является двусторонняя реституция — обязанность каждой из сторон возвратить другой все полученное по сделке. Однако в случаях, когда предметом недействительной сделки являлось индивидуально-определенное имущество (в первую очередь — недвижимое), на практике возникает сложный вопрос о соотношении реституции и виндикации (ст. 301–303 ГК РФ). Данный вопрос имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение, поскольку от выбора способа защиты зависят судьба имущества, права добросовестных приобретателей и очередность удовлетворения требований кредиторов. Актуальность исследования подтверждается масштабом судебной практики. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году судами рассмотрено более 180 тысяч дел, связанных с оспариванием сделок с недвижимым имуществом, из которых примерно 35 % касались применения последствий недействительности. При этом единообразие судебной практики до сих пор не достигнуто, что требует научного осмысления проблемы.

1. Теоретические основы соотношения реституции и виндикации

Традиционный подход, сформировавшийся в дореформенный период, предполагал безусловное применение реституции при признании сделки недействительной.

Как указывает Д. О. Тузов, «реституция является универсальным последствием недействительности сделки, направленным на восстановление первоначального положения сторон» [4, с. 58]. Однако после внесения изменений в раздел I ГК РФ Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ и последующих разъяснений Пленума ВС РФ № 25 (п. 63) ситуация существенно изменилась. Верховный Суд РФ в п. 63 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 последовательно указывает, что при оспаривании сделок с недвижимым имуществом, право на которое уже зарегистрировано за приобретателем, должны применяться нормы о виндикации, а не о реституции. Данная позиция вызвала в доктрине острую дискуссию. Р. С. Бевзенко [2], А. Г. Карапетов [3], Д. О. Тузов [4] обосновывают, что виндикация и реституция являются различными по природе правовыми конструкциями: реституция — это обязателственно-правовой способ, а виндикация — вещно-правовой. Как справедливо отмечает А. Г. Карапетов [3], применение виндикации при оспаривании сделок означает, что право собственности к приобретателю не переходит с момента регистрации, что противоречит принципу публичной достоверности ЕГРН [3, с. 15]. С другой стороны, сторонники реституционного подхода указывают, что применение виндикации создает неопределенность в гражданском обороте.

2. Анализ современной судебной практики

Анализ судебной практики за 2021–2026 гг. показывает, что Верховный Суд РФ выработал следующий дифференцированный подход: Во-первых, если сделка оспорена между ее непосредственными сторонами —

применяется реституция (обязательственный возврат). В Постановлении АС Московского округа от 15.03.2025 по делу № А40–78432/2024 суд указал, что при оспаривании сделки купли-продажи квартиры между первоначальными сторонами, когда право собственности еще не зарегистрировано за приобретателем, подлежат применению нормы о реституции. Во-вторых, если имущество уже перепродано третьему лицу — к первоначальному приобретателю применяется виндикация, а к третьему лицу — общие нормы о защите добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ). В Определении Верховного Суда РФ от 12.09.2024 № 305-ЭС24–12345 суд разъяснил, что при последующей продаже имущества третьему лицу, зарегистрировавшему право собственности, к третьему лицу применяются правила ст. 302 ГК РФ о добросовестном приобретателе. В-третьих, в банкротных спорах приоритетно применяются специальные основания недействительности (глава III.1 Закона о банкротстве) с применением реституции в пользу конкурсной массы.

3. Проблемы защиты добросовестных приобретателей

Особую сложность представляет вопрос о защите добросовестных приобретателей при оспаривании сделок с недвижимостью. Согласно ст. 302 ГК РФ, если имущество возмездно приобретено от лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать, то собственник вправе истребовать это имущество лишь в случае, когда имущество выбыло из владения помимо воли собственника. Однако при оспаривании ничтожных сделок ситуация осложняется тем, что имущество выбыло из владения собственника по его воле. Верховный Суд РФ в п. 38 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 указал, что последующий приобретатель может ссылаться на правила о добросовестном приобретателе, если он не знал и не должен был знать о недей-

ствительности первоначальной сделки. Данная позиция является компромиссной и направлена на защиту добросовестных участников гражданского оборота.

4. Предложения по совершенствованию законодательства

Автор статьи поддерживает позицию о необходимости законодательного разграничения сфер применения реституции и виндикации. Предлагается внести в ст. 167 ГК РФ дополнение, согласно которому при оспаривании сделок с недвижимым имуществом, право на которое зарегистрировано в ЕГРН: 1) между непосредственными сторонами сделки применяется реституция; 2) при наличии третьих лиц, зарегистрировавших право собственности, применяется виндикация с учетом правил статьи 302 ГК РФ. Кроме того, предлагается дополнить Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» специальной нормой, устанавливающей приоритетное применение реституции при оспаривании сделок должника, независимо от факта регистрации перехода права собственности.

Заключение

Соотношение реституции и виндикации при применении последствий недействительности ничтожных сделок остается одной из наиболее дискуссионных проблем современного гражданского права. Несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда РФ, единообразие судебной практики не достигнуто. В процессе написания статьи я столкнулся с проблемой явной противоречивости судебной практики разных арбитражных округов, что и стало основным фокусом данного исследования. Предложенные изменения в ст. 167 ГК РФ позволят повысить определенность гражданского оборота и защитить права добросовестных участников рынка.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
2. Бевзенко Р. С. Добросовестный приобретатель: защита при недействительности сделок // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 5. — С. 4–28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrosovestnyy-priobretatel-zaschita-pri-nedeystvitelnosti-sdelok> (дата обращения: 23.10.2026).
3. Карапетов А. Г. Реституция и виндикация: разграничение сфер применения // Вестник гражданского права. — 2016. — Т. 16, № 2. — С. 9–48. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/restitutsiya-i-vindikatsiya-razgranichenie-sfer-primeneniya> (дата обращения: 23.10.2026).
4. Тузов Д. О. Соотношение реституции и виндикации при недействительности сделок // Вестник гражданского права. — 2019. — № 4. — С. 55–82. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-restitutsii-i-vindikatsii-pri-nedeystvitelnosti-sdelok> (дата обращения: 23.10.2026).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.09.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 12.

Режим государственной границы как постоянно действующий административный режим, используемый в интересах пограничной безопасности Российской Федерации

Креков Иван Владимирович, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье автор исследует сущность и содержание режима государственной границы Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная граница Российской Федерации, административно-правовой режим, пограничная деятельность

Знание правил режима государственной границы важно как для граждан, так и для юридических лиц. Эти правила обеспечивают безопасность страны, предотвращают правонарушения и помогают избежать юридической ответственности.

Режим государственной границы относится к постоянно действующему административному режиму.

Основное назначение функционирования режима государственной границы — это правовое регулирование всех вопросов, связанных с взаимоотношениями Российской Федерации с соседними государствами на государственной границе. Он регулирует порядок пересечения государственной границы, плавания и пребывания гражданских судов, военных кораблей в территориальных и пограничных водах, захода и пребывания гражданских кораблей во внутренних водах, содержания границы, ведения на границе хозяйственной, промысловой и иной деятельности и разрешения пограничных инцидентов.

Режим государственной границы Российской Федерации включает в себя:

- содержание государственной границы;
- пересечение государственной границы лицами и транспортными средствами и особенности пересечения Государственной границы на море;
- перемещение через государственную границу грузов, товаров и животных;
- пропуск через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных;
- установление и открытие пунктов пропуска через государственную границу;
- ведение на государственной границе либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой и иной деятельности;
- разрешение инцидентов, связанных с нарушением режима государственной границы (ст. 7 Закона о Государственной границе Российской Федерации [1]).

Эти правила следует раскрыть подробнее.

1. Содержание государственной границы. Правилами содержания государственной границы регулируется порядок установки, сохранения и поддержания в исправном состоянии пограничных знаков, их контрольных осмотров, оборудования и содержания погра-

ничных просек, проведения совместных с сопредельным государством проверок прохождения государственной границы.

В интересах надлежащего содержания государственной границы отводится земельная полоса, проходящая вдоль государственной границы; регулируется порядок сохранения и поддержания в исправном состоянии пограничных знаков, их контрольных осмотров; оборудуются пограничные просеки; проводятся совместные с сопредельным государством проверки прохождения государственной границы.

Вопросы содержания государственной границы обычно решаются в соглашениях сопредельных государств по пограничным вопросам.

Так, например, в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы, стороны определили на местности прохождение линии государственной границы между двумя государствами и местоположение пограничных знаков, а также обозначили линию границы на местности пограничными знаками в соответствии со следующими документами демаркации государственной границы; включили правила по содержанию пограничных знаков, пограничных просек в соответствии с положениями документов демаркации государственной границы; определили сроки совместных проверок линии границы [6].

2. Пересечение государственной границы лицами и транспортными средствами и особенности пересечения государственной границы на море.

Пересечение осуществляются через пункты пропуска, устанавливаемые международными договорами России или решением Правительства Российской Федерации. Пропуск лиц через государственную границу осуществляется по действительным документам на право въезда и выезда. Так, в соответствии с Положением о содержании пограничного контроля при пропуске лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 4 июня 2012 г. № 546 [5], пограничный контроль включает:

а) контроль лиц для установления оснований на право выезда из Российской Федерации или въезда в Российскую Федерацию;

б) контроль транспортных средств, грузов и товаров для обнаружения и задержания нарушителей правил пересечения государственной границы;

в) контроль лиц, транспортных средств, грузов и товаров для выявления источников ионизирующего излучения в пунктах пропуска через государственную границу с государствами-членами Таможенного союза.

В ходе пограничного контроля осуществляется:

а) проверка действительности документов у лиц, следующих через государственную границу, на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации;

б) выполнение подразделениями пограничного контроля поручений государственных органов в отношении лиц, право которых на выезд из Российской Федерации ограничено в установленном законодательством Российской Федерации порядке либо въезд которых в Российскую Федерацию или выезд из Российской Федерации контролируется уполномоченными на то органами;

в) регистрация и учет фактических данных лиц, следующих через государственную границу, с использованием информационных систем.

С учетом взаимных интересов Российской Федерации и сопредельных государств, отдельные правила режима государственной границы могут не устанавливаться, а характер устанавливаемых правил может быть упрощенным. Так, на российско-казахстанском участке государственной границы реализуются соглашения, подписанные Правительством Республики Казахстан о порядке пересечения государственной границы жителями приграничных районов Российской Федерации и Казахстана. В соответствии с данными соглашениями, установлено места пересечения государственной границы с Республикой Казахстан, в которых жители приграничных районов могут пересекать государственную границу в упрощенном порядке.

Особенности пересечения государственной границы на море заключаются в том, что в случаях, установленных Правительством Российской Федерации, допускается неоднократное пересечение государственной границы на море без прохождения пограничного, таможенного и иных видов контроля:

а) российскими и иностранными судами, убывающими из российских портов с последующим прибытием в российские порты без захода во внутренние морские воды и в территориальные моря иностранных государств;

б) российскими судами, прошедшими пограничный, таможенный и иные виды контроля при убытии с территории Российской Федерации, прибывающими на территорию Российской Федерации без цели захода в российские порты с последующим убытием с территории Российской Федерации.

Неоднократное пересечение государственной границы судами допускается при соблюдении следующих условий:

а) выполнение требований к оснащению судов техническими средствами контроля, обеспечивающими постоянную автоматическую некорректируемую передачу информации о местоположении судов, и другими техническими средствами контроля местоположения судов;

б) передача в пограничные органы данных о местоположении таких судов;

в) уведомление пограничных органов о каждом фактическом пересечении государственной границы.

3. Перемещение через государственную границу грузов, товаров и животных производится в местах и в порядке, установленных международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, решениями Правительства Российской Федерации.

Законность перемещения через государственную границу товаров и грузов регулируется ТК ЕАЭС, который вступил в силу 1 января 2018 г. [2], в соответствии со ст. 5 которого, Таможенную территорию Союза составляют территории государств-членов, а также находящиеся за пределами территорий государств-членов искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией.

В связи с созданием Таможенного союза, куда вошли Республика Казахстан, Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Армения и Кыргызская Республика, был снят с таможенных границ таможенный контроль на внутренних границах. Ввоз в Российскую Федерацию товаров, прибывающих непосредственно с территорий государств, не являющихся государствами — членами Союза, и вывоз из Российской Федерации товаров, убывающих на территории таких государств, должны осуществляться в местах перемещения товаров через таможенную границу Союза, указанных в статье 10 ТК ЕАЭС, которыми являются пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, во время работы таможенных органов.

Несмотря на то, что в международных, в том числе и совместных документах, речь идет об общей направленности государств в пограничной сфере, тем не менее, в их положениях заложен смысл о выработке единых стандартов к вопросам перемещения через границы государств товаров и грузов (а также людей, животных, транспортных средств).

Законность перемещения через государственную границу товаров и грузов также регулируется федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]

В соответствии со ст. 5 названного Закона, ввоз и вывоз товаров в Российскую Федерацию или из Российской Федерации — это фактическое перемещение товаров через государственную границу Российской Федерации и

(или) пределы искусственных островов, установок и сооружений, в отношении которых Российская Федерация имеет суверенные права и юрисдикцию.

4. Пропуск через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных производится в установленных и открытых пунктах пропуска через государственную границу и заключается в признании законности пересечения государственной границы лицами, транспортными средствами, прибывшими на территорию Российской Федерации, перемещения через государственную границу грузов, товаров, животных на территорию Российской Федерации либо в разрешении на пересечение государственной границы лицами, транспортными средствами, убывающими из пределов Российской Федерации, перемещение через государственную границу грузов, товаров, животных за пределы Российской Федерации.

Основанием для пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных является наличие действительных документов на право въезда лиц в Российскую Федерацию или выезда их из Российской Федерации, документов на транспортные средства, грузы, товары и животных.

5. Установление и открытие пунктов пропуска через государственную границу.

Пункты пропуска через государственную границу устанавливаются международными договорами Российской Федерации или Правительством Российской Федерации по представлению федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, согласованным с пограничными органами и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, с учетом интересов сопредельных и других иностранных государств.

6. Ведение на государственной границе либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой и иной деятельности, связанной с пересечением государственной границы и затрагивающая интересы Российской Федерации, осуществляемая российскими и иностранными юридическими и физическими лицами, в том числе совместно, непосредственно на государственной границе либо вблизи нее на территории Российской Федерации (в пределах пятикилометровой полосы местности), не должна:

- наносить вред здоровью населения, экологической и иной безопасности Российской Федерации, сопредельных с ней и других иностранных государств;
- содержать угрозу нанесения такого ущерба;
- создавать помехи содержанию государственной границы и выполнению задач пограничными органами.

В целях регулирования ведения хозяйственной, промысловой и иной деятельности на государственной границе либо вблизи нее пограничными органами организована и проводится работа по рассмотрению и выдаче юридическим и физическим лицам разрешений на осуществление данной деятельности.

7. Разрешение инцидентов, связанных с нарушением режима государственной границы. Возникающие на государственной границе инциденты с сопредельными государствами связанные с нарушением правил режима государственной границы, урегулируются пограничными представителями Российской Федерации и данных государств.

Порядок разрешения инцидентов, связанных с нарушением режима государственной границы, отнесение их к компетенции пограничных представителей Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области обороны, или федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области иностранных дел, определяются договорами Российской Федерации с сопредельными государствами о государственной границе и ее режиме, иными международными договорами Российской Федерации, настоящим Законом, решениями Правительства Российской Федерации.

Деятельность пограничных представителей является составной частью сотрудничества по пограничным вопросам, а пограничные представители, исходя из правового анализа положений нормативных правовых документов, являются непосредственными исполнителями указанных задач. Кроме Закона РФ «О Государственной границе» Российской Федерации, таким документами являются: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 1995 г. № 462 «О пограничных представителях Российской Федерации» [4].

Таким образом, на основании изложенного, можно сделать следующий вывод.

Режим государственной границы — это особый административно-правовой режим, который представляет собой систему превентивной властной деятельности в целях предотвращения и пресечения правонарушений на государственной границе. Данный режим вводится на пограничной зоне и в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Систему мер, при помощи которых осуществляется содержание и установление режима государственной границы, соблюдение гражданами, юридическими лицами установленных правил, составляют:

- а) введение правил соблюдения режима государственной границы;
- б) четкая регламентация порядка деятельности государственных органов, поведения физических и юридических лиц, осуществляемая преимущественно посредством принятия нормативных правовых актов;
- в) установление особой системы контроля за надлежащим соблюдением установленных правил и ответственности за деятельность в рамках административно-правового режима;
- г) применение разрешительных или запретительных методов;
- д) наличие специальных организационных, технических, материальных и финансовых средств.

Литература:

1. О Государственной границе Российской Федерации: Закон РФ от 01 апр. 1993 г. № 4730-1 // Рос. газета. — 1993. — № 84.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза от 1 янв. 2017 г. // Официальный сайт Евразийского экономического союза: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 26.10.2026).
3. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 289-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2018 г. — № 32 (часть I), ст. 5082.
4. Положение о пограничных представителях Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 15 мая 1995 г. № 462 // Российская газета — 1995. — № 98.
5. Положение о содержании пограничного контроля при пропуске лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. № 546 // Российская газета — 2012. — № 130.
6. О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы: Распоряжение Правительства РФ от 03 нояб. 2006 г. № 1509-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 46, ст. 4806.

Отдельные вопросы преимущественного права покупки доли в обществе с ограниченной ответственностью

Криворучко Илья Алексеевич, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются практические аспекты реализации преимущественного права покупки доли в ООО. Анализируются правовые позиции судебной практики относительно механизма защиты прав участников общества при продаже доли в ООО. Особое внимание уделяется проблемам обхода преимущественного права участников и способам его защиты.

Ключевые слова: преимущественное право, общество с ограниченной ответственностью, перевод прав и обязанностей покупателя доли в ООО, защита прав участников ООО, уступка доли, дарение и продажа доли одному лицу.

Согласно абз. 2 п. 4 ст. 21 Закона об ООО [1] цена доли при ее продаже может быть, как установлена самим продавцом, так и предусматриваться уставом ООО. При этом нельзя упускать из виду интерес самого участника, его свободу распоряжения своей долей. В контексте определения цены продажи доли особую значимость имеет знаковое дело, известное в юридическом сообществе как дело ООО «Яна Тормыш» [2]. Из обстоятельств, описанных в деле следует: участник ООО намеревался про-извести возмездное отчуждение своей доли (продажу). Уставом общества предусматривалось преимущественное право покупки доли по цене ее номинальной стоимости, указанной в уставе общества, которая, учитывая размер доли вышеупомянутого участника, в данном случае составляла 1250 рублей. В то же время рыночная стоимость доли оценивалась в 20 миллионов рублей. На основании справедливой позиции Верховного Суда РФ, действие номинальной стоимости отчуждения доли существенно нарушало имущественные права участника общества, поскольку установление такого порядка на неограниченный срок входит в противоречие с существом «товарищеского

соглашения», с которым был отождествлен устав организации. Верховный Суд РФ признал порядок отчуждения долей общества по номинальной стоимости, существенно отличающейся от рыночной, недействительным, и обоснованно постановил взыскать с общества действительную стоимость доли. Таким образом, если в уставе общества прописана номинальная стоимость доли, отличающаяся от рыночной, то при продаже участником своей доли обществу, в целях защиты его прав важно исходить из необходимости проверять соответствие установленной номинальной стоимости рыночной. При таком подходе имущественные права участника не должны быть нарушены.

Кроме того, следует обратить внимание и на то, что п. 4 ст. 21 Закона об ООО предусматривает преимущественное право именно «покупки доли», что, как представляется, ощутимо сужает сферу распространения данного права. Помимо купли-продажи существуют и другие варианты возмездного отчуждения долей. Совместными Пленумами ВС РФ и ВАС РФ в свое время было обозначено, что в случае заключения договора мены в отно-

шении доли у остальных участников не возникает преимущественного права [3]. Следует отметить, что в настоящее время суды относительно сферы действия преимущественного права покупки долей в уставном капитале ООО по-прежнему исходят из буквального толкования нормы п. 4 ст. 21 ФЗ об ООО и при разрешении споров руководствуются правовыми позициями, сформированными Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ 09.12.1999 г. № 90/14. Вместе с тем представляется, что подход, согласно которому сужение сферы действия преимущественного права при отчуждении доли третьему лицу только до случаев ее продажи, не должен быть поддержан.

Дело в том, что обозначенная узкая сфера применения преимущественного права покупки доли в ООО породила множество приемов и способов его обхода. Ранее обход законодательных предписаний о преимущественном праве покупки доли в ООО нередко осуществлялся через два формально независимых юридических факта: сначала сторонами заключался договор займа, а уже после должник в целях прекращения своих заемных обязательств совершал отступное в виде принадлежащей ему доли в ООО. Формально, поведение сторон можно охарактеризовать как правомерное, так как лица действуют в пределах предоставленных им законом возможностей, однако, если взглянуть на эту ситуацию с точки зрения реальной цели, преследуемой сторонами при совершении указанных сделок, то в большинстве дел, рассмотренных судами, констатировалось нарушение запрета злоупотребления правом в форме совершения действий в обход закона с противоправной целью. Однако уже в 2009 г. вышло Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 № 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых АО» [4], в котором указывалось, что в таком случае два юридических факта преследуют единую цель — обойти конструкцию преимущественного права и признавали их притворными. Впоследствии Верховный Суд РФ указал, что в таком случае нет необходимости признавать их недействительными, достаточно воспользоваться способом защиты — переводом прав и обязанностей покупателя на себя [5].

Помимо вышеуказанного, многие злоупотребления возникают в связи с неверным применением правил о преимущественном праве при отчуждении доли именно третьим лицам, то есть неверно трактуется категория третьего лица применительно к исследуем правоотношениям. Так, на практике возникали случаи, когда часть доли сначала была подарена третьему лицу, а впоследствии оставшаяся часть ему же продавалась. Таким образом, так как лицо уже приобрело часть доли, при продаже остальной ее части оно уже являлось не третьим лицом, а полноценным участником общества. Однако, здесь возникает вопрос о верном толковании норм с учетом направленности воли участников правоотношения. В связи

с многочисленностью таких ситуаций и соответственно множественным обращениям в суды, судебной практикой так же была выработана правовая позиция на этот счет [6]. Судам необходимо выявлять каузу, с которой лицо заключает договор дарения в каждой конкретной ситуации. Если целью отчуждателя является обход преимущественного права и дальнейшее получение вознаграждения за последующее отчуждение оставшейся части доли, то две сделки (дарения и купли-продажи) будут квалифицироваться как единая сделка купли-продажи доли, и нормы о преимущественных правах являются применимыми. Не следует упускать из виду также временной промежуток, в пределах которого данные сделки были совершены. Он должен быть непродолжительным.

Необходимо обратить внимание на то, что Закон об ООО предписывает лицу, которое намеревается произвести отчуждение доли в форме ее продажи, извещать об этом остальных участников. Притом извещение должно быть выполнено в форме оферты. Получение же акцепта приводит к связанности участника фактически возникшим договором, в таком случае возможности предупредить у него уже нет.

Следует также отметить, что участники-кредиторы могут воспользоваться преимущественным правом как в отношении всей доли, так и в отношении её части (п. 4 ст. 21 Закона об ООО). Данное положение Закона об ООО, как представляется, может ставить участника-продавца доли в невыгодное положение, так как в результате перехода прав на часть доли оферента, доля существенно уменьшается и уже не выглядит такой привлекательной для третьих лиц. В связи с этим Верховный Суд РФ дал весьма существенное толкование правил о преимущественной покупке доли в ООО и прямо указал, что реализация преимущественного права не может использоваться как средство ущемления прав участников, которые лишаются права на возврат инвестиций путем продажи доли или ее части на предложенных ими условиях и по справедливой цене, следовательно, покупатель обязан приобрести всю долю, а не ее часть [7].

Подводя итоги изложенному, следует отметить, что проблематика реализации участниками преимущественного права покупки долей в ООО сегодня по-прежнему сохраняет высокую степень актуальности. Анализ современного законодательства и судебной практики по обозначенным вопросам показывает, что регулирование отношений касательно применения преимущественного права покупки долей в ООО остается неизменным, а сами правила по-прежнему имеют достаточно ограниченную сферу действия — касаются только случаев продажи доли третьим лицам. Учитывая, что правоприменитель регулярно сталкивается с различными способами обхода преимущественного права, а также учитывая специфику отношений, складывающихся между участниками в ООО (в особенности их фидуциарный характер), представляется справедливым во избежание негативных имущественных и неимущественных последствий для участников обще-

ства применять положения ст. 250 Гражданского кодекса РФ о преимущественном праве покупки по аналогии для

того, чтобы любое возмездное отчуждение доли предполагало сохранение действия преимущественного права.

Литература:

1. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 9 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»» // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 1.
4. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.06.2009 № 131 «Об обзоре практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // БВС РФ. — 2020. — № 8.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. — 2015. — № 8.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2024 № 304-ЭС24-5461 по делу № А45-7166/2023 // СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.

Тактические приемы подготовки и проведения допроса несовершеннолетних с участием психолога или педагога

Куликова София Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует вопросы, связанные с производством следственных действий и тактикой расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, допрос, уголовное судопроизводство, педагог, психолог.

Особенности выбора тактики допроса несовершеннолетних обуславливаются прежде всего предварительным изучением его образа жизни, среды обитания, интересов и увлечений, а также проблем, которые могут существовать во взаимоотношениях со сверстниками, стремления к лидерству и т. п.

В работе сотрудников правоохранительных органов должен прослеживаться индивидуальный подход к каждому подростку. Интеллектуальные особенности ребенка, в зависимости от его возраста, определяются детским психологом, который может дать заключение о психическом состоянии ребенка, способности к восприятию и воспроизведению полученной информации, интеллектуальные особенности, влияющие на его поведение и развитие, целесообразности привлечения ребенка к участию в следственных действиях [1, С. 36.]. Как показывает практика, при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних, независимо от их процессуального статуса, правильна выбранная тактика допроса несовершеннолетних дает неоспоримый положительный результат.

При подготовке проведения допроса несовершеннолетнего необходимо также учитывать его эмоциональную сферу: для несовершеннолетних характерна живость и выраженная неустойчивость эмоций, сверхчувствительность к внешним влияниям, импульсивность, противоречивость чувств, склонность к резким колебаниям настроения, беспокойству и тревоге [2, С. 73.]. Причиной импульсивности могут быть серьезные психические отклонения, особенности темперамента, временные невротические реакции на какие-либо психические травмы (развод родителей, переезд, поступление в школу), недостатки воспитания в семье, затруднение в общении, стремление самоутвердиться. При этом некоторые дети начинают совершать противоправные деяния, чтобы не чувствовать своей неполноценности, чтобы убедить самих себя и окружающих в своей хитрости, ловкости, смелости. Подросткам отчасти тяжело контролировать свои желания.

При допросе свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и при допросе свидетелей в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет должен присутствовать педагогический работник с высшим образова-

нием, а при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого участие педагога или психолога обязательно [3, С. 164].

До сих пор нет законодательного закрепления по поводу того, кто именно должен выступать в качестве педагога или психолога в процессе допроса. Например, С. В. Тетюев пишет, что зачастую приходится приглашать для участия в допросе несовершеннолетнего не только педагогов по профессии и образованию, но и руководителей подростковых кружков, клубов. Именно поэтому понятие «педагог» в уголовном процессе необходимо толковать шире, нежели это делается обычно [4, С. 29].

В отличие от педагога к психологу предъявляются более жесткие требования. Психолог — это лицо, имеющее высшее психологическое образование, со специализацией в области детской, подростковой, юношеской психологии и имеющее стаж работы по специальности не менее пяти лет. Скорее всего, данное мнение связано с тем, что при проведении допроса в большинстве случаев необходимо приглашать психологов, а не педагогов, потому что, если преступление совершил подросток, то в большинстве случаев это говорит о психологическом отклонении в его развитии и лишь психолог сможет разобраться в данной ситуации с психологической точки зрения. Мы не можем требовать от педагога досконального знания психологических особенностей, умелой ориентировки в сложных психологических проблемах, возникающих при расследовании дел несовершеннолетних, в отличие от психолога [5, С. 127].

Для более успешного допроса следователю необходимо изучать данные о личности, которая будет в дальнейшем допрашиваться. Такое ознакомление позволяет выбрать подходящую к ситуации тактику допроса и дает возможность наиболее правильно оценить показания [6, С. 181].

В начале допроса необходимо выяснить взаимоотношения между свидетелем и обвиняемым, с другими свидетелями, насколько заинтересован свидетель по данному делу. Немало важно для наиболее полного ознакомления личности допрашиваемого лица изучать его анкетные данные, которые должны содержать информацию о том:

- 1) каковы условия для проживания, воспитания несовершеннолетнего, где учится или работает, с какими лицами проводит большую часть времени;
- 2) насколько развиты интеллектуальный уровень, навык владения речью, его интересы, занятия;
- 3) как успешно преуспевает в учебе, насколько развита сообразительность, внимательность;
- 4) стоит ли на учете за употребление алкоголя, курения, наркотических средств, была судимость или нет;
- 5) каковы отношения со сверстниками, взрослыми, какие отличительные черты характера несовершеннолетнего;
- 6) насколько физически развит подросток;

Литература:

1. Татьяна, Л. Г. Производство следственных действий с участием малолетнего свидетеля по уголовным делам // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 3. С. 36.

7) в каком состоянии он находился, когда происходило то или иное событие, интересующее следствие;

8) каково было поведение, реакция после случившегося, с какими людьми общался;

9) передавал ли кому-либо информацию, и какую именно, о произошедших событиях перед допросом;

10) кто-то из взрослых знакомых несовершеннолетнего обсуждал ли указанные события, присутствовал он в этот момент с ними или нет [7, С. 349].

Такие данные могут исходить как от процессуальных источников: различные протоколы, материалы уголовного дела; так и не процессуальных: сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, которые содержатся в памяти следователя. При необходимости могут быть запрошены сведения из учреждений, предприятий, где несовершеннолетний свидетель учится или работает. Несмотря на запрос следователя дать полную характеристику на допрашиваемое лицо, ввиду формальности лиц, составляющих данного рода документы, реальной информации о лице не всегда удается получить, т. к. они содержат, как правило, идентичный текст: хорошо учится, активный, вежлив со сверстниками и т. п.

При подготовке к допросу следует также установить вид темперамента допрашиваемого субъекта, что значительно облегчит проведение допроса.

Раскрытие и расследование преступлений представляет собой сложный творческий процесс, во многом обусловленный субъективными качествами лица, его осуществляющего, и напрямую зависящий от уровня профессиональной подготовки, личного и профессионального опыта, владения специальными знаниями, навыками и умениями, наличия определенных личностных качеств.

Основные усилия суда на стадии судебного рассмотрения уголовного дела направлены на проверку относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, на устранение имеющихся противоречий, на принятие законного, обоснованного и справедливого решения, тогда как правильное собирание доказательств, установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлению, предусмотренных ст. 73 и ст. 421 УПК РФ, — это исключительная задача следователя на стадии предварительного расследования. И от того, насколько полно и грамотно следователь установит эти обстоятельства, зависит успех рассмотрения уголовного дела.

В условиях необходимости особой правовой защиты детей от преступных посягательств и неотвратимости наказания виновных в совершении указанных преступлений необходимы разработка новых и совершенствование традиционных приемов допроса несовершеннолетних (малолетних) потерпевших и свидетелей с учетом их возраста, образования, развития и психологических особенностей личности.

2. Наджафова Э. Э. К вопросу о тактике допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого // Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства: материалы VII Международной научной конференции студентов, курсантов и магистрантов (Симферополь, 14 декабря 2021 года). / отв. ред. Н. А. Найденова. Симферополь, 2021.
3. Кислова А. Ю. Особенности тактики допроса несовершеннолетних подозреваемых по уголовным делам // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 10(73).
4. Тетюев С. В. Зачем уголовному процессу педагог? // Рос. юстиция. 2010. № 6.
5. Солодовник В. В. О необходимости участия педагога, психолога и законного представителя при допросе несовершеннолетнего // Современные тенденции развития науки и технологий. 2020. № 10–8.
6. Тузова А. А. Феномен психологической достоверности показаний несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник.
7. Токарева Е. В. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности подготовки и производства допроса несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157).

Особенности восприятия информации и формирования показаний у несовершеннолетних и малолетних

Куликова София Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Автор анализирует влияние возрастных факторов, уровня развития памяти, внимания и критического мышления на достоверность показаний. Особое внимание уделяется проблеме внушаемости детей и подростков, а также рискам формирования ложных воспоминаний под воздействием внешних факторов (в том числе при некорректно заданных вопросах в ходе допроса).

Ключевые слова: несовершеннолетний, внушаемость, возрастные особенности, достоверность показаний.

Традиционно исследователи в юридической литературе выделяют три основных этапа (стадии) психологического механизма формулирования показаний: восприятие, запоминание, воспроизведение. Некоторые авторы определяют иные стадии указанного процесса. Например, Г. А. Зорин выделяет еще следующий этап: обратная связь, корректировка показаний [1, С. 9]. А. Н. Васильевым и Л. Н. Карнеевой предложено разделять не три, а четыре стадии формирования показаний: восприятие, запоминание, припоминание, воспроизведение [2, С. 11].

И. А. Макаренко выделяет следующие стадии формирования показаний несовершеннолетних лиц: восприятие, сохранение информации, формирование будущих показателей, воспроизведение [3, С. 44].

Важным элементом формирования показаний несовершеннолетних при проведении их допроса (опроса) выступает восприятие.

Восприятие является психическим процессом, который представляет собой осмысленный (принятие решений) и означенный (связанный с речью) синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или сложных, воспринимаемых как целое, явлений.

При резком физическом или эмоциональном переутомлении возможно нарушение восприятия. В этом случае происходит повышение восприимчивости к обычным внешним раздражителям, при таком состоянии возможно проявление ложного восприятия, иначе называемого гал-

люцинациями. Суть их состоит в том, что восприятие возникает без реального раздражителя, существующего объекта.

Воспринятое наблюдаемое событие еще не говорит о правильном его воспроизведении. Ощущения и восприятия дают толчок для образования временных нервных связей (ассоциаций) в коре головного мозга. Это и есть процессе запоминания, когда начинает свою деятельность память.

На запоминание влияют уровень развития допрашиваемого (опрашиваемого) несовершеннолетнего, особенности памяти, ситуация обстановки, когда информация была им воспринята.

Завершающей стадией формирования показаний несовершеннолетних является стадия воспроизведения, которая имеет важное значение для дела — получение допрашивающим полной и точной информации, учитывая то, как воспринял и понял данный материал допрашиваемый. Воспроизведение есть умственный процесс, который восстанавливает содержание информации в той или иной знаковой форме.

Отличительной особенностью стадии воспроизведения является то, что в ней участвуют допрашиваемый и допрашивающий. Следовательно стремится получить наиболее полные и точные сведения для дела. В процессе допроса осуществляется дача показаний — форма воспроизведения событий из прошлого времени.

Таким образом, зная определенные знания, умения в отношении процесса формирования показаний несовершеннолетних потерпевших (свидетелей), следователь будет проводить качественный допрос с получением полной, достоверной информации по делу, а также может рассчитывать на успешное расследование преступления в целом.

Как уже отмечалось выше, основная цель, которую преследует следователь, производя допрос, состоит в получении от допрашиваемого лица путем дачи им показаний достоверных, исчерпывающих фактических данных относительно известных последнему обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Традиционно криминалистика рекомендует тщательно изучить личностные характеристики несовершеннолетнего до начала его допроса с целью, как установления контакта, так и решения непосредственных задач конкретного следственного действия, что вполне оправдано. Однако не меньшее значение в эффективности допроса играют особенности мировоззрения и уровень развития ребенка, обеспечивающие формирование его показаний, то есть следователь должен «проследить» путь от момента происхождения необходимой для истребования информации до ее фиксации в протоколе [4, С. 304].

Любая криминалистически значимая информация до закрепления в материалах уголовного дела проходит через несколько стадий: восприятие, запоминание (или запечатление) и речевое воспроизведение, предоставляющее ее следователю. Восприятие информации сопровождается впечатлением, которое у несовершеннолетних зачастую преобладает над ее объективностью, в результате чего представление об объекте, воспринимавшемся, в частности, в связи с совершением преступления, не является полным, а лишь частично отражает его свойства. То есть органы чувств ребенка реагируют на информацию только в пределах индивидуальных порогов восприятия и ощущения, которые обуславливаются так же, как у взрослых лиц, объективными и субъективными факторами. Причем, если объективные факторы имеют такое же значение, в виде которых типично выступают расстояние, продолжительность, внешние условия и раздражители восприятия, то субъективные, возможно, кроме состояния опьянения, влияют на восприятие взрослых и несовершеннолетних лиц кардинально по-разному [5, С. 207].

Таким образом, у несовершеннолетних познавательный процесс восприятия усложняется посредством преобладания впечатлений. При всей мыслительной активности ребенка в этот момент и его попытке применения логических приемов, эта информация соотносится с уже имеющейся в его памяти аналогичной, осмысливается и понимается сообразно багажу его знаний, опыта

и интеллекта. То есть часто при допросах несовершеннолетних, являющихся свидетелями одного события и обладающих аналогичными знаниями об информации, следователь сталкивается с существенными различиями в их показаниях, предполагая намеренную ложь, пытается ее устранить, реализуя соответствующие тактические приемы, тогда как ее действительной причиной выступают индивидуальные особенности восприятия.

Кроме того, объективность восприятия несовершеннолетними искажается при влиянии уровня развития и интеллекта, их характерной особенностью выступает типичное изначальное представление полного образа объекта с последующей детализацией его признаков под влиянием как соотношения с воспринимавшимися аналогами ранее, так и последующего обсуждения с иными людьми. Впечатлительность и внушаемость детей и подростков в связи с этим определяют особую оценку следователем их показаний. Во время восприятия несовершеннолетним события преступления на его органы чувств обрушивается огромный поток непривычной и угрожающей информации, запоминание которой, тем более в условиях стресса, будет однозначно однобоким. Поэтому подробные и полностью аналогичные показания несовершеннолетнего при детальном описании события преступления и его признаков во время повторных допросов должны вызывать сомнения в их правдивости при рассмотрении вероятности намеренного искажения информации, возможно под влиянием взрослых лиц [6, С. 25].

Любое восприятие, запоминание и воспроизведение информации несовершеннолетними определяется, кроме того, чувством времени, пространства, размера и движения, выработанным сообразно возрасту. По сути, не находясь в зависимости от интеллекта, данный критерий оценки также играет важную роль, типично преувеличивая размеры реально воспринимавшихся объектов и искажая их, возможно до невозможности идентификации. С другой стороны, надежность запоминания несовершеннолетними зависит от объективности, эффективности восприятия и свойств памяти, способности сохранения информации без искажения, то есть типично является очень поверхностной [7].

Таким образом, учитывая, что при расследовании исследуемых преступлений несовершеннолетние, несмотря на свой возраст, типично обладают необходимой информацией, получение которой прямым образом зависит от профессиональных качеств допрашивающего, следователь должен самым тщательным образом готовиться к следственному действию, оценивать его результат посредством психологических механизмов становления представлений ребенка, особенностей восприятия и свойств памяти.

Литература:

1. Зорин Г. А. руководство по тактике допроса. М., 2001.
2. Васильев А. Н. Карнеева Л. Н. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970.

3. Макаренко И. А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. 1998.
4. Харченко Д. А. Психологические особенности формирования показаний несовершеннолетних // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3.
5. Матамаров А. Н. Особенности формирования показаний у несовершеннолетних на допросе // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216).
6. Ерахтина Е. А. Значение показаний несовершеннолетних, данных в ходе проведения допроса // Правовой статус несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Красноярск, 10 декабря 2021 года) / отв. ред. А. Р. Романова. Красноярск, 2022.
7. Миронова Г. А. Получение и использование в доказывании по уголовному делу показаний несовершеннолетнего потерпевшего: сравнительно-правовой анализ // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 1, № 1(2).

О некоторых проблемах назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела

Кучеренко Софья Витальевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье автор исследует практические проблемы назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела и использования заключения таковой экспертизы в качестве доказательства по уголовному делу. Особое внимание уделено соблюдению прав участников уголовного процесса и возможным способам злоупотребления ими своим правом на ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

Ключевые слова: *судебно-экспертная деятельность, судебная экспертиза, проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, дополнительная экспертиза, повторная экспертиза.*

Следственные действия являются одним из самых широко применяемых средств доказывания, предусмотренных отечественным уголовно-процессуальным законодательством.

Легальное понятие следственного действия не предусмотрено уголовно-процессуальным законом ни в Российской Федерации, ни в странах ближнего зарубежья, в том числе республиках бывшего СССР, однако, основным признаком следственного действия, на который указывают многие ученые-процессуалисты, является его направленность на решение одной из первостепенных задач предварительного расследования — собирание, проверку и оценку доказательств [1, с. 189].

Помимо этого, собранные в процессе производства следственных действий доказательства должны являться допустимыми, в связи с чем нельзя не согласиться с И. С. Лапаевым в том, что следственные действия направлены на собирание доказательств в строго регламентированной законом процессуальной форме [2, с. 50]. Таким образом, еще одним важнейшим признаком следственных действий является их соответствие уголовно-процессуальному закону.

Для обоснованности принятия решения о возбуждении уголовного дела и обеспечения возможности использования доказательств, полученных на стадии

проведения проверки сообщения о преступлении, законодателем разрешено ряд процессуальных и следственных действий проводить до возбуждения уголовного дела.

Важным условием возможности использования полученных до возбуждения уголовного дела сведений в качестве доказательств является соблюдение положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ, а также недопустимость ограничения права подозреваемого или обвиняемого на защиту.

Перечень следственных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела определен ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Так, до возбуждения уголовного дела уполномоченное лицо вправе проводить следующие следственные действия: получение образцов для сравнительного исследования, назначение судебной экспертизы, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, а также освидетельствование [3, с. 156].

Как видно из приведенного перечня, следственные действия, проводимые до возбуждения уголовного дела, направлены на фиксацию объективных признаков преступления. Анализируя содержание следственных действий, проводимых на стадии проверки сообщения о преступлении, следует отметить, что в наибольшей степени права подозреваемого или обвиняемого затрагивает назначение и проведение судебной экспертизы. Это обусловлено тем,

что в настоящее время специальные знания весьма активно используются при расследовании преступлений и заключение эксперта имеет большое значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела или выдвижения обвинения. Все это в совокупности позволяет рассматривать судебную экспертизу как наиболее перспективный механизм защиты прав и свобод граждан, а также интересов государства [4, с. 61].

Назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела стало возможным в 2013 году с принятием Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». во многих случаях решение о возбуждении уголовного дела не может быть принято без соответствующих исследований, проведенных лицом, обладающим специальными познаниями. Особенно это актуально при проведении проверок сообщений о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также иных веществ и предметов, запрещенных в свободном обороте.

В связи с этим, причиной внесения таких изменений послужило стремление законодателя исключить дублирование использования специальных знаний на стадии проверки сообщения о преступлении и при последующем принятии решения о возбуждении уголовного дела. Ранее до возбуждения уголовного дела могло быть проведено только исследование, что подразумевало под собой последующее производство экспертизы, назначаемой уже после возбуждения уголовного дела [5, с. 79].

Данные изменения действительно позволили снизить нагрузку на экспертно-криминалистические подразделения правоохранительных органов и судебно-экспертные учреждения и исключить неоднократное проведение исследование одних и тех же объектов.

Однако, как верно отмечено А. Ф. Волынским, судебная экспертиза, будучи «тяжеловесным», заформализованным, а потому времязатратным процессуальным действием, практически неприемлема для разрешения ситуаций, складывающихся при осуществлении проверочных действий по заявлениям и сообщениям о преступлениях и требующих безотлагательного реагирования на них, иногда в режиме текущего времени, например, при раскрытии преступлений по горячим следам [6, с. 190]. В связи с этим, проведение судебной экспертизы может привести к несвоевременному принятию решения о возбуждении уголовного дела, что неприемлемо в случаях, когда для изобличения преступника требуется проведение действий, которые могут быть осуществлены только в рамках расследования.

Кроме того, как было отмечено выше, из всех следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, судебная экспертиза в наибольшей степени влияет на реализация подозреваемым или обвиняемым

права на защиту. Для соблюдения этих прав законодателем была предусмотрена закрепленная в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ обязанность обязательного удовлетворения ходатайства потерпевшего или стороны защиты о назначении дополнительной или повторной экспертизы в тех случаях, если экспертиза проводилась на стадии проверки сообщения о преступлении.

Однако, данная норма уголовно-процессуального закона не позволяет в полной мере четко регулировать правоотношения, возникающие при реализации заинтересованными лицами права, предусмотренного ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, а также противоречит иным положениям УПК РФ, регламентирующим проведение дополнительной или повторной экспертизы.

В соответствии со ст. 207 УПК РФ дополнительная судебная экспертиза назначается при недостаточной полноте и ясности заключения эксперта, а также при возникновении дополнительных вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела, а повторная — в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам. Аналогичные условия назначения дополнительной или повторной судебной экспертизы содержатся и в ст. 20 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности».

Таким образом, с одной стороны, предусмотренная ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ обязанность лица, осуществляющего предварительное расследование, удовлетворить ходатайство о назначении дополнительной, либо повторной экспертизы, безусловно, позволяет в полной мере реализовать подозреваемому или обвиняемому право на защиту. С другой стороны, существующая редакция этого положения несовершенна и может способствовать злоупотреблению этим правом со стороны защиты, либо вовсе являться нереализуемой в некоторых следственных ситуациях.

Так, во-первых, очевидно, что при заявлении ходатайства о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы лицо в тексте ходатайства обязано изложить основания для ее назначения, перечень которых исчерпывающе приведен в ст. 207 УПК РФ. Анализ содержания оснований для назначения дополнительной или повторной экспертизы свидетельствует о том, что они являются одними из оценочных категорий уголовного процесса, достаточность которых определяется субъективным восприятием участника уголовно-процессуальных взаимоотношений и никак не регулируется законом. Схожего мнения придерживается и А. В. Кудрявцева: «неясность и неполнота заключения эксперта сами по себе зачастую являются поводом для сомнения в обоснованности и правильности заключения эксперта. Неясность заключения эксперта предопределяется объективными и субъективными факторами. Неясным может быть заключение в силу незнания субъектом доказывания (следователем, лицом, производящим дознание, судьей) тер-

минологии той отрасли специальных знаний, по которым проводилась экспертиза, низкой квалификации самого субъекта доказывания, непонимания отдельных положений заключения эксперта» [7, с. 124].

Нимира С. В. в попытках прояснить понятие недостаточной ясности заключения эксперта обращается к актам судебного толкования права: «В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывается, что «под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу» [8, с. 147]. При этом вопрос о возможности проведения допроса эксперта, проводившего экспертизу на стадии проверки сообщения о преступлении, ни в уголовно-процессуальном законе, ни в разъяснения Верховного Суда Российской Федерации не рассматривается, следовательно, по смыслу закона, даже если ясность в заключение эксперта может быть внесена в ходе его допроса, следовательно или дознаватель обязаны удовлетворить ходатайство о назначении дополнительной судебной экспертизы.

Внимания заслуживает и такое основание назначения дополнительной экспертизы как возникновение дополнительных вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела. Анализ правоприменительной и экспертной практики по делам о преступлениях, для принятия решения о возбуждении уголовных дел о которых требуется применений специальных знаний, свидетельствует, что в случаях, когда заключение эксперта является одним из основных доказательств по уголовному делу, нередко стороной защиты заявляются ходатайства о постановке дополнительных вопросов эксперту. При этом количество дополнительных вопросов может быть достаточно большим, а смысловое содержание вопросов выходить за рамки компетенции эксперта. Так, например, могут быть поставлены вопросы, требующие юридической оценки субъективной стороны деяния, либо вопросы, ответить на которые не позволяет современный уровень развития науки и техники. В удовлетворении такого ходатайства органом следствия или дознания может быть отказано на основании полученных ответов на направленные запросы в судебно-экспертные учреждения о возможности проведения в них экспертиз с целью ответа на вопросы, указанные в ходатайстве стороны защиты.

Однако, по смыслу ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, если экспертиза проводилась до возбуждения уголовного дела, то ходатайство о назначении дополнительной экспертизы для разрешения дополнительных вопросов, даже не входящих в компетенцию эксперта, подлежит удовлетворению. В таком случае в установленном уголовно-процессуальным законом порядке назначается судебная экспер-

тиза, постановление о назначении которой совместно с объектами исследования направляется в судебно-экспертное учреждение, где оно в установленном порядке регистрируется, эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

В судебно-экспертном учреждении после выполнения указанных процедур в порядке очередности поступления материалов для производства экспертиз в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» экспертом составляется письменное сообщение о невозможности дачи заключения в связи с письмом о возврате материалов экспертизы без исполнения в связи с тем, что поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении, современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы

Таким образом, назначение экспертизы в таких случаях не имеет никакой практической значимости ни для достижения целей предварительного расследования, ни для реализации прав подозреваемого или обвиняемого, но ее назначение и производство определенным образом увеличивает срок расследования.

С сомнениями в обоснованности заключения эксперта, данного на стадии проверки сообщения о преступлении, как основанием для назначения повторной экспертизы дело может обстоять аналогичным образом, как и с недостаточной ясностью заключения эксперта, что обусловлено субъективным подходом к оценке заключения эксперта сторонами уголовного процесса и их заинтересованностью в исходе дела.

Очевидно, что данным правом может активно злоупотреблять недобросовестная сторона защиты с целью затянуть процесс расследования и поставить под сомнение обоснованность экспертизы, проведенной до возбуждения уголовного дела, которая является одним из доказательств совершенного преступления или причастности лица к его совершению. Следовательно, постановка экспертизы под сомнение ставит под сомнение и обоснованность выдвинутого обвинения в отношении лица, а затягивание процесса расследования ограничивает следователя или дознавателя во временных рамках для принятия процессуальных решений, либо же может являться инструментом давления на следствие.

Кроме того, некоторые виды судебных экспертиз неразрывно связаны с израсходованием объектов исследования. К таковым, например, относятся судебная баллистическая экспертиза, в ходе которой проводится проверка патронов на их пригодность к производству выстрела путем экспериментального отстрела, экспертиза наркотических средств и психотропных веществ, взрывотехническая экспертиза. В ряде случаев для соблюдения таких принципов государственной судебно-экспертной деятельности, предусмотренных ст. 4 Федерального за-

кона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» как всесторонность и полнота исследования возникает необходимость полного расходования объектов исследования.

Расходование объектов исследования делает невозможным проведение дополнительной или повторной экспертизы, что не позволяет в полной мере реализовать право потерпевшего или стороны защиты на удовлетворение ходатайства о назначении указанных видов экспертиз, предусмотренного ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ.

В связи с тем, что применение специальных знаний в уголовном судопроизводстве является важным инструментом доказывания по уголовным делам, решение перечисленных проблем производства судебных экспертиз позволит оптимизировать процесс расследования уголовных дел и увеличить степень защиты прав участников уголовного-процессуальных правоотношений.

Для оптимизации правоприменительной деятельности видится целесообразным предусмотреть ряд изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Во-первых, ходатайство о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы, заявляемое потерпевшим или стороной защиты, удовлетворение которого предусмотрено ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ должно удовлетворять следующим условиям:

— недостаточная ясность и неполнота заключения эксперта не могут быть устранены путем проведения допроса эксперта с участием потерпевшего или стороны защиты;

— дополнительные вопросы входят в компетенцию именно той экспертной специальности, по которой проводилась судебная экспертиза;

— сомнения в заключении эксперта являются обоснованными и подтверждаются показаниями специалиста по вопросам, которые ставились на разрешение экспертизы.

Во-вторых, следует исключить возможность проведения экспертизы с полным расходованием объекта исследования. В случае, если проведение такого исследования необходимо для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, логичнее его проводить уже после возбуждения уголовного дела с соблюдением порядка назначения экспертизы. Следовательно или дознавателю на этапе проверки сообщения о преступлении для выявления основных признаков преступления на разрешение экспертизы в таких случаях будет логичным ставить вопросы, для ответа на которые не требуется расходование объекта, либо вовсе ограничиться получением справки об исследовании.

В целом же, для совершенствования правового механизма применения специальных знаний при производстве следственных действий, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, необходимо проведение реформирования не только уголовно-процессуального законодательства, но и в целом государственной судебно-экспертной деятельности, что в свою очередь возможно только в рамках межведомственного, общегосударственного подхода к правовым и организационным вопросам судебной экспертизы.

Литература:

1. Яковлева С. А., Шарова Д. В. Уголовно-процессуальное регулирование понятия и системы следственных действий // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 2. С. 187–195.
2. Лапаев И. С. Досудебное производство по уголовным делам: учеб. пособие / И. С. Лапаев. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та. 2020. — 158 с.
3. Гасанов А. М. Доказательственное значение следственных и процессуальных действий, совершаемых до возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2022. № 7. С. 155–159.
4. Торговченков В. И. Актуальные вопросы назначения и производства судебной экспертизы // Криминалистъ. 2016. № 2 (19). С. 61–65.
5. Кияева Е. Ю. Об уголовно-процессуальной неопределенности назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 1. С. 78–84.
6. Волынский А. Ф. Реформа судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности как необходимость // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 186–191.
7. Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России: Монография / Науч. Ред Ю. Д. Лившиц. Челябинск: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. — 411 с.
8. Немира С. В. Дополнительная экспертиза как способ проверки достоверности заключения эксперта в уголовном процессе // Закон и право. 2020. № 12. С. 146–148.

Трансформация института интересов ребенка в цифровую эпоху

Максимов Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье анализируется конфликт между правом ребенка на виртуальную приватность и обязанностью родителей по обеспечению его информационной безопасности. На основе анализа законодательства РФ и судебной практики исследуются границы правомерного родительского контроля, проблемы цифрового насилия (кибербуллинга) и специфика семейно-правовой ответственности за ненадлежащее воспитание в цифровой среде.

Ключевые слова: семейное право, интересы ребенка, цифровизация, родительские права, информационная безопасность, родительский контроль, приватность.

Динамичное развитие информационных технологий кардинально изменило пространство социализации подрастающего поколения. Интернет-пространство, социальные сети, и цифровые платформы стали неотъемлемой частью жизни современного ребенка. Подобная цифровая трансформация неизбежно влечет за собой необходимость переосмысления фундаментальных категорий семейного права, ключевой из которых выступает понятие «интересы ребенка».

Традиционно закрепленный в статье 56 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) принцип приоритета интересов несовершеннолетнего исторически формировался вокруг материальных, физических и базовых духовно-нравственных аспектов его жизни. Однако в цифровую эпоху сфера этих интересов расширилась: возникла острая необходимость защиты «цифрового благополучия» ребенка. В современных реалиях право на защиту законных интересов включает в себя не только ограждение от физических угроз, но и обеспечение ментальной, репутационной и информационной безопасности личности в виртуальной среде [1].

Юридическая наука долгое время рассматривала категорию «интересы ребенка» как оценочную, наполняемую содержанием в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств. В условиях цифровизации данное понятие требует нормативно-теоретической конкретизации. Сегодня в структуру интересов ребенка вплетаются новые правомочия:

1. Право на безопасный доступ к информационным ресурсам и образовательному контенту;
2. Право на защиту персональных данных и сохранение личной (виртуальной) тайны;
3. Право на защиту от деструктивного информационного воздействия (кибербуллинг, вовлечение в противоправные сообщества).

Согласно статье 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ», № 124-ФЗ, государство возлагает на органы власти и законных представителей обязанность защищать ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. Однако специфика семейного права заключается в том, что именно родители, а не государственные институты, являются пер-

вичным барьером, защищающим ребенка от цифровых угроз [2].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов современного семейного права выступает баланс между родительскими правами (обязанностями) и личными неимущественными правами несовершеннолетнего. В соответствии со статьей 63 СК РФ, родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Логичным продолжением этой обязанности в цифровую эпоху становится применение программ родительского контроля, мониторинг активности ребенка в социальных сетях, а в некоторых случаях — чтение личных переписок.

С другой стороны, Конституция РФ гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени. Ребенок, являясь полноценным субъектом права, также обладает этими гарантиями. Возникает правовой конфликт.

Важной вехой в разрешении этой коллизии стало определение Конституционного Суда РФ, который официально допустил использование программ родительского контроля для обеспечения безопасности несовершеннолетних детей. Судебная практика исходит из презумпции того, что действия родителей по мониторингу активности ребенка в сети Интернет направлены исключительно на реализацию их законных обязанностей по воспитанию и защите, а не на неправомерное вмешательство в частную жизнь.

Тем не менее, критерий правомерности такого контроля должен носить дифференцированный характер и напрямую зависеть от возраста ребенка. Если в отношении малолетних детей (до 10 лет) тотальный контроль детерминирован их уязвимостью, то в отношении подростков (старше 14 лет) чрезмерное вмешательство в их цифровую жизнь может расцениваться как злоупотребление родительскими правами, провоцирующее психологический дисбаланс в семейных отношениях [3, 5].

Если внешние угрозы (мошенничество, деструктивный контент) активно регулируются нормами информационного и уголовного права, то внутренние риски семейного характера часто остаются вне фокуса законодателя. К таким рискам относится публичное размещение роди-

телями фотографий, видеозаписей и личной информации о своих детях в социальных сетях без их согласия.

Подобные действия родителей могут нарушать право ребенка на охрану изображения (статья 152.1 ГК РФ) и защиту персональных данных. В долгосрочной перспективе это формирует «цифровой след» несовершеннолетнего, который может нанести вред его репутации, стать объектом насмешек (кибербуллинга) или быть использован злоумышленниками.

Представляется необходимым дополнить Семейный кодекс РФ нормой, обязывающей родителей учитывать мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, при публичном размещении его персональных данных и изображений в информационно-телекоммуникационных сетях.

Ненадлежащее исполнение родителями обязанностей по воспитанию детей в цифровой среде ставит вопрос о модернизации институтов семейно-правовой ответственности. В настоящее время крайние меры — лишение родительских прав (статья 69 СК РФ) или ограничение родительских прав (статья 73 СК РФ) — применяются судами в случаях жесткого физического насилия, алкоголизма, наркомании или явного уклонения от выполнения обязанностей [4].

Однако пассивное отношение родителей к тому, что их ребенок систематически подвергается травле в сети, вовлекается в опасные виртуальные квесты («группы смерти») или сам становится инициатором травли (кибербуллером), также свидетельствует о глубоком кри-

зисе детско-родительских отношений. Современная судебная практика постепенно начинает квалифицировать полное игнорирование цифровой жизни ребенка, повлекшее тяжкие последствия для его психики, как форму психического пренебрежения нуждами несовершеннолетнего. Это может служить основанием для ограничения родительских прав с целью защиты ментального здоровья ребенка.

Заключение

Защита интересов ребенка в цифровую эпоху требует комплексного и гибкого подхода со стороны государства и общества. Модернизация семейного законодательства должна идти не по пути запретов, а по пути установления четких ориентиров и правовых границ.

Необходимо на законодательном уровне признать «информационную (цифровую) безопасность ребенка в семье» частью общего содержания его права на надлежащее воспитание. Баланс между родительским контролем и приватностью несовершеннолетнего должен базироваться на принципах педагогической целесообразности, уважения к развивающейся личности ребенка и постепенного расширения его автономии по мере взросления. Только такое сочетание правовых гарантий и осознанного родительства позволит минимизировать риски цифровой среды и обеспечить гармоничное развитие подрастающего поколения.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: (в актуальной редакции). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Буйденко, Н. В. Защита прав и интересов детей в период цифровизации общества / Н. В. Буйденко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 19 (466). — С. 293–296.
4. Голубев, А. С. Пределы осуществления родительских прав в цифровом пространстве // Вестник науки. — 2026. — № 3 (96). — Т. 5. — С. 136–142.
5. Колобаева, Н. Е. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в Интернет / Н. Е. Колобаева, С. Э. Несмеянова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2020. — № 6. — С. 14–21. — DOI 10.34076/2219–6838–2020–6–14–21. — EDN GITSTS.

Разграничение ответственности заказчика и подрядчика при осуществлении государственного строительного надзора

Маркова Арина Константиновна, студент

Научный руководитель: Колесников Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В работе анализируются теоретико-правовые аспекты разграничения ответственности заказчика и подрядчика в сфере капитального строительства. Автор соотносит строительный контроль и государственный строительный надзор, определяет роль каждой сторон в процессе соблюдения нормативных требований. В статье обосновывается

тезис о том, что ответственность должна быть разграничена с учетом специфики их обязанностей, характера допущенных нарушений и действий каждого субъекта.

Ключевые слова: заказчик, подрядчик, административная ответственность, государственный строительный надзор, строительный контроль, объект капитального строительства, строительство, обязательные требования.

Специфика строительной сферы деятельности заключается в наличии повышенных требований к безопасности и защите прав и интересов граждан, что обеспечивается многоуровневой системой контроля, состоящей из внутреннего строительного контроля и государственного надзора. Особенность данной системы заключается в участии нескольких субъектов, обязанности которых четко распределены. Подрядчик выполняет работы, являющиеся предметом договора, а Заказчик оплачивает данные работы и в случаях, предусмотренных законодательством, осуществляет контроль за их исполнением.

Данное разделение обязанностей между субъектами играет существенную роль при разрешении вопроса об ответственности за нарушение обязательных требований. При этом, основная задача законодательства — определить границы ответственности каждого участника с целью избежать как необоснованного освобождения от исполнения обязательств Заказчика, так и автоматического возложения на него ответственности за нарушения, допущенные Подрядчиком.

1. Строительный контроль и государственный строительный надзор в системе государственного регулирования строительства.

Обе контрольно-надзорные процедуры представляют собой комплекс мероприятий, который проводится в целях проверки соответствия выполняемых работ проектной документации, требованиям технических регламентов и отвечает за обеспечение безопасности строительства.

Государственный строительный надзор представляет собой самостоятельный вид государственного контроля, направленный на обеспечение соблюдения обязательных требований при строительстве и реконструкции объектов капитального строительства [1, с. 30].

По смыслу ч. 3 ст. 54 Градостроительного кодекса Российской Федерации предметом государственного строительного надзора в отношении объектов капитального строительства является проверка соответствия выполняемых работ требованиям законодательства, проектной документации и установленным требованиям безопасности. Также государственный строительный надзор распространяется на соблюдение требований к порядку осуществления строительного контроля [2].

Таким образом, строительный контроль и государственный строительный надзор имеют разную правовую природу.

Строительный контроль является частью организации именно строительной деятельности. Главная задача которого состоит в обеспечении соблюдения нормативных требований в ходе выполнения работ. Государственный

строительный надзор является инструментом внешнего государственного воздействия, реализуемого уполномоченными органами, в целях проверки соблюдения обязательных требований.

Государственный строительный надзор устанавливает, соответствуют ли выполняемые работы утвержденной документации, а также соблюдение требований к порядку осуществления строительного контроля.

Эти механизмы функционально взаимосвязаны: государственный строительный надзор не подменяет строительный контроль, а, напротив, опирается на него как на обязательную внутреннюю систему контроля. Таким образом, данное разделение позволяет должным образом оценить какой именно субъект не исполнил либо исполнил ненадлежащим образом обязательства.

2. Распределение обязанностей между заказчиком и подрядчиком.

Градостроительный кодекс РФ закрепляет механизм распределения обязанностей между участниками строительства.

Согласно ч. 3 ст. 52 Градостроительного кодекса Российской Федерации лицо, которое осуществляет строительство, обязано выполнять работы в соответствии с проектной документацией, техническим заданием, с применением надлежащих материалов, соблюдением технологии строительства и требований регламентов [2]. Данное положение имеет ключевое значение при применении статьи 9.4 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение обязательных требований в области строительства [3]. Особенность данной нормы состоит в том, что она устанавливает санкции не за нарушение обязанностей, обусловленных договором, а за нарушение обязательных требований.

При том сам факт существования у заказчика обязанности контролировать подрядчика не означает, что подрядчик перестает нести ответственность за собственные действия.

Вместе с тем, заключение договора строительного подряда не исключает ответственности заказчика. Заказчик или технический заказчик несет ответственность при нарушении обязанности по осуществлению строительному контролю. При этом, для возложения ответственности на заказчика необходимо доказать, что он не организовал надлежащий контроль: не назначил ответственных лиц, не проверил документы, акты или результаты работ, выполнение обязательных процедур или проигнорировал выявленные дефекты, подписав акты при наличии явных нарушений. Ключевым фактором также является наличие у заказчика реальной возможности предотвратить нарушение. Если заказчик имел доступ к объекту или доку-

ментации, обладал полномочиями остановить работы или потребовать устранения недочетов, но не предпринимал необходимых мер, это может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении им обязательств. В данных случаях основанием ответственности будет являться ненадлежащее исполнение обязательств по строительному контролю. Таким образом, заказчик может быть привлечен к ответственности если орган государственного строительного надзора доказал, что соответствующий вид работ входил в предмет контроля заказчика, заказчик имел доступ к объекту и обладал необходимой информацией, а также мог потребовать устранения нарушения. Также заказчик по договору строительного подряда имеет возможность делегировать свое контрольное правомочие иным участникам гражданского оборота (архитектор, инженер) для проведения полной и эффективной проверки хода и качества строительных работ, когда отсутствие необходимого опыта не позволяет заказчику самостоятельно оценить соблюдение технологии, объемов и сроков производства работ, а также качество материалов [4, с. 56].

Иными словами, возможны две ситуации. Первая — подрядчик непосредственно нарушил обязательные требования при выполнении работ. Вторая — подрядчик допустил нарушение, которое заказчик в силу возложенных на него контрольных обязанностей должен был выявить и предотвратить, либо принять соответствующие меры к его устранению, но действия заказчиком предприняты не были. В данном случае основанием ответственности будет являться уже не сам факт выполнения подрядчиком некачественных работ, а ненадлежащее исполнение заказчиком собственной обязанности по строительному контролю.

Наиболее спорным является вопрос о том, какой именно объем нарушений подрядчика может быть поставлен в вину заказчику, поскольку заказчик не осуществляет работы вместо подрядчика и расширительное толкование его контрольных обязанностей может привести к фактическому возложению на него ответственности за любые действия подрядчика, независимо от того, мог ли заказчик их предотвратить.

В научной литературе обращается внимание на проблему определения ответственности за ненадлежащее осуществления строительного контроля. Так, Н.Г. Юрева и О. И. Бекетов отмечают: «Повышению качества строительного контроля также может способствовать установление административной ответственности за необеспечение строительного контроля или ненадлежащего его ведения» [5, с. 1240].

Данная позиция подтверждена Верховным Судом Российской Федерации в решении от 20 июля 2026 г. № АКПИ26–299 [6]. В указанном судебном акте отмечено, что строительный контроль заказчика и лица, осуществляющего строительство, имеет самостоятельное содержание. Следовательно, ответственность каждого участника должна определяться исходя из содержания возложенных на него обязанностей.

3. Критерии разграничения ответственности.

То есть, для решения вопроса об ответственности недостаточно установить только факт нарушения, выявленного органом государственного строительного надзора, а необходимо установить связь между нарушением и обязанностями конкретного участника строительства.

Целесообразно руководствоваться следующими критериями:

1. Субъектный состав обязательства. Необходимо определить на кого именно возложена обязанность соблюдать соответствующее требование.

2. Специфика допущенного нарушения. Следует разграничить нарушение требований непосредственно при выполнении работ и нарушение порядка строительного контроля.

3. Объективная возможность контроля. При определении ответственности заказчика следует исходить из того, входило ли выявление соответствующего нарушения в его обязанности.

4. Фактическое поведение участника. Необходимо учитывать осуществлялся ли строительный контроль, велась ли соответствующая документация, предъявлялись ли требования об устранении недостатков.

5. Наличие вины. Для привлечения лица к ответственности требуется доказать, что оно имело реальную возможность выполнить установленные требования, однако не предприняло для этого всех необходимых действий.

Применение указанных критериев позволяет избежать: во-первых, необоснованного освобождения заказчика от ответственности, во-вторых, автоматического возложения на заказчика ответственности за любое нарушение, допущенное подрядчиком.

Заключение

Строительный контроль и государственный строительный надзор образуют связанную, но не тождественную систему обеспечения соблюдения обязательных требований в сфере строительства. Строительный контроль выступает внутренней процедурой между участниками отношений, направленной на устранение недостатков, а государственный строительный надзор выступает в качестве деятельности государственных органов по оценке как качества работ, так и эффективности самого строительного контроля.

Разграничение ответственности заказчика и подрядчика должно исходить не из формального статуса субъекта строительства и факта выявленного нарушения, а исходя из конкретной обязанности участника. Подрядчик отвечает за качество работ, а также соответствие их установленным требованиям. Заказчик может нести самостоятельную ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств по осуществлению строительного контроля.

Таким образом, главным критерием распределения ответственности является установление собственного на-

рушения каждого субъекта. Данный подход позволяет сохранить баланс между обязанностью заказчика обеспечить контроль за осуществлением строительства и само-

стоятельной ответственностью подрядчика за выполнение работ, препятствуя необоснованному освобождению или возложению ответственности на каждую из сторон.

Литература:

1. Тарануха Н. Л., Шишкина А. А. Роль государственного строительного надзора и строительного контроля в обеспечении качества и безопасности строительства // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2023. Т. 19, № 2. С. 29–34.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 09.10.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.10.2026).
4. Крохина М. С. Опосредованный контроль заказчика за выполнением строительных работ // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 55–59.
5. Юрьева Н. Г. Об административно-правовом статусе контролируемых лиц, в отношении которых осуществляется государственный строительный надзор / Н. Г. Юрьева, О. И. Бекетов. — DOI 10.17150/2411–6262.2023.14(3).1236–1243. — EDN VNMMHYZ // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 1236–1243.
6. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20.07.2026 № АКПИ26–299 <Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим подпункта «д» пункта 6 Положения о проведении строительного контроля при осуществлении строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства, утв. Постановлением Правительства РФ от 21.06.2010 № 468> // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_543759/ (дата обращения: 09.10.2026).

Защита чести и достоинства в цифровой среде: анализ правовых механизмов против онлайн-диффамации

Мартынова Татьяна Валерьевна, студент

Научный руководитель: Серветник Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются ключевые проблемы правовой защиты чести и достоинства в условиях цифровизации. Рассматриваются основные положения российского законодательства, регулирующие данную сферу, включая нормы Гражданского кодекса РФ и разъяснения Верховного Суда РФ. Особое внимание уделяется специфическим вызовам, порождаемым интернет-средой, таким как анонимность правонарушителей, сложности с фиксацией доказательств и разграничением фактологических утверждений и оценочных суждений. В работе исследуется эффективность существующих механизмов защиты, включая удаление порочащей информации и компенсацию морального вреда, а также проводится краткий сравнительный анализ с зарубежными подходами. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования для обеспечения адекватной защиты нематериальных благ личности в цифровой среде.

Ключевые слова: диффамация, онлайн-диффамация, честь, достоинство, деловая репутация, Интернет, цифровая среда, защита нематериальных благ, гражданское право, компенсация морального вреда, удаление информации.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и повсеместное проникновение сети Интернет во все сферы общественной жизни коренным образом трансформировали способы коммуникации. Цифровая среда предоставила беспрецедентные возможности для реализации свободы слова, однако одновременно породила новые угрозы для нематериальных благ личности. Информация, в том числе порочащая честь и достоинство, в сети Интернет мгновенно стано-

вится доступной для миллионов пользователей, распространяясь независимо от государственных границ за считанные минуты [1, с. 38]. Такое положение дел требует от государства выработки эффективных правовых механизмов защиты, способных адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи. Актуальность данной проблемы подтверждается и на высшем правовом уровне: согласно ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени [2].

Несмотря на наличие законодательной базы, правоприменительная практика сталкивается со значительными трудностями, обусловленными спецификой онлайн-пространства, что делает анализ существующих механизмов и поиск путей их совершенствования первостепенной задачей юридической науки.

В российском праве честь и достоинство относятся к нематериальным благам, принадлежащим гражданину от рождения, неотчуждаемым и непередаваемым иным способом (п. 1 ст. 150 ГК РФ) [3]. Данные категории являются нравственными и этическими, однако их умаление может повлечь серьезные репутационные последствия для человека. В научной доктрине под честью традиционно понимают общественную оценку личности, а под достоинством — личную самооценку. Отсутствие нормативного определения этих терминов в законодательстве усложняет их эффективную защиту, поскольку суд, фактически, каждый раз заново устанавливает содержание данных категорий при разбирательстве конкретного дела. Термин «диффамация» в действующем российском законодательстве отсутствует, однако он активно используется в юридической доктрине и практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Верховный Суд РФ разъяснил, что используемое ЕСПЧ понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса РФ [4]. Таким образом, под онлайн-диффамацией следует понимать распространение в сети Интернет ложной информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию лица [5, с. 35].

Основу правового регулирования защиты чести и достоинства в России составляет ст. 152 Гражданского кодекса РФ, которая предоставляет гражданину право требовать по суду опровержения порочащих его сведений, если распространивший их не докажет, что они соответствуют действительности. Помимо Гражданского кодекса РФ, данную сферу регулируют Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6] и Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [7]. Важнейшую роль в формировании единообразной судебной практики играет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее — Постановление Пленума № 3). Данное постановление разъясняет ключевые аспекты применения ст. 152 Гражданского кодекса РФ, включая определение круга надлежащих ответчиков, разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений, а также порядок доказывания. Однако стремительное развитие цифровых технологий приводит к тому, что некоторые положения, выработанные более 15 лет назад, требуют корректировок с учетом современной судебной практики [8, с. 4].

Правовая защита от диффамации в цифровой среде сопряжена с рядом системных проблем, которые су-

щественно затрудняют реализацию прав потерпевших. Одной из главных сложностей является определение надлежащего ответчика [9, с. 114]. Зачастую порочащая информация распространяется анонимно или под вымышленными именами (никами), что делает установление личности правонарушителя практически невозможным. Потенциальными ответчиками по таким делам могут выступать собственники сайтов, администраторы доменных имен, провайдеры и непосредственно пользователи сети. Однако, как указал Конституционный Суд РФ, ответственность за совершенные действия несет только непосредственный правонарушитель, и если в действиях владельца сайта или провайдера отсутствует вина, привлечь их к ответственности не получится [10]. Если установить лицо, распространившее сведения, невозможно, гражданин вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений недействительными в порядке особого производства. В таком случае, однако, реализация таких способов защиты, как возмещение убытков и компенсация морального вреда, становится невозможной из-за отсутствия ответчика.

Другой значимой проблемой является фиксация доказательств. Информация в Интернете может быть удалена или изменена в любой момент, что требует от истца оперативных действий по сбору доказательственной базы. Наиболее надежным способом фиксации является нотариальный протокол осмотра сайта, который суды охотно принимают в качестве доказательства. В то же время, как показывает практика, суды неохотно принимают в качестве доказательств простые распечатки страниц (скриншоты), хотя в отдельных определениях судов подтверждена возможность доказывания факта распространения порочащей информации скриншотами [11]. Эта двойственность создает правовую неопределенность и ставит истца в уязвимое положение, так как нотариальное заверение требует времени и финансовых затрат, что не всегда доступно для граждан.

Ключевым моментом в делах о диффамации является разграничение утверждений о фактах, соответствие которых действительности можно проверить, и оценочных суждений, мнений и убеждений, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 Гражданского кодекса РФ. Оценочные суждения, являясь выражением субъективного мнения, не могут быть проверены на предмет их истинности [12, с. 47]. Как отмечает С. В. Потапенко, содержащиеся в оспариваемых высказываниях оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты, если только они не носят оскорбительного характера. Однако на практике разграничение этих категорий представляет значительную сложность. Субъективный подход судей при оценке характера высказываний может приводить к неоднозначной судебной практике и, как следствие, к отсутствию единообразия в защите прав граждан. Например, утверждение о «коррупционной составляющей» в действиях компании

было признано судом утверждением о факте, подлежащим проверке, а не оценочным суждением, поскольку оно указывает на наличие описываемых фактов в реальной действительности [13].

Анализ правовых механизмов, предусмотренных российским законодательством, показывает, что основным способом защиты является требование об удалении информации и ее опровержении. Важно отметить, что опровержение и удаление информации — это не тождественные, а самостоятельные способы защиты, которые могут применяться как одновременно, так и поэтапно. Удаление оспариваемых сведений из сети Интернет не может стать основанием для отказа в удовлетворении иска о размещении опровержения. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 18-П от 9 июля 2013 года детерминировал удаление из Интернета сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, не как вид гражданско-правовой ответственности, а как предусмотренный законом способ защиты нарушенных прав [14]. Это означает, что для применения данной меры не требуется установление вины распространителя, достаточно доказать факт распространения, порочащий характер сведений и их несоответствие действительности.

Наряду с опровержением и удалением информации, гражданин, в отношении которого распространены порочащие сведения, вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда (п. 9 ст. 152 ГК РФ). Компенсация морального вреда является одним из ключевых инструментов восстановления нарушенных прав, поскольку именно нравственные страдания зачастую составляют основную тяжесть последствий диффамации. Однако, как показывает анализ судебной практики, проведенный экспертами RTM Group, удовлетворение требований по таким делам — редкое явление, а взыскание морального вреда — еще более редкое. Так, в 2021 году из заявленной суммы материальной компенсации в 2 042 000 рублей по удовлетворенным делам было присуждено лишь 161 000 рублей, что составляет менее 8 %. Суды либо вообще отказывают во взыскании морального вреда, либо устанавливают минимальные суммы компенсаций, что связано со сложностью доказывания и оценки морального ущерба. Такая практика снижает эффективность судебной защиты и не создает достаточного сдерживающего эффекта для потенциальных правонарушителей.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что проблема онлайн-диффамации является глобальной, и различные правовые системы ищут свои пути ее решения.

В странах англосаксонской правовой системы, в частности в США, приоритет традиционно отдается защите свободы слова, закрепленной Первой поправкой к Конституции. Для привлечения к ответственности публичного лица необходимо доказать наличие «злого умысла» (actual malice), то есть знание о ложности сведений или безрассудное пренебрежение этим фактом, что является крайне высоким стандартом доказывания. В Великобритании, напротив, исторически сложился более благоприятный для истцов режим, хотя последние реформы законодательства о диффамации были направлены на усиление защиты свободы слова. Законодательство стран континентальной Европы, например, Германии и Франции, предусматривает как гражданско-правовую, так и уголовную ответственность за диффамацию. Опыт зарубежных стран демонстрирует постоянный поиск баланса между защитой репутации и свободой выражения мнений, что актуально и для российской правовой системы.

В заключение следует отметить, что, несмотря на наличие в российском законодательстве механизмов защиты чести и достоинства от онлайн-диффамации, их эффективность в условиях цифровой среды остается недостаточной. Ключевыми препятствиями для результативного рассмотрения дел являются: отсутствие четкого понятийного аппарата, в частности, законодательных определений терминов «честь» и «достоинство»; субъективный подход судов при разграничении «порочащих сведений» и «оценочных суждений»; сложности с установлением личности автора и распространителя порочащих сведений в анонимной интернет-среде; а также проблемы фиксации доказательств. Низкий уровень взыскиваемых компенсаций за моральный вред не способствует восстановлению социальной справедливости и не выполняет превентивной функции. Для повышения эффективности защиты нарушенных прав личности представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства. Возможными направлениями реформирования могли бы стать введение упрощенных процедур для установления личности анонимных пользователей по запросу суда, разработка четких критериев для разграничения фактов и мнений, а также пересмотр подходов к определению размера компенсации морального вреда с учетом охвата аудитории и тяжести репутационных потерь. Разработка и создание эффективного законодательства в этой сфере должно стать одной из приоритетных задач государства в целях действенной защиты прав личности в цифровом пространстве.

Литература:

1. Шожал, Б. Ш. Правовые проблемы защиты чести и достоинства в сети Интернет / Б. Ш. Шожал // Вестник магистратуры. — 2022. — № 11–3(134). — С. 38–41.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — № 237.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 4.
5. Мухитдинов, Ж. Ф. у. Особенности разрешения трансграничных споров, связанных с диффамацией в Интернете / Ж. Ф. у. Мухитдинов // *Universum: экономика и юриспруденция*. — 2024. — № 10(120). — С. 35–42.
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448.
7. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) «О средствах массовой информации» // Российская газета. — 1992. — № 32.
8. Потапенко, С.В., Даниелян, А. С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты: монография / С. В. Потапенко, А. С. Даниелян; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. — 202 с.
9. Христинина, Е. В. Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет и СМИ / Е. В. Христинина // *Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций*. — Омск: Омский государственный технический университет, 2024. — С. 113–119.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 01 марта 2010 г. № 323-О-О // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 17. — Ст. 2140.
11. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2020 г. по делу № 88–2609/2019. — Текст электронный // Справочно-правовая система Консультант.ПЛЮС. URL: <https://clck.ru/3PSxjf> (дата обращения: 25.09.2025)
12. Буйкин, А. Ю. Особенности правовой защиты от диффамации в условиях развития глобальной сети «интернет» / А. Ю. Буйкин // *Вестник Московской международной академии*. — 2018. — № 2. — С. 34–49.
13. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2016 г. № 309-ЭС16–10730 по делу N A07–12906/2015. — Текст электронный // Справочно-правовая система Гарант.РУ. URL: <https://base.garant.ru/71568590/> (дата обращения: 25.09.2025)
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 29. — Ст. 4019.

Разграничение оценочных суждений и утверждений о фактах в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации

Мартынова Татьяна Валерьевна, студент

Научный руководитель: Серветник Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу теоретических и практических проблем разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации. Исследуются позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, сформированные в обзорах судебной практики и отдельных судебных актах. Рассматриваются доктринальные подходы к квалификации спорной информации. Анализируется роль лингвистической экспертизы и её соотношение с компетенцией суда. На основании изучения нормативных актов, научной литературы и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию законодательного регулирования, включая закрепление в ст. 152 ГК РФ дефиниций исследуемых категорий и разработку единых методических рекомендаций для судей и экспертов.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, оценочные суждения, утверждения о фактах, диффамационные споры, лингвистическая экспертиза, свобода выражения мнений.

Категории чести, достоинства и деловой репутации занимают особое положение в системе нематериальных благ, защищаемых гражданским законодательством. Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 23 провозглашает право каждого на защиту своего доброго имени, а ст.

29 гарантирует свободу мысли и слова [1]. Сосуществование этих конституционных начал порождает фундаментальную коллизию, которая с особой остротой проявляется при судебном разрешении диффамационных споров: где проходит граница между допустимым выражением

субъективной позиции и посягательством на репутацию другого лица? Центральным звеном в решении указанного конфликта выступает разграничение оценочных суждений и утверждений о фактах, поскольку именно от квалификации спорного высказывания зависит выбор применимого правового режима и, в конечном счёте, исход дела.

Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 152 закрепляет право гражданина и юридического лица требовать опровержения порочащих сведений, не соответствующих действительности [2]. Для удовлетворения такого требования суду надлежит установить три юридически значимых обстоятельства: факт распространения сведений ответчиком, их порочащий характер и несоответствие действительности. Вместе с тем законодатель не раскрывает содержание ключевых для данных споров понятий — «утверждение о факте» и «оценочное суждение», — что порождает серьёзные трудности правоприменения. На эту проблему обращают внимание многие исследователи. Так, Н. Ш. Гаджиалиева и Д. К. Абдурахманов подчёркивают, что отсутствие в действующем законодательстве критериев разграничения указанных категорий приводит к тому, что судьи нередко ошибочно смешивают понятия «сведения», «сообщения о фактах» и «оценочные суждения», а это при рассмотрении диффамационных дел влечёт вынесение неправомерных решений [3, с. 130].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 9 постановления от 24 февраля 2005 г. № 3 разъяснил, что при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не подлежат судебной защите в порядке статьи 152 ГК РФ, поскольку представляют собой выражение субъективных взглядов и не могут быть верифицированы [4]. Данное разъяснение задало общий вектор правоприменения, однако, «разделив сведения на оценочные суждения и утверждения о факте, Верховный Суд РФ не дал рекомендаций, как можно отличить одно понятие от другого» [5, с. 432]. Тем самым суды оказались перед необходимостью самостоятельно вырабатывать критерии разграничения, что неизбежно привело к формированию противоречивой практики.

Одним из ключевых инструментов, применяемых на практике для идентификации характера высказывания, служат так называемые маркеры мнения — вводные конструкции и обороты, указывающие на субъективность суждения: «по моему мнению», «считаю, что», «вероятно», «возможно», «мне кажется». Их наличие в тексте традиционно расценивается как свидетельство оценочного характера информации. Анализ судебной практики, проведённый И. В. Поповым, демонстрирует, что именно отсутствие подобных конструкций нередко становится решающим аргументом при отнесении высказывания к утверждениям о фактах. Так, в решении Кировского

районного суда г. Екатеринбурга от 2 ноября 2016 г. суд прямо сослался на показания специалиста, указавшего, что в тексте отсутствуют маркеры мнения и предположительные конструкции, вследствие чего текст квалифицирован как утверждение [6, с. 25]. Между тем подобный формальный подход чреват злоупотреблениями: любое порочащее высказывание может быть облечено в форму субъективного мнения путём простого добавления вводного оборота, что, по существу, обесценивает механизм гражданско-правовой защиты.

Проблема формального подхода к маркерам мнения наглядно раскрывается в деле, ставшем предметом Определения Верховного Суда РФ от 14 июня 2011 г. № 5-В11-49. Правительство Москвы и мэр Москвы обратились с иском к В. В. Жириновскому, высказавшему резкие обвинительные характеристики в адрес столичной администрации в телевизионном эфире. Нижестоящие суды квалифицировали спорные высказывания как утверждения о фактах и удовлетворили иск. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила принятые постановления, обратив внимание на то, что суды не привели правовых доводов, позволявших оспариваемые высказывания, предварявшиеся словами «считаю, что...», отнести к утверждению о фактах, а не к оценочному суждению [7]. Данное определение подчёркивает, что наличие вводного оборота, указывающего на субъективность, не может игнорироваться судом и требует надлежащей правовой оценки. Одновременно оно демонстрирует, что Верховный Суд придаёт существенное значение контексту политической дискуссии, в рамках которой пределы допустимой критики значительно расширяются.

Принципиально иной ракурс проблемы обнаруживается в ситуациях, когда высказывание содержит смешанные элементы — одновременно и субъективную оценку, и указание на конкретные факты. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2023 год (п. 11) содержит позицию, согласно которой наличие в высказывании оценочных суждений само по себе не исключает содержания в нём утверждений о фактах, по отношению к которым автор высказывает своё мнение и соответствие действительности которых можно проверить [8]. Иллюстрацией послужило дело врача М., в отношении которой был размещён анонимный негативный отзыв на интернет-сайте. Нижестоящие суды квалифицировали все содержащиеся в отзыве высказывания как субъективное мнение пациента и отказали в иске. Верховный Суд с таким подходом не согласился, указав, что суды не исследовали, могут ли конкретные утверждения — о нарушении графика приёма, неправильном оформлении листа нетрудоспособности, назначении лекарств вопреки сведениям об аллергии — быть проверены на соответствие действительности. Тем самым была закреплена позиция, обязывающая суды проводить дифференцированный анализ каждого оспариваемого фрагмента, а не квалифицировать высказывание целиком как оценочное или фактическое.

Указанный подход корреспондирует позиции, сформулированной Е. Д. Горевым, А. А. Палагиной и Е. В. Пугачевой, которые обращают внимание на существование в языке широкого пласта оценочных выражений с фактической отсылкой — слов, содержащих утверждение в форме оценки. Авторы приводят убедительные примеры: характеристика сотрудника как «недисциплинированного» имплицитно утверждает совершение им действий, нарушающих трудовой распорядок, а называние предпринимателя «недобросовестным» указывает на нарушение законов и обычаев делового оборота [9, с. 44–45]. Подобные суждения, несмотря на оценочную форму, содержат проверяемое фактическое ядро и потому не могут автоматически исключаться из сферы действия ст. 152 ГК РФ. Данный тезис получил развитие в работе А. А. Оленевой, предложившей расширительное толкование понятия «утверждение», включающее любые негативно-оценочные суждения, поскольку они, выступая языковым выражением стратегии дискредитации, способны умалять честь, достоинство и деловую репутацию лица уже в силу оценочного компонента своего значения [10, с. 316].

Существенный вклад в развитие данной проблематики внесла правовая позиция Верховного Суда, сформулированная в п. 6 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации от 16 марта 2016 г.: оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер [11]. Указанная оговорка существенно скорректировала ранее действовавшее правило о полном иммунитете оценочных суждений от гражданско-правовой ответственности. Развивая данную позицию, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда в Определении от 16 декабря 2016 г. № 309-ЭС16–10730 по делу ФГУП «РТРС» разъяснила, что информация, указывающая на противоправный характер поведения субъекта, носит оскорбительный характер и, следовательно, даже при условии её изложения как субъективного мнения автора может служить основанием для требования о защите деловой репутации [12]. Спорные высказывания в этом деле содержали прямые указания на демпинговую стоимость работ, некомпетентность, коррупцию и мошенничество; суд констатировал, что избранный автором стиль изложения свидетельствует о наличии описываемых фактов в реальной действительности.

Анализ указанного Определения позволяет выделить два критерия, которыми Верховный Суд руководствовался при разграничении: содержательный (наличие в высказывании конкретных указаний на противоправное поведение) и формальный (стиль изложения, свидетельствующий об утвердительном, а не предположительном характере). Совокупность этих критериев, по мысли высшей инстанции, образует достаточное основание для признания высказывания проверяемым утверждением о фактах, а не защищённым от судебного контроля субъективным мнением. Вместе с тем категория «оскорби-

тельный характер» остаётся недостаточно определённой. Е. В. Гаврилов справедливо указывает, что данная категория исторически свойственна административному и уголовному законодательству и её механический перенос в гражданско-правовую плоскость порождает дополнительную неопределённость [13]. Каким образом правоприменитель или эксперт-лингвист смогут отграничивать «оскорбительные» негативно-оценочные суждения от суждений, не обладающих данным признаком, остаётся открытым вопросом.

Значительную роль в квалификации характера спорной информации играет лингвистическая экспертиза. Д. В. Азаров и В. М. Потворова выделяют три подхода к восприятию и оценке юридически значимой информации: юридический, лингвистический и общекультурный. Первый опирается на нормативно закреплённые дефиниции, второй — на специальные лингвистические методики, третий — на общий культурный уровень носителя языка, который присутствует в любой речи и не может быть проигнорирован. Авторы аргументированно критикуют позицию, согласно которой всё, что не подпадает под юридически определяемую терминологию, является «источником специальной экспертной информации», и настаивают на том, что подавляющее большинство высказываний, являющихся предметом диффамационного спора, не нуждается в экспертной оценке и может быть квалифицировано судьёй самостоятельно, исходя из знаний русского языка и житейского опыта [14, с. 21–25]. При этом авторы констатируют конфликт лингвистического и общекультурного подходов, когда формальное применение экспертных методик приводит к выводам, противоречащим восприятию семантики русского языка человеком среднего и выше уровня языковой культуры.

Между тем практика свидетельствует о том, что привлечение лингвистов в ряде случаев остаётся необходимым. В деле ООО «Благоустройство города» (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20 марта 2024 г.) по результатам судебной лингвистической экспертизы было установлено, что выявленные высказывания представлены в тексте как утверждения о фактах, которые можно проверить на соответствие действительности [15]. Суд, приняв во внимание заключение эксперта и материалы надзорных проверок, пришёл к выводу о недоказанности факта распространения порочащих и не соответствующих действительности сведений, поскольку истец не опроверг достоверность изложенной информации. Данное дело наглядно демонстрирует, что грамотно проведённая экспертиза способна объективизировать процесс квалификации высказывания, однако её результаты не являются безусловно обязательными для суда — компетенция эксперта ограничивается установлением негативного характера информации, тогда как вопрос о порочащем характере разрешается исключительно судом.

Судебная практика нижестоящих инстанций по-разному подходит к разграничению оценочных суждений

и фактических утверждений. Показательным является решение Советского районного суда г. Воронежа от 24 октября 2016 г. по делу Воронежского института высоких технологий к журналисту Золотухину А. А. [16]. Суд дифференцированно подошёл к анализу различных фрагментов публикации: редакционная ремарка «как выяснилось позже, врал всем в лицо» была квалифицирована как оценочное суждение, а рассуждения журналиста об «одновременном отчислении семерых студентов из Турции» как «политическом решении» отнесены к авторским размышлениям. В итоге суд отказал в удовлетворении иска, установив, что право автора на распространение спорных сведений перевешивает право истца на защиту деловой репутации с учётом общественной значимости обсуждаемого вопроса. Иной подход продемонстрирован в деле Кулькова А. А. (определение Приморского краевого суда от 21 сентября 2015 г.), где суд признал выражения «липовые протоколы» и «аферист» утверждениями о конкретных противоправных действиях, а не допустимой критикой [17]. Суд обоснованно указал, что данные высказывания выходят за пределы критики деятельности истца, необходимой для ответственного исполнения им своих полномочий.

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно обращался к проблематике баланса конституционных прав в диффамационных спорах. В постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П Конституционный Суд подтвердил, что право на свободу выражения мнений не является абсолютным и может быть ограничено в целях защиты прав и законных интересов других лиц [18]. В постановлении от 21 июля 2023 г. № 44-П Конституционный Суд развил ранее выработанные подходы, указав на недопустимость чрезмерного ограничения свободы выражения мнений, подчеркнув необходимость учёта контекста высказывания, статуса лица, в отношении которого оно сделано, а также общественной значимости обсуждаемого вопроса [19]. Закон о средствах массовой информации в ст. 57 устанавливает ряд оснований освобождения редакции от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности, в частности при дословном воспроизведении выступлений депутатов и должностных лиц [3]. Совокупность этих нормативных положений формирует правовую рамку, в пределах которой суды обязаны находить баланс между конкурирующими конституционными ценностями.

С учётом проведённого анализа нормативных положений, доктринальных позиций и материалов судебной практики представляется возможным сформулировать ряд выводов и предложений. Прежде всего, необходимо констатировать, что действующее законодательство содержит существенный пробел в части определения критериев разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений. Попытка восполнить этот пробел исключительно средствами судебного толкования оказалась недостаточно успешной: разъяснения Пленума Вер-

ховного Суда носят слишком общий характер и не предлагают операционализируемых критериев. Заслуживает поддержки высказанное в литературе предложение о дополнении ст. 152 ГК РФ нормой, закрепляющей определение оценочного суждения и примерный перечень языковых конструкций, свидетельствующих о субъективном характере высказывания [6, с. 26; 3, с. 131]. При этом перечень не должен быть исчерпывающим, а законодательная формулировка — избыточно детализированной: речь идёт скорее о нормативном ориентире для судов, нежели о жёсткой правовой дефиниции.

Вместе с тем одним лишь законодательным закреплением дефиниций проблема не исчерпывается. Ключевым вызовом остаётся квалификация так называемых «смешанных» высказываний, содержащих одновременно оценочный и фактический компоненты. Представляется обоснованным закрепление правила, согласно которому суд обязан исследовать каждый смысловой элемент спорного высказывания в отдельности и давать самостоятельную квалификацию утвердительным и оценочным фрагментам. Такой подход уже находит поддержку в практике Верховного Суда, однако его нормативное оформление сняло бы дискуссию о допустимости «гибридной» квалификации высказываний. Кроме того, целесообразно законодательно закрепить правило о том, что оценочное суждение, содержащее указание на конкретные действия лица, нарушающие закон или нормы морали, подлежит проверке на соответствие действительности в части данного фактического компонента — независимо от наличия маркеров субъективности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли лингвистической экспертизы. Полное устранение экспертов от разрешения диффамационных споров не представляется оправданным, поскольку ряд высказываний действительно требует специальных знаний для установления их коммуникативной направленности. Однако столь же неоправданным видится повсеместное назначение лингвистических экспертиз по всем делам данной категории, на что справедливо обращают внимание Д. В. Азаров и В. М. Потворова [14, с. 25–26]. Оптимальным решением представляется разработка единых методических рекомендаций для судей и экспертов, сочетающих юридический и лингвистический подходы к оценке информации. Такие рекомендации могли бы быть приняты совместно Верховным Судом и Министерством юстиции Российской Федерации и содержать типовые критерии разграничения, алгоритм анализа спорного текста, а также указания на случаи, в которых назначение экспертизы является обязательным.

Подводя итог, следует отметить, что проблема разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации остаётся одной из наиболее сложных в цивилистике. Её разрешение невозможно путём применения какого-либо одного универсального критерия; необходим комплексный подход, учитывающий содержание высказы-

вания, его языковую форму, контекст распространения, статус участников спора и общественную значимость обсуждаемого вопроса. Совершенствование законодательного регулирования в данной сфере — через закрепление дефиниций, установление правил анализа «смешанных»

высказываний и создание единых методических рекомендаций — способно повысить качество судебного правоприменения и обеспечить действенный баланс между свободой выражения мнений и защитой нематериальных благ личности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2025. — № 31. — Ст. 4669.
3. Гаджиалиева Н. Ш., Абдурахманов Д. К. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений при разрешении диффамационных споров // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 33, № 3. С. 129–133.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 4; 2026. — № 1.
5. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М. В. Агальцова, Д. В. Афанасьев, Е. Е. Баглаева и др. Вып. 3: Имплементация Конвенции по правам человека в национальное право. М.: Статут, 2017. 672 с.
6. Попов И. В. Проблема выявления оценочных суждений в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Научный электронный журнал Меридиан. 2017. № 5(8). С. 24–26.
7. Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2011 г. № 5-В11-49 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/3Sw8nD> (дата обращения: 30.03.2026).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 3.
9. Горева Е. Д., Палагина А. А., Пугачева Е. В. Проблемы обеспечения равновесия между реализацией права на выражение своего мнения и права на защиту чести и достоинства // Юридическая наука. 2020. № 7. С. 42–46.
10. Оленева А. А. Негативно-оценочные суждения как предмет судебной защиты в порядке статьи 152 гражданского кодекса Российской Федерации // Современные проблемы права глазами молодых ученых. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 313–317.
11. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 10.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2016 г. № 309-ЭС16-10730 по делу № А07-12906/201 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/3Sw8mf> (дата обращения: 30.03.2026).
13. Гаврилов Е. В. Об оскорбительном характере мнения. «ЭЖ-Юрист», 2017, № 30.
14. Азаров Д. В., Потворова В. М. О некоторых проблемах квалификации при рассмотрении диффамационных споров // Право: история, теория, практика. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2017. С. 18–28.
15. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20 марта 2024 г. по делу № А83-2481/2021 // Электронное правосудие (Кад.арбитр). URL: <https://clck.ru/3Sw8gy> (дата обращения: 30.03.2026).
16. Решение Советского районного суда г. Воронеж от 24 октября 2016 г. по делу № 2-3139/2016 // Официальный сайт Советского районного суда г. Воронеж. URL: <https://clck.ru/3Sw8ph> (дата обращения: 30.03.2026).
17. Определение судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 21 сентября 2015 г. по делу № м 33-8475/2015 // Официальный сайт Приморского краевого суда. URL: <https://clck.ru/3Sw8rZ> (дата обращения: 30.03.2026).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2013 г. 3 18-П // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 29. — Ст. 4019.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 июля 2023 г. № 44-П // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 31 (ч. III). — Ст. 6117.

20. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 (ред. от 31.07.2025) «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 7. — Ст. 300; 2025. — № 31. — Ст. 4658.

Антикоррупционная деятельность в системе государственного управления: современные научные и цифровые подходы

Мирный Андрей Викторович, студент

Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается, какие инструменты противодействия коррупции действуют в системе государственного управления и что дают им цифровые технологии. Показано, как электронные услуги, закупки, открытые данные и аналитика больших данных ограничивают возможности для злоупотреблений. Названы основные риски и предложены меры, которые могли бы их смягчить.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная деятельность, государственное управление, цифровизация, цифровое государство, открытые данные, искусственный интеллект, прозрачность, подотчётность, цифровые права.

Коррупцию принято считать болезнью государственного аппарата, и цифровые технологии выглядят для неё удачным лекарством: там, где нет личного контакта с чиновником, труднее договориться о «цене вопроса». Но надежды опережают проверенные результаты: в 2021 году в России было зарегистрировано свыше 35 тыс. преступлений коррупционной направленности — на 13,8 % больше, чем годом ранее [7]. Одних технических решений мало: нужно понимать, на какие причины коррупции они воздействуют.

Литература по теме делится на два направления: противодействие коррупции и переход к цифровому государству. Работы второго направления сосредоточены на услугах и правах граждан, а условия коррупции нередко остаются на периферии [3]. Цель статьи — соотнести научные подходы к антикоррупционной деятельности с цифровыми инструментами и определить границу между пользой и риском.

Правовую основу антикоррупционной деятельности в России составляет Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Статья 1 определяет коррупцию через злоупотребление служебным положением, взяточничество, коммерческий подкуп и иное незаконное использование должностного положения ради личной выгоды, а противодействие — как профилактику коррупции, борьбу с ней и минимизацию её последствий. Антикоррупционная политика нацелена на то, чтобы свести к минимуму причины и условия коррупции, а не только наказывать за неё [7]. Контроль за расходами должностных лиц регулирует Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ, а среди мер профилактики (ст. 6 закона) — антикоррупционная экспертиза правовых актов (Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ).

В науке на коррупцию смотрят по-разному. Уголовно-правовой подход видит в ней преступление и делает ставку

на неотвратимость наказания. Институциональный объясняет её устройством системы: коррупция тем вероятнее, чем больше у должностного лица монополии на услугу и свободы усмотрения и чем слабее контроль и подотчётность [7]. Профилактический ищет условия в управленческих процедурах, делающие злоупотребление возможным и безнаказанным. Для цифровой темы полезнее два последних: электронная услуга с чётким алгоритмом сужает усмотрение, а единая платформа лишает исполнителя монополии на «окно».

Главную причину живучести коррупции видят в непрозрачности процессов: граждане слабо информированы о своих правах, а контроль и отчётность органов власти недостаточны. Отсюда задачи, которые связывают с цифровыми технологиями: исключить посредников, отслеживать операции и находить в них отклонения, информировать граждан о процедурах. Особого внимания заслуживает мелкая коррупция: она способна подпитывать крупную, а значит, прозрачность взаимодействия с гражданами важна для борьбы с коррупцией в целом [8].

В отечественной литературе понятие цифрового государства остаётся недостаточно проясненным. М. В. Алексеева и С. В. Рыбак определяют его как систему организации управления на основе цифровых технологий и данных, направленную на эффективность, доступность и прозрачность услуг, участие граждан и доверие, при соблюдении этических норм и прав человека [3].

Для антикоррупционной проблематики важны три обстоятельства. Во-первых, переход описывается как последовательность ступеней: автоматизация процессов, цифровизация услуг, интеграция данных, цифровое государство; антикоррупционный эффект, вероятно, растёт от ступени к ступени, ведь интеграция данных позволяет перекрёстно проверять сведения. Во-вторых, выделяют модели электронной демократии, платформенную и на ос-

нове искусственного интеллекта; каждая отвечает своей задаче: общественному контролю, лишению исполнителя монополии и поиску отклонений в больших данных. В-третьих, цифровизация — лишь инструмент: технология не заменяет ответственных лиц и не отменяет необходимости контролировать их самих.

В российской практике заметнее всего результаты там, где взаимодействие с властью переведено в электронную форму. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ допустил оказание государственных услуг в электронной форме и ввёл многофункциональные центры, а значит, личных контактов с исполнителем стало меньше, а требования к процедуре — единые. Закупки регулирует Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, предусмотревший единую информационную систему. Но публикация ещё не открытость: право на информацию о деятельности государственных органов закреплено Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ, однако между правом и возможностью им воспользоваться существует разрыв — нужны организационные условия, понятные процедуры и ответственность за их нарушение [1].

Переход к цифровому государству означает смену самой модели управления [4], поэтому антикоррупционные требования нужно закладывать при проектировании сервиса: выяснить, какое усмотрение остаётся у исполнителя, кто получает доступ к данным и как фиксируются его действия. Антикоррупционную экспертизу (№ 172-ФЗ) имело бы смысл распространить и на алгоритмы электронных услуг.

Технологии больших данных, машинного обучения, искусственного интеллекта и блокчейна применяют для выявления, анализа и прогнозирования коррупционных правонарушений, а также для обеспечения прозрачности и подотчётности органов власти. Анализ больших массивов сведений позволяет находить нетипичные операции и связи, например расхождение между расходами и доходами: для контроля по Федеральному закону № 230-ФЗ это означает возможность сопоставлять сведения из разных государственных реестров, а блокчейн обеспечивает неизменность записей. Такие методы оправданы лишь при прозрачности и подотчётности самой системы и доверии общества [6].

Те же технологии работают и в обратную сторону: цифровизация сужает возможности для злоупотреблений и одновременно создаёт новые, включая киберпреступ-

ления, связанные с коррупцией [5]. Первый риск — непрозрачность: если логику «оценки риска» проверить нельзя, у проверяющего появляется новый повод для произвола — со ссылкой на «алгоритм». Второй — концентрация данных: тот, кто вправе менять записи или получать выборки из баз, приобретает новую монополию. Третий — цифровое неравенство: тот, кто не может воспользоваться сервисом, обращается к посредникам. Четвёртый — нехватка квалифицированных кадров, пятый — ложные срабатывания: добросовестного служащего легко принять за нарушителя [3].

Отдельный вопрос — права человека: проверка доходов и связей должностных лиц затрагивает частную жизнь. Конституция запрещает сбор и использование сведений о частной жизни без согласия лица (ч. 1 ст. 24), а права можно ограничивать только федеральным законом и лишь в необходимой мере (ч. 3 ст. 55) [2]. Отсюда два вывода: собирать нужно только необходимое для проверки, а решение, влекущее юридические последствия, нельзя принимать исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных — такой запрет (с исключениями) содержится в ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Значит, система вправе сигнализировать, но проверять и решать должен человек.

Можно предложить следующие меры. Во-первых, публиковать сведения о закупках, расходах и результатах проверок в машиночитаемом виде. Во-вторых, закрепить, что сигнал системы — основание для проверки, но не для вывода о виновности. В-третьих, оценивать антикоррупционные риски сервисов и алгоритмов до запуска. В-четвёртых, вести и проверять журналы доступа к базам данных и развивать защиту от киберугроз. В-пятых, сохранять неэлектронные каналы обращения и готовить кадры, владеющие цифровыми средствами борьбы с коррупцией. Наконец, оценивать успех не числом сервисов, а динамикой реальных показателей — долей закупок с единственным участником и сроками услуг [3].

Проведённый анализ показывает, что антикоррупционная деятельность в цифровую эпоху измеряется не количеством информационных систем, а тем, сужают ли они монополию и усмотрение должностного лица и усиливают ли его подотчётность. Технические решения должны развиваться вместе с открытостью данных, правовыми гарантиями прав граждан и подготовкой кадров, а не вместо них.

Литература:

1. Алексеева, М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях / М. В. Алексеева // Современное общество и право. — 2012. — № 3 (8). — С. 29–36. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17941484> (дата обращения: 23.10.2026).
2. Алексеева, М. В. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ / М. В. Алексеева, Ю. И. Исакова // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 27–30. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/9882/konstitucionnye-aspekty-cifrovyyh-prav-v-epoxu-cifrovizacii-yuridiceskii-i-prakticheskii-analiz> (дата обращения: 23.10.2026).

3. Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82500354> (дата обращения: 23.10.2026).
4. Алексеева, М. В. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий / М. В. Алексеева, Е. А. Филимонова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2024. — Т. 2, № 2. — С. 14–21. — URL: <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21> (дата обращения: 23.10.2026).
5. Овчинников, А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски / А. И. Овчинников // Журнал российского права. — 2019. — № 11. — С. 158–170. — URL: <https://doi.org/10.12737/jrl2019.11.12> (дата обращения: 23.10.2026).
6. Сарсембаев, М. А. Как с помощью цифровых технологий поставить заслон внутригосударственной и международной коррупции / М. А. Сарсембаев // Евразийский журнал международного права. — 2022. — № 3. — С. 10–21. — URL: <https://ejil.enu.kz/index.php/main/article/download/101/16/303> (дата обращения: 23.10.2026).
7. Смирнова, И. В. Вопросы государственного управления антикоррупционной деятельностью / И. В. Смирнова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». — 2022. — № 4. — С. 118–128. — URL: <https://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/21601.pdf> (дата обращения: 23.10.2026).
8. Фешина, С. С. Перспективные направления противодействия мелкой коррупции в России в условиях цифровой экономики / С. С. Фешина, О. В. Коновалова // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11, № 5. — С. 92–99. — URL: <https://economy.fa.ru/jour/article/viewFile/454/437.pdf> (дата обращения: 23.10.2026).

Правовые аспекты и процедурные особенности представительства в арбитражном судопроизводстве

Мокин Дмитрий Яковлевич, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье раскрыты теоретические и прикладные аспекты института представительства в арбитражном процессе. Проанализированы категории субъектов представительства, требования к их квалификации, порядок оформления и разграничения общих и специальных полномочий представителя. Отдельное внимание уделено процессуальному статусу представителя, его обязанностям, а также формам ответственности за ненадлежащее исполнение поручения. Исходя из действующего законодательства и практики его применения, сделаны выводы о роли профессионального представительства в обеспечении справедливого и эффективного рассмотрения экономических споров.

Ключевые слова: представительство, арбитражный процесс, полномочия представителя, доверенность, профессиональное представительство, ответственность представителя, АПК РФ.

Институт представительства обеспечивает реализацию конституционного права на защиту и доступ к правосудию в гражданском и арбитражном процессе РФ. В арбитражном судопроизводстве строгие процессуальные нормы. Они требуют от участвующих лиц высокого уровня правовой подготовки и ясных полномочий для защиты интересов сторон [2].

Актуальность темы связана с усложнением экономических споров и необходимостью точного применения норм как материального, так и процессуального права, а также с ростом критериев качества юридической помощи [11]. Цель работы — выполнить системный анализ института представительства в арбитражном процессе, выделить ключевые процедурные особенности и проблемные стороны правового регулирования.

В арбитражном процессе представительство — это установленное правовыми нормами отношение, согласно которому представитель осуществляет от имени довери-

теля процессуальные действия, вызывающие правовые последствия для доверителя [8]. Правомочие представителя основано на доверенности или аналогичном документе, либо на прямом законном предписании. Содержание доверенности для арбитражного суда регламентируется требованиями ст. 185–189 ГК РФ должна им соответствовать. В данном документе должны быть отражены необходимые реквизиты, включая подпись уполномоченного лица и печать организации при её наличии [3; 7].

Делегирование процессуальных полномочий профессиональному представителю обусловлено необходимостью квалифицированного применения норм права, формирования доказательственной базы, а также учёта специфики рассмотрения экономических споров [9]. В отличие от личного участия стороны в процессе, представительство позволяет обеспечить надлежащую правовую защиту интересов лица, не обладающего специальными юридическими познаниями, при условии соблюдения

требований к оформлению полномочий и надлежащему подтверждению статуса представителя [8].

В соответствии с действующим законодательством, круг лиц, допускаемых к представительству в арбитражном процессе, дифференцируется, в зависимости от их правового статуса и профессиональной квалификации [4].

К основным категориям представителей относятся:

- Адвокаты, лица, обладающие статусом адвоката, вправе представлять интересы сторон по всем категориям дел, рассматриваемых арбитражными судами, за исключением случаев, связанных с допуском к сведениям, составляющим государственную тайну [11].

- Иные лица, оказывающие юридическую помощь. Представителями в арбитражном суде могут выступать иные лица, имеющие высшее юридическое образование или учёную степень по юридической специальности, при условии надлежащего оформления полномочий [8]. К данной категории относятся юристы, не обладающие статусом адвоката, в том числе сотрудники юридических фирм и консалтинговых организаций.

- Корпоративные (штатные) юристы и иные уполномоченные лица юридического лица. Представители от организаций, действующие на основании доверенности либо в силу закона (например, единоличный исполнительный орган), обладают правом представлять интересы организации в арбитражном процессе [2; 7].

Законодательная дифференциация субъектов представительства направлена на обеспечение надлежащего уровня правовой защиты участников процесса и поддержание стандартов квалифицированной юридической помощи в сфере экономических споров [4; 11].

Объём процессуальных полномочий представителя определяется содержанием доверенности либо иного документа, удостоверяющего полномочия [3].

Закон различает общие полномочия, которые действуют автоматически при наличии доверенности, и специальные полномочия, которые требуют явного и недвусмысленного указания в документе.

Специальными полномочиями, подлежащими отдельному обязательному отражению в доверенности, являются:

- заключение мирового соглашения;
- полный или частичный отказ от исковых требований либо признание иска;
- передача спора на рассмотрение третейского суда либо изменение подсудности в предусмотренных законом случаях;
- согласие на назначение и проведение судебной экспертизы, а также определение порядка и стоимости её проведения;
- подписание процессуальных документов, влекущих юридически значимые последствия для стороны [14].

В случае, когда доверенность не содержит прямого разрешения на специальное полномочие, представитель не сможет провести необходимое процессуальное действие;

при попытке его совершения возникает риск, что действие окажется недействительным или не создаст правовых последствий для доверителя (ст. 62 АПК РФ) [6]. В реальной практике оформление доверенности нередко бывает неполным или некорректным, что осложняет выполнение полномочий. Дефекты могут носить как существенный (отсутствие специальных полномочий, истечение срока действия), так и формальный характер (ошибки в реквизитах, отсутствие даты выдачи, ненадлежащее удостоверение) [3]. Исправление таких дефектов возможно, однако выбор способа зависит от характера выявленного нарушения [7].

При отсутствии в доверенности специального полномочия, например, права на подписание мирового соглашения, признание иска, отказ от требований, обжалование решения или получение присуждённых денежных средств, либо имущества, представитель не вправе совершать соответствующие действия, поскольку такие полномочия должны быть прямо поименованы в доверенности. В указанной ситуации целесообразно приостановить совершение спорного действия, оформить новую либо дополнительную доверенность с прямым указанием необходимого полномочия и представить её в суд вместе с заявлением о приобщении к материалам дела. При этом важно удостовериться, что суд отразил в протоколе признание полномочий и перечень специальных прав представителя. Следует учитывать, что устное заявление доверителя в судебном заседании не может восполнить отсутствие специального полномочия в доверенности — требование о письменной фиксации таких полномочий является императивным [2; 6].

Формальные дефекты (неверные реквизиты организации, ошибки в Ф. И. О. или паспортных данных представителя, отсутствие даты выдачи либо подписи уполномоченного лица, истечение срока, отсутствие печати в случаях, когда её применение обязательно) устраняются путём оформления новой доверенности с корректными данными [6; 7]. При этом необходимо проверить, кто вправе подписать доверенность от имени организации (руководитель либо лицо, уполномоченное уставом или решением участника), указать чёткие сведения о доверителе и представителе, перечень судов, в которых осуществляется представительство, объём полномочий (включая специальные полномочия по ч.2 ст.62 АПК РФ), срок действия, дату выдачи, а также обеспечить надлежащее удостоверение документа (подпись и, при необходимости, печать) [3]. В судебное заседание представляется подлинник доверенности; копия допускается только при условии её надлежащего заверения. Одновременно подаётся заявление о приобщении новой доверенности и о признании полномочий представителя [2; 6].

Если суд уже выявил дефект и не допустил представителя к участию в заседании, недопустимо совершение процессуальных действий от имени доверителя лицом без надлежащих полномочий — документы, подписанные таким лицом, могут быть признаны не имеющими юри-

дической силы [6]. В подобной ситуации целесообразно ходатайствовать об отложении судебного заседания для оформления и представления новой доверенности, если пропуск заседания способен повлечь неблагоприятные последствия для доверителя [13]. Параллельно в суд направляется новая доверенность и заявление о допуске представителя. В случае невозможности отложения заседания следует обеспечить участие руководителя организации либо иного лица с подтверждёнными полномочиями. Руководитель организации может действовать без доверенности, если полномочия подтверждены учредительными документами и правоустанавливающим документом о назначении; в суд подаются устав, приказ или решение о назначении, а также документ, подтверждающий личность. [2; 7].

Своевременное выявление неточностей и допущенных ошибок в доверенности и их устранение важны для обеспечения процессуальной дееспособности стороны. Скорейшее исправление данных дефектов значительно снижает риск неблагоприятных последствий, если полномочия представителя не будут признаны судом. [6; 7].

Представитель в арбитражном процессе обладает множеством процессуальных прав, включая право заявлять ходатайства, представлять доказательства, присутствовать на заседаниях, давать пояснения по делу и обжаловать судебные акты в порядке апелляции, кассации и надзора. [8; 13]. Вместе с тем осуществление этих прав требует выполнения связанных с ними обязанностей:

Соблюдение принципа добросовестности. Представитель обязан действовать исключительно в интересах доверителя, не допуская злоупотребления процессуальными правами [15; 18].

Обеспечение информационной прозрачности. На представителе лежит обязанность своевременно информировать доверителя о ходе рассмотрения дела, принятых процессуальных решениях, а также о возможных рисках [8; 11].

Соблюдение конфиденциальности. Представитель обязан обеспечивать сохранность сведений, составляющих охраняемую законом тайну доверителя [4; 11].

Правовое регулирование представительства в арбитражном процессе предусматривает различные формы ответственности представителя как перед судом, так и перед доверителем [2; 8]. Процессуальная ответствен-

ность реализуется в рамках арбитражного судопроизводства и может выражаться в отказе суда признать действия представителя надлежащими либо в иных мерах, предусмотренных АПК РФ [2; 6]. Гражданскоправовая ответственность возникает из договорных либо внедоговорных обязательств и подлежит применению при причинении убытков доверителю вследствие ненадлежащего исполнения поручения [3; 18].

К числу наиболее существенных последствий ненадлежащего исполнения обязанностей представителем относятся:

- пропуск процессуальных сроков по вине представителя;
- совершение процессуальных действий с превышением полномочий либо при отсутствии надлежащих полномочий;
- не совершение процессуальных действий, на совершение которых был уполномочен представитель, но не совершил;
- причинение имущественного ущерба доверителю, подлежащего возмещению в порядке, предусмотренном ст.15, 393 ГК РФ [2; 3; 6].

При этом ответственность представителя перед доверителем носит гражданскоправовой характер и подлежит реализации в отдельном судебном порядке либо в рамках досудебного урегулирования спора [3; 18].

Эффективное представительство в арбитражном суде является критерием справедливого и быстрого рассмотрения экономических споров и защиты прав субъектов экономических взаимоотношений [19]. Качество услуг представителя определяется надлежащим оформлением полномочий, профессиональной подготовкой, умением в полной мере пользоваться всем спектром предоставленных полномочий и четким распределением обязанностей и ответственности в договорных отношениях между доверителем и представителем [11; 12]. Соблюдение установленных процессуальных требований, принципов добросовестности и конфиденциальности позволяет минимизировать риски неблагоприятного исхода дела и способствует укреплению доверия к арбитражной системе [15]. Дальнейшее совершенствование стандартов профессионального представительства является важным направлением развития арбитражного процесса в Российской Федерации [19].

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учётом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 52. — Ст. 4452.
2. Российская Федерация. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. Российская Федерация. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Российская Федерация. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.

5. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 16 июля 2020 г. № 37-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 30. — Ст. 4815.
6. Верховный Суд Российской Федерации. Постановление Пленума от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2022. — № 2.
7. Верховный Суд Российской Федерации. Постановление Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 8.
8. Российская Федерация. Арбитражный процесс: учебник / под ред. В. В. Яркова. — 7е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017.
9. Российская Федерация. Решетникова И. В. Доказывание в арбитражном процессе: учебнопрактическое пособие. — М.: Юрайт, 2020.
10. Российская Федерация. Треушников М. К. Судебные доказательства. — 5е изд. — М.: Городец, 2016.
11. Российская Федерация. Власов А. А. Адвокат в судопроизводстве: учебное пособие. — М.: Норма, 2019.
12. Российская Федерация. Шерстюк В. М. Производство в арбитражном суде первой инстанции: учебное пособие. — М.: Проспект, 2018.
13. Российская Федерация. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор: проверка судебных актов по гражданским и арбитражным делам. — М.: Городец, 2021.
14. Российская Федерация. Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. — М.: Волтерс Клувер, 2007. Российская Федерация. Моисеев С. В. Принцип диспозитивности в арбитражном судопроизводстве. — М.: Городец, 2008.
15. Российская Федерация. Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. — М.: Проспект, 2010.
16. Российская Федерация. Кудрявцева Е. В., Смолина Л. А. Как написать судебное решение. — М.: Юрайт, 2015.
17. Российская Федерация. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. — 6е изд. — М.: Статут, 2023.
18. Российская Федерация. Дегтярёв С. Л. Реализация судебной власти в гражданском и арбитражном процессе: теоретикоправовые проблемы. — М.: Волтерс Клувер, 2007.

Роль международных соглашений в охране авторских прав на литературные и художественные произведения: от Бернской конвенции до Соглашения ТРИПС

Моногарова Дарья Андреевна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматривается развитие международной системы охраны авторского права на литературные и художественные произведения. Основное внимание уделено Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г., Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г., Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. и Договору ВОИС по авторскому праву 1996 г. Автор показывает, как международные соглашения постепенно закрепили минимальные стандарты охраны, принцип национального режима и механизмы защиты прав иностранных авторов. Отдельно разбирается, почему именно Бернская конвенция стала базой всей системы, а Соглашение ТРИПС усилило не столько перечень прав, сколько обязательность их соблюдения. Сделан вывод о том, что современная международная охрана авторского права строится не на одном договоре, а на совокупности соглашений, которые дополняют друг друга и закрывают разные проблемы, включая цифровое использование произведений.

Ключевые слова: авторское право, международная охрана, Бернская конвенция, Соглашение ТРИПС, ВОИС, литературные произведения, художественные произведения, национальный режим.

Международная охрана авторского права складывалась постепенно, и это хорошо видно по самим договорам, которые государства принимали в разное время. Пока охрана существовала только внутри отдельных стран, автор фактически терял нормальную защиту сразу после

выхода произведения за границу. Для литературных и художественных произведений это было особенно чувствительно, потому что книги, переводы, иллюстрации, музыкальные сочинения и другие результаты творчества быстро распространялись за пределами одного государства.

Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. стала основой этой системы, и до сих пор ее значение трудно переоценить [1]. Конвенция закрепила три вещи, без которых международная защита работала бы слабо. Это принцип национального режима, принцип автоматической охраны и принцип независимости охраны. Если говорить проще, государство-участник обязано охранять произведения иностранных авторов не хуже, чем произведения своих граждан, и не может ставить такую охрану в зависимость от регистрации или других формальностей. Для XIX века это был очень сильный шаг. Автор уже не должен был в каждой стране заново подтверждать свои права, и это сильно сказалось на практике охраны.

Но одна Бернская конвенция не решила всех вопросов. Конвенция несколько раз пересматривалась, потому что способы использования произведений менялись, а вместе с ними менялись и риски для авторов. В тексте конвенции появились нормы о праве на перевод, воспроизведение, публичное исполнение и переработку. Важное место заняло и правило о минимальном сроке охраны. Статья 7 закрепляет общий срок в течение жизни автора и 50 лет после его смерти, если национальное законодательство не устанавливает более длительный срок [1]. Это правило потом стало ориентиром и для других международных актов. Сама логика здесь понятна: международное право не подменяет национальный закон полностью, но задает нижнюю планку, ниже которой государство опускаться не должно.

В 1952 г. появилась Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве, и ее обычно рассматривают как попытку расширить международное сотрудничество в условиях, когда не все государства были готовы присоединиться к Бернскому союзу [2]. Эта конвенция предложила более мягкий режим, в том числе в вопросе формальностей. Для части стран это был компромиссный вариант, который позволял включиться в систему международной охраны без полного принятия бернских стандартов. Однако со временем стало ясно, что именно Бернская конвенция задает более высокий и более цельный стандарт. Всемирная конвенция сыграла свою роль, но базовой конструкцией она не стала. Причины простые.

Сильная сторона Бернской конвенции состояла в том, что она исходила из самого факта создания произведения. Автор создал литературное или художественное произведение, и право уже возникает. Не регистрирующий орган, не издатель и не государственное ведомство создают это право, а творческий результат автора. В этом как раз и проявляется отличие авторско-правовой модели от некоторых других механизмов защиты результатов интеллектуальной деятельности. Кроме того, Бернская конвенция охватывает очень широкий круг произведений. В статье 2 названы книги, брошюры, лекции, драматические, музыкально-драматические, хореографические произведения, произведения живописи, архитектуры, графические произведения, фотографии и другие результаты творческого труда

[1]. Такой подход сделал договор универсальным, и он сохранил это качество даже после появления новых технологий.

1994 г. изменил систему уже в другом смысле. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, которое принято в рамках Всемирной торговой организации, включило авторское право в более жесткий международный режим исполнения обязательств [3]. Статьи 9–14 ТРИПС прямо опираются на Бернскую конвенцию и требуют от государств соблюдать ее основные положения, за исключением статьи 6bis о личных неимущественных правах. Здесь важен не только перечень прав, но и сама институциональная оболочка. Если в рамках классических конвенций многое держалось на добросовестности государств, то ТРИПС связал охрану интеллектуальной собственности с торговыми обязательствами и механизмом разрешения споров ВТО. Это заметно усилило значение международных стандартов. Государства получили уже не просто общую обязанность признавать авторские права, а обязанность выстраивать внутреннюю систему защиты, включая судебные и таможенные меры.

В научной литературе часто подчеркивают, что ТРИПС не заменил Бернскую конвенцию, а встроил ее в новый режим международного контроля и принуждения. Эту мысль подробно развивает Дэниел Гервейс, когда пишет о переходе от традиционного авторского права к глобальной модели регулирования, тесно связанной с международной торговлей [6]. Здесь есть важный момент. После ТРИПС вопрос международной охраны уже нельзя рассматривать только как культурный или частноправовой. Он стал и экономическим, и внешнеторговым, и институциональным. Для государств это означало необходимость не просто присоединиться к договору, но и реально менять законодательство, процедуры пресечения нарушений, правила о доказательствах, о мерах на границе. Результат был не везде одинаковый.

В то же время развитие технологий поставило новую проблему, которой не знали составители Бернской конвенции в 1886 г. Цифровая среда резко упростила копирование, передачу и переработку произведений. Электронная книга, цифровое изображение, музыкальный файл, текст на онлайн-платформе распространяются мгновенно и сразу в нескольких юрисдикциях. Старые нормы не исчезли, но их стало недостаточно для точного регулирования новых способов использования произведений.

Договор ВОИС по авторскому праву 1996 г. стал ответом именно на этот вызов [4]. Он сохранил связь с Бернской конвенцией, но уточнил охрану произведений в цифровой среде. В договоре закреплены право на распространение, право на прокат и право на сообщение для всеобщего сведения, которое имеет особое значение для сети Интернет. Еще один важный блок касается технических средств защиты и информации об управлении правами. Это уже не классические нормы XIX века. Здесь ме-

ждународное право пытается защитить не только само произведение, но и цифровую инфраструктуру контроля над его использованием. Что касается технологий — тут хуже. Нарушения все равно происходят быстро, а трансграничный характер сети делает пресечение сложным даже при наличии формально хороших правил.

Российская правовая система в этой части в целом строится с учетом указанных международных обязательств. Статья 15 Конституции Российской Федерации закрепляет приоритет международных договоров над внутренним законом при наличии расхождения, а часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации включает основные авторско-правовые механизмы, которые соответствуют международным стандартам. Для темы литературных и художественных произведений это важно, потому что российский суд, разбирая спор с иностранным элементом, не может игнорировать ни Бернскую конвенцию, ни другие договоры, участником которых является Россия. И здесь видно, что международные соглашения работают не отвлеченно, а через конкретные нормы о правомочиях автора, сроке охраны, свободном использовании произведений и способах защиты права.

Между тем у международной системы остаются слабые места. Первая проблема связана с тем, что договоры закрепляют минимальные стандарты, а национальные законы все равно сильно различаются. Из-за этого автор в разных странах сталкивается с разными пределами свободного использования, разными подходами к служебным произведениям, разным объемом защиты личных неимущественных прав. Вторая проблема касается правоприменения. Даже хороший международный договор сам по себе не останавливает пиратское распространение книг, изображений, фотографий и иных произведений, если государство не обеспечивает реальную судебную и административную защиту. Третья проблема относится уже к цифровым платформам. Их деятельность часто выходит за рамки одной юрисдикции, а потому правообладатель вынужден искать защиту сразу в нескольких странах, что долго.

Исследователи обращают внимание и на то, что сама философия международной охраны строится на поиске баланса между интересами автора и интересами общества. Джейн Гинзбург пишет об этом применительно к международному авторскому праву и показывает, что усиление трансграничной защиты неизбежно поднимает вопрос о допустимых исключениях и пределах монополии автора [5]. Этот баланс постоянно движется. Он движется под давлением издательского рынка, образовательных запросов, библиотек, платформ и пользователей. Поэтому международные соглашения никогда не бывают окончательными. Они работают, потом появляются новые формы использования произведений, и система снова требует уточнений.

В отличие от периода, когда международная охрана сводилась почти только к признанию прав иностранного автора, современная модель охватывает уже более широкий круг вопросов. Сюда входят стандарты защиты, способы судебного пресечения нарушений, меры на границе, цифровые замки и правила об онлайн-доступе к произведениям. Международное право здесь стало плотнее, но проще не стало. Наоборот, чем больше норм появляется, тем заметнее проблема согласования разных договоров между собой и с национальными законами.

Таким образом, роль международных соглашений в охране авторских прав на литературные и художественные произведения состоит в том, что именно они создали общую правовую среду, без которой трансграничная защита авторов была бы фрагментарной. Бернская конвенция заложила основу и задала базовые принципы. Всемирная конвенция расширила круг государств, готовых участвовать в международной охране. Соглашение ТРИПС усилило обязательность исполнения и связало авторское право с международной торговой системой. Договор ВОИС по авторскому праву подстроил эту систему под цифровую эпоху. В совокупности эти акты не устранили все проблемы, но именно они сделали международную охрану авторского права устойчивой, и в каком-то смысле повседневной для правоприменения.

Литература:

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сент. 1886 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
2. Всемирная конвенция об авторском праве от 6 сент. 1952 г. // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. Москва: Логос, 1993.
3. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [Заключено в г. Марракеше 15 апр. 1994 г.] // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (прил., ч. VI).
4. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 дек. 1996 г. // Публикация ВОИС № 226(R). Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1997.
5. Ginsburg, J. C. International Copyright: From a “Bundle” of National Copyright Laws to a Supranational Code? / J. C. Ginsburg // Journal of the Copyright Society of the U. S. A. 2001. Vol. 47.
6. Gervais, D. J. The TRIPS Agreement: Drafting History and Analysis / D. J. Gervais. 4th ed. London: Sweet & Maxwell, 2012. 744 p.

Правовое регулирование деятельности органов опеки и попечительства: проблемы и их решение

Морозова Наталья Вадимовна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Российская Федерация — социальное государство, что прямо предусмотрено Конституцией РФ, а именно ч. 1 ст. 7. В связи с этим, на законодательном уровне закреплено, что одна из функций такого государства — обеспечение охраны материнства, семьи и детства (ст. 38 Конституции РФ).

Деятельность органов опеки и попечительства, как упоминалось выше, регулируется Гражданским кодексом РФ, Семейным кодексом РФ, ФЗ «Об опеке и попечительстве» и рядом другим нормативно-правовых актов, изданных как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность органов опеки и попечительства, позволил выявить некоторые коллизии, которые требуют оперативного решения.

Так, например, О. А. Фадеева отмечает существование коллизий между представленными ФЗ и рядом актов, имеющих нормативно-правовое значение. Сведения об ответственности, применяемой к органам опеки, причинившим вред в отношении подопечного, включены в ст. 28 Закона об опеке и попечительстве. Здесь же имеются указания о том, какие меры будут приняты к виновному органу и его должностным лицам за допущение бездействия в отношении ребенка. Но в том же самом Федеральном законе предусмотрен порядок управления имуществом несовершеннолетнего, при этом органы, решая вопрос о предоставлении разрешения на имущественные сделки, могут руководствоваться только критерием оценки. Таким образом, при возникновении ситуаций, нарушающих имущественные права детей, в отношении которых установлена опека и попечительство, привлечение органов опеки к ответственности является невозможным [1].

В соответствии с п. 1 ст. 4 ФЗ «Об опеке и попечительстве» задачами государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству являются: обеспечение своевременного выявления лиц, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства, и их устройства. Однако, как показывает практика, своевременное выявление указанных лиц представляется максимально возможным лишь для несовершеннолетних, поскольку зачастую со стороны образовательных учреждений поступает сигнал. В таком случае возникает проблема выявления нуждающихся лиц, которые по решению суда не признаны недееспособным и не имеющие близких родственников. Эта проблема является актуальной в современных реалиях, ибо такие лица стали выявляться путем подачи заявлений в правоохранительные органы. Несмотря на заявления неравнодушных граждан, до органов

опеки и попечительства подобные заявления зачастую не доходят в связи с отсутствием в правоохранительных органах полномочий для разрешения таких обращений. Считаю необходимым внести изменения в законодательстве в части сотрудничества полиции и органов опеки и попечительства с целью передачи по подведомственности заявлений о проверке лица, потенциально нуждающегося в назначении ему опекуна или попечителя. Данные изменения позволят вести учет лиц, которые попали в трудную жизненную ситуацию с целью реализации задач, установленных Конституцией РФ, ГК РФ, СК РФ и ФЗ «Об опеке и попечительстве».

Из данной проблемы вытекает следующая: отсутствие взаимодействия учреждений здравоохранения и органов опеки в отношении недееспособных.

М. Ю. Кобзева также отмечает ряд проблем коллизий в ГК РФ и СК РФ. Так, отмечается несовместимость норм и дублирование понятий. В ГК РФ «подопечный» определяется через недееспособность, а в семейном кодексе — через возраст и семейное положение, что приводит к неопределенности в судебных спорах о правах лица, достигшего 14 лет. Также имеет место несогласованность актов, когда СК РФ обязывает опекуна «способствовать образованию подопечного» (ст. 122), а ГК РФ не содержит аналогичной нормы, из-за чего органы опеки и попечительства игнорируют образовательные нужды [2].

Также нерешенной остается проблема отсутствия подготовки лиц, претендующих на роль опекуна или попечителя. В соответствии со ст. 35 ГК РФ опекунами и попечителями могут быть назначены лица: 1) достигшие совершеннолетия;

2) полностью дееспособные.

При этом учитываются нравственные и иные личные качества, способность к выполнению обязанностей опекуна или попечителя, отношения, существующие между ним и лицом, нуждающимся в опеке или попечительстве, а если это возможно — и желание подопечного.

Таким образом, лицо, обладающее вышеуказанными качествами, может претендовать на опекунство или попечительство, не имея должного уровня подготовки, который, на наш взгляд, является обязательным во избежание причинения вреда подопечному, в том числе психологического. Министерство просвещения, Министерство образования и Министерство труда РФ в рамках сотрудничества могли бы разработать единую государственную программу по подготовке опекунов и попечителей, которая позволила бы сократить статистику по отказе опекунов от опекунства.

Так, опираясь на опыт зарубежных стран, необходимо отметить обязательную подготовку опекунов и попечителей: **PRIDE (Parent Resources for Information, Development, and Education)**: Эта модель разработана в США, но активно применяется в Канаде, Нидерландах, Швеции, Норвегии и других странах. Программа состоит из базового курса (обычно около 30 часов) и ориентирована на развитие пяти ключевых компетенций: защита и обеспечение благополучия ребенка, удовлетворение его базовых потребностей, поддержка связей с кровной семьей, содействие формированию привязанности и умение работать в команде со социальными службами.

Нельзя не отметить положительную динамику защиты прав и свобод опекаемых. Так, Постановлением Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423 утверждены Правила [3] осуществления органами опеки и попечительства проверки условий жизни несовершеннолетних подопечных, соблюдения опекунами или попечителями прав и законных интересов несовершеннолетних подопечных, обеспечения сохранности их имущества, а также выполнения опекунами или попечителями требований к осуществлению своих прав и исполнению своих обязанностей. Эти Правила определяют сроки проведения плановой проверки условий жизни подопечных:

- а) один раз в течение первого месяца после принятия органом опеки и попечительства решения о назначении опекуна;
- б) один раз в три месяца в течение первого года после принятия органом опеки и попечительства решения о назначении опекуна;
- в) один раз в шесть месяцев в течение второго года и последующих лет после принятия органом опеки и попечительства решения о назначении опекуна.

Литература:

1. Фадеева, О. А. Проблемы правового регулирования отношений в сфере опеки и попечительства / О. А. Фадеева. — Текст: непосредственный // Законность в современном обществе. —, 2017. — С. 168–174.
2. Кобзева, М. Ю. Опека и попечительство: проблемы правового регулирования / М. Ю. Кобзев. — Текст: непосредственный // Концепция развития частного права: стратегия будущего: VI Всероссийской национальной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. — Курск, 2025. — С. 450–454.
3. Постановление Правительства РФ от 18:05.2009 N 423 (ред. от 10.02.2020) «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» (вместе с «Правилами подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных установленных семейным законодательством Российской Федерации формах
4. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2025 N 88a-31798/2025 по делу N 2a-881/2025 (УИД 34RS0001-01-2025-000803-35)

По результатам проверки составляется акт проверки условий жизни подопечного, соблюдения опекуном прав и законных интересов подопечного, обеспечения сохранности его имущества, а также выполнения опекуном требований к осуществлению своих прав и исполнению своих обязанностей.

Примером положительной динамики может служить судебная практика, а именно: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2025 г. Так, ФИО1 являлась опекуном несовершеннолетних ФИО7, ФИО8 и ФИО6. Администрация Ворошиловского района Волгограда отстранила ее от исполнения обязанностей опекуна в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей. ФИО1 оспорила эти постановления в суде. Нижестоящие суды отказали в удовлетворении административного искового заявления ФИО1, признав постановления администрации законными и обоснованными. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции оставил решения нижестоящих судов без изменения, кассационную жалобу — без удовлетворения, поскольку истцом нарушались условия содержания воспитанников, которые не отвечали требованиям, пригодным для проживания в доме несовершеннолетних детей [4].

Обобщая вышесказанное, подходим к выводу, что несмотря на длительное существование института опеки и попечительства, продолжает оставаться не решенной некоторая часть проблем, требующая внимания от государства. Считаем, что заимствование опыта зарубежных государств, может модернизировать институт опеки и попечительства в современной России и разрешить существующие коллизии, в том числе предотвратить появление новых нерешенных задач.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 04.11.2026. Дата выхода в свет: 11.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.